

РОССИЙСКОЕ ОБЩЕСТВО СОВРЕМЕННЫХ АВТОРОВ
КУЛЬТУРНО-ПРОСВЕТИТЕЛЬСКИЙ ЦЕНТР РОСА

КЛАД

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
АЛЬМАНАХ

Старый Оскол
2015

УДК 882
ББК 84 (2 Рос=Рус) 6-5 Бел
К 47

Клад: Литературно-художественный альманах. Выпуск 16. –
К 47 Старый Оскол: Изд-во «РОСА». – 2015. – 272 с.

ISBN 978-5-905922-59-6

Свидетельство о регистрации П-1469 от 18.07.95,
выдано Северо-Западным Управлением Комитета РФ по печати.

Литературно-художественный альманах
Российского общества современных авторов (РОСА).
e-mail: 885533@mail.ru, <http://art-rosa.ru>

В альманахе представлено литературное творчество современных авторов в разделах «Поэтический марафон», «Стихи участников клуба бардовской песни «БАРРЭ», «Победители 1-го этапа Поэтического марафона в группе РОСА «ВКонтакте», «Московская городская организация Союза писателей России», «С песней по жизни», «Миниатюры с натуры», «Рассказы», «Сказки», «Повести».

УДК 882
ББК 84 (2 Рос=Рус) 6-5 Бел

ISBN 978-5-905922-59-6

© Авторы альманаха, тексты, 2015.
© Издательство РОСА, составление,
оформление, 2015

Правильная литература

Вот уже как 16 лет выходит литературно-художественный альманах «Клад». Создан он был ещё в конце прошлого века в Санкт-Петербурге. И именно там, с подачи известного художника-фотографа киностудии «Ленфильм» Павла Васильева, была заложена традиция размещения на обложке альманаха художественной чёрно-белой фотографии с образом женщины-музы. В этом году решено было традицию возродить. На сайте издательства и в группе РОСА ВКонтакте был объявлен конкурс на лучшее чёрно-белое фото для обложки 16-го выпуска литературно-художественного альманаха «Клад». В рамках конкурса в издательство поступило 62 фотографии от авторов России, Украины, Казахстана. В онлайн-голосовании приняли участие около 2 500 человек. Лидером голосования пользователей сети стала фотография Сергея Скеронова (Старый Оскол).

Помимо традиционных разделов прозы и поэзии, в этом выпуске альманаха отдельными блоками представлены лидеры сетевого конкурса ВКонтакте, проводимого издательством РОСА, Московская писательская организация, клуб бардовской песни «БАРРЭ», сказки, а также разделы «С песней по жизни» и «Миниатюры с натуры».

Меняется природа, общественное обустройство, но неизменным остаётся человек творческий... Вот в прошлом году был у нас в гостях классик детективного жанра Виктор Пронин. На моё предложение поучаствовать в работе какого-либо жюри или семинар провести, он извинился и пояснил, что, мол, ещё сам пишет и задумок столько, что только бы успеть... И действительно, что может быть важнее для писателя, нежели реализовать свои творческие замыслы? Наверное, ничего.

Порой ради творческого вдохновения автор отказывается от комфортного житья-бытья, бросается, очертя голову, в бездну жизни, находя нередко там свою смерть.

Но бывают авторы, которые не прочь «совместить приятное с полезным». Приобретя определённые навыки литературного творчества, они занимают ниши так называемых правильных или, если хотите, официальных авторов. На самоокупаемости подобные авторы и на хлеб не вытянут. Но есть же различные творческие союзы, где должны быть функционеры. Есть органы власти и местного самоуправления, где проводятся плановые мероприятия по осваиванию различного уровня бюджетов на культуру. Есть проекты для поддержания «культурного» имиджа какого-либо олигарха или политика. Есть, в конце концов, коммерческие и конъюктурные издательские проекты.

И зачастую речь идёт уже не о творчестве, а о попытке доминировать над всем и вся. Но ладно бы, подобные претензии исходили от писателей, произведения которых приобрели всенародную известность и признание, за правом на издание книг которых стоят в очередь крупнейшие издательства мира, композиторы и исполнители осаждают их в надежде заполучить стихи для создания песен, продюсеры охотятся за ними с надеждой заполучить право на экранизацию их бессмертных творений...

Отнюдь. Как правило, круг их «народной любви» распространяется аж до друзей-товарищей по творческому союзу да участников «добровольно-принудительных» мероприятий. Они организывают свои фестивали и премии, где раздают друг другу звания и награды, выпускают свои журналы и книги, которые кроме них самих никто и не читает...

Невнимание к своему творчеству со стороны издательств, распространителей книжной продукции, читателей, в конце концов, они объясняют невежеством читающей аудитории и происками популярных авторов, которые в сговоре с издателями захватили весь рынок книжный.

Вот двадцатка самых издаваемых авторов в первом полугодии 2015 года по статистике Книжной палаты РФ: Донцова Д.А., Джеймс Эл, Александрова Н.Н., Полякова Т.В., Устинова Т.В., Топильская Е.В., Вильмонт Е.Н., Брэдбери Р., Кинг С., Ремарк Э.М., Токарева В.С., Шилова Ю.В., Рой О.Ю., Мартин Джордж, Метлицкая Мария, Колычев В.Г., Семёнов Ю.С., Пиккуль В.С., Маринина А.Б., Серова М.С. Ну да, новых имён не наблюдается.

В этом году меня пригласили в качестве эксперта научно-исследовательской работы «Литературное творчество России в XXI веке», выполненной на базе Белгородского государственного института искусств и культуры. В обсуждении приняли участие С.И. Курганский – доктор педагогических наук, профессор, начальник Управления культуры Белгородской области; В.Н. Ганичев – доктор исторических наук, профессор, академик, Председатель Правления Союза писателей России, заслуженный работник культуры, член Общественной палаты Российской Федерации, заместитель главы Всемирного Русского Народного Собора; Т.В. Петрова – директор Государственного казенного учреждения культуры «Белгородская государственная детская библиотека А.А. Лиханова»; Е.Н. Тимошкина – кандидат педагогических наук, главный библиотекарь отдела научно-методической и научно-исследовательской работы ГБУК г. Москвы «Центральная универсальная научная библиотека им. Н. А. Некрасова»; М.В. Половнева – кандидат филологических наук, доцент, Белгородского государственного научно-исследовательского университета; О.Н. Ольхова – учитель русского языка и литературы общеобразовательной школы № 41 г. Белгорода.

В работе представлен анализ современной русскоязычной литературы по следующим жанрам: современная поэзия (поэмы, лирика), современная проза (роман, повесть, рассказ), современная драматургия (комедия, трагедия, драма), совре-

менная публицистика и эссеистика, современная литературная критика и современное литературоведение. В качестве базисного исследовательского фундамента были предложены метод сплошной выборки при отборе современных русскоязычных писателей и их произведений; биографический метод, который трактует литературные произведения в свете биографии его автора; культурно-исторический метод, связанный с анализом массива литературной продукции на основе выявления детерминации литературы; социологический метод.

Исследовательский коллектив избежал формального использования литературных понятий и литературоведческих терминов, предложено концептуальное видение методики изучения литературы современного столетия.

Представленная для экспертного заключения научно-исследовательская работа даёт принципиальную оценку жанрового разнообразия российской литературы XXI столетия, выявлены и охарактеризованы традиционные и новаторские литературные приёмы. Идеино-тематические характеристики цитируемых текстов сопряжены с эстетической стороной произведений, что позволяет объективно и всесторонне охарактеризовать произведение, проследить динамику литературного процесса как в творчестве конкретного литератора, так и современного литературного процесса в целом.

Биографические и исторические сведения об авторах не становятся опорными точками исследования, привносят только необходимые дополнительные сведения и, тем самым, не перегружают исследование второстепенными деталями. В качестве положительного момента следует отметить и грамотный литературоведческий анализ текстов, умелое использование цитирования в контексте логики проводимого анализа, без пересказа текста. Объективную картину развития литературы на современном этапе дополняет анализ произведений не только

авторов с большим творческим стажем и широкой известностью, но и молодых литераторов. В данном контексте важно и то, что в список анализируемых произведений включены не только отмеченные государственными, но и негосударственными премиями, а также сетевая литература, что рисует картину общественного признания, а, следовательно, даёт представление о сформировавшихся и формирующихся литературных вкусах и пристрастиях общества.

Все эксперты дали в целом положительную оценку проделанной работе. И как бы нам ни хотелось иного, но среди лидеров по результатам социологического исследования так же не наблюдается наплыва современных авторов с «правильными взглядами на литературу».

Нет их и среди лидеров в сетевой литературе.

Так в чём же дело? Говорят, что народу читать некогда... Не правда. Книжная отрасль развивается. Печатаются новые книги, переиздаются старые.

После семинара я встречался со студентами института культуры. Молодёжь, помимо фэнтези, по-прежнему читает романы Достоевского и стихи Есенина. Они смело вступают в дискуссию о современном литературном творчестве и даже читают на память стихи своих любимых авторов.

Здесь вопрос в другом... Мне кажется, что проблемой отсутствия читательского интереса к творчеству «официальных» авторов в самом творчестве и в их общественной позиции. Почему нет интереса к их творчеству у издателей, литагентов, читателей? В том числе и потому, что наши «правильные» авторы самоизолировались, успокоились и, сетуя на засилие графоманов да коммерческой литературы, не желают беспокоить свою душу, позволяя ей лениться. Профессиональным авторам нужно не чураться самодеятельных авторов, а идти в их гущу, своим творчеством спорить с ними, доказывать возможность

образного видения мира... Нужны творческие командировки, нужны переживания, нужны конфликты... Вопрос не только в отношении к чтению, в стилистике произведений, но и в системе художественных образов, которая отсутствует в современном литературном творчестве.

На мой взгляд, все эти споры о правильной и неправильной литературе, попытки учить друг друга литературному творчеству не должны сужаться до соревнования в знании грамматики русского языка.

Противостоять чьему-то творчеству, с моей точки зрения, нужно не запретом, руганью или чем-то иным персонифицированным, а своим творчеством. Ведь сегодня невозможно заставить человека замолчать – откажете вы ему в издании книги или в публикации в альманахе – он опубликуется в интернете, напечатает книжечку на ризографе, выйдет на площадь и будет читать свои сочинения. Нужно своё видение литературы отстаивать своим же творчеством. И если оно удалось, родилось, выросло, то нужно выходить на ту же площадь и читать рядом с тем, кто, с вашей точки зрения, не имеет права на публичность, публиковать своё стихотворение в альманахе рядом с тем, чьи стихи, по вашему мнению, наносят ущерб эстетической основе молодого поколения, выпускать книги, чтобы было с чем сравнивать.

И поэтому наш сегодняшний альманах открывают стихи Михаила Лермонтова, Сергея Есенина и Александра Блока.

Сергей Галиченко,
*директор издательства РОСА,
главный редактор альманаха «Клад»*

альманах «КЛАД»

**ПОЭТИЧЕСКИЙ
МАРАФОН**
РОСА

Михаил Лермонтов

1814 – 1841 гг.

Русский поэт, прозаик, драматург, художник.

Родился в Москве, в семье военного. Окончил Школу гвардейских подпрапорщиков и кавалерийских юнкеров.

Родина

Люблю отчизну я, но странною любовью!
Не победит её рассудок мой.
Ни слава, купленная кровью,
Ни полный гордого доверия покой,
Ни тёмной старины заветные преданья
Не шевелят во мне отрадного мечтанья.

Но я люблю – за что, не знаю сам –
Её степей холодное молчанье,
Её лесов безбрежных колыханье,
Разливы рек её, подобные морям;
Просёлочным путём люблю скакать в телеге
И, взором медленным пронзая ночи тень,
Встречать по сторонам, вздыхая о ночлеге,
Дрожащие огни печальных деревень;
Люблю дымок спалённой жнивы,
В степи ночующий обоз
И на холме средь жёлтой нивы
Чету белеющих берёз.
С отрадой, многим незнакомой,
Я вижу полное гумно,
Избу, покрытую соломой,
С резными ставнями окно;
И в праздник, вечером росистым,
Смотреть до полночи готов
На пляску с топаньем и свистом
Под говор пьяных мужичков.

Сергей Есенин

1895 – 1925 гг.

Русский поэт. Родился в селе Константиново Рязанской губернии, в крестьянской семье. Окончил четырёхклассное сельское училище и церковно-учительскую школу.

Гой ты, Русь, моя родная

Гой ты, Русь, моя родная,
Хаты – в ризах образа...
Не видать конца и края –
Только синь сосёт глаза.

Как захожий богомолец,
Я смотрю твои поля.
А у низеньких околиц
Звонно чахнут тополя.

Пахнет яблоком и мёдом
По церквам твой кроткий Спас.
И гудит за корогодом
На лугах весёлый пляс.

Побегу по мятой стёжке
На приволь зелёных лех,
Мне навстречу, как серёжки,
Прозвонит девичий смех.

Если крикнет рать святая:
«Кинь ты Русь, живи в раю!»
Я скажу: «Не надо рая,
Дайте родину мою».

Александр Блок

1880 – 1921 гг.

Русский поэт, драматург, литературный критик. Сын юриста и профессора Варшавского университета А.Л. Блока и переводчицы А.А. Бекетовой. Окончил славянорусское отделение Петербургского университета.

Скифы

*Панмонголизм! Хоть имя дико,
Но нам ласкает слух оно...*

Владимир Соловьёв

Милльоны — вас. Нас — тьмы и тьмы, и тьмы.
Попробуйте, сразитесь с нами!
Да, скифы — мы! Да, азиаты — мы, —
С раскосыми и жадными очами!

Для вас — века, для нас — единый час.
Мы, как послушные холопы,
Держали щит меж двух враждебных рас —
Монголов и Европы!

Века, века ваш старый горн ковал
И заглушал грома лавины,
И дикой сказкой был для вас провал
И Лиссабона и Мессины!

Вы сотни лет глядели на Восток,
Копя и плавя наши перлы,
И вы, глумясь, считали только срок,
Когда наставить пушек жерла!

Вот — срок настал. Крылами бьёт беда,

И каждый день обиды множит,
И день придёт — не будет и следа
От ваших Пестумов, быть может!

О, старый мир! Пока ты не погиб,
Пока томишься мукой сладкой,
Остановись, премудрый, как Эдип,
Пред Сфинксом с древнею загадкой!..

Россия — Сфинкс. Ликуя и скорбя,
И обливаясь чёрной кровью,
Она глядит, глядит, глядит в тебя
И с ненавистью, и с любовью!

Да, так любить, как любит наша кровь,
Никто из вас давно не любит!
Забыли вы, что в мире есть любовь,
Которая и жжёт, и губит!

Мы любим всё — и жар холодных числ,
И дар божественных видений,
Нам внятно всё — и острый галльский смысл,
И сумрачный германский гений...

Мы помним всё — парижских улиц ад
И венецьянские прохлады,
Лимонных роц далёкий аромат
И Кельна дымные громады...

Мы любим плоть — и вкус её, и цвет,
И душный, смертный плоти запах...
Виновны ль мы, коль хрустнет ваш скелет
В тяжёлых, нежных наших лапах?

Привыкли мы, хватая под уздцы
Играющих коней ретивых,
Ломать коням тяжёлые крестцы
И усмирять рабынь строптивых...

Придите к нам! От ужасов войны
Придите в мирные объятия!
Пока не поздно — старый меч в ножны,
Товарищи! Мы станем — братья!

А если нет, — нам нечего терять,
И нам доступно вероломство!
Века, века — вас будет проклинать
Больное, позднее потомство!

Мы широко по дебрям и лесам
Перед Европою пригожей
Расступимся! Мы обернёмся к вам
Своею азиатской рожей!

Идите все, идите на Урал!
Мы очищаем место бою
Стальных машин, где дышит интеграл,
С монгольской дикою ордою!

Но сами мы — отныне — вам — не щит,
Отныне в бой не вступим сами!
Мы поглядим, как смертный бой кипит,
Своими узкими глазами!

Не сдвинемся, когда свирепый Гунн
В карманах трупов будет шарить,
Жечь города и в церковь гнать табун,
И мясо белых братьев жарить!..

В последний раз — опомнись, старый мир!
На братский пир труда и мира,
В последний раз — на светлый братский пир
Сзывает варварская лира!

Зоя Буцаева

г. Старый Оскол

Родилась в 1952 г. Окончила Воронежский Инженерно-Строительный институт. Работала инженером-теплотехником на разных предприятиях. Автор нескольких поэтических сборников.

Белогорье

Страницы истории в стихах (отрывок)

370 – 448 годы

Через Русь на Византию
Как лавина, как стихия,
Гунны двинулись в поход.
Наступили дни лихие...
И ушёл в места другие
Со своей земли народ.

Ну а воины-сарматы –
И ни кляты, и ни мяты –
Пополняли гуннов рать.
Сонмы всадников косматых
Отправлялись в край богатый
Города и замки брать.

Воля властного Аттилы¹
Диких варваров сплотила.
Издавая грозный клич,
Гуннов штормовая сила
Все препятствия сносила.
Для Европы – «Божий бич»!²

7 - 10 век

Чередой идут столетья...
На чужбине лихолетье
Пережил в тоске народ.
От отцов слышали дети –
Есть зелёный край на свете,
Там начало род берёт.³

Может поздно, может рано
В край родной Северианы
С новых русских берегов
Приходили русколаны,
Но заветные поляны
Их встречали, как врагов.

Где ты, где ты, Белавежа?
На равнине ветер свежий,
Над рекой туман разлит.
Меловые горы те же,
А на месте Белавежи
Город каменный стоит.

Ни войти туда, ни въехать –
Что за странная помеха?
Не проплыть и по реке.
Им в ответ доносит эхо:
– Тут таможня, не потеха
И хазар удел – Саркел.

Три столетия подряд
На земле далёких предков
Был хазарский каганат.⁴
...А меж тем растёт и крепнет
Русский стольный Киев-град.

***

Пляшут на Руси пожары –
Жгут селения хазары
И славян берут в полон,

Чтобы сделать их товаром,
Ведь купцы они недаром
С незапамятных времён.

965 год

Так проходит год за годом...
Где ж защитник для народа?
Весть с гонцом: «Иду на вы!»⁵
Шлёт хазарам мимоходом
Святослав перед походом –
Не сносить им головы!

Разозлён такую речью,
Выходил каган⁶ навстречу –
Князя он разбить хотел.
Разыгралась в поле сеча...
Святослав врага под вечер
Одолел... и снёс Саркел!

Как взведённая пружина,
Святославова дружина
По хазарам пронеслась.
Разгромила, сокрушила!
...Так навеки завершилась
На Руси кагана власть.

И гордится Русь по праву
Славой князя Святослава.

¹ Атила – вождь гуннов с 434 по 453 годы.

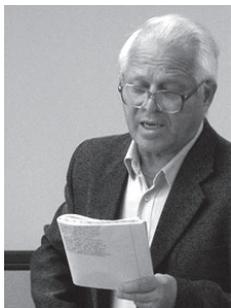
² В католической средневековой литературе вождя гуннов представляли как наказание народам за недостаточную любовь к Богу.

³ В Иоакимовской летописи упоминается, что в древности русы жили в «зелёном краю Северианы», где создавали свои роды.

⁴ Хазарский Каганат – государство 7 – 10 в.в.

⁵ Князь Святослав пред тем, как идти на врага, предупреждал его о своих намерениях рыцарским кличем «Иду на вы!»

⁶ Каган – высший титул суверена в средневековой кочевой иерархии Великой Евразийской Степи. Хан ханов.

Светояр - Анатолий Овсянников

г. Старый Оскол.

Род. 27 ноября 1944 г. Окончил Старооскольский геологоразведочный техникум, Якутский гос. университет. Трудился в геологоразведочных партиях, избирался председателем комитета профсоюза, председателем исполкома поселкового Совета народных депутатов.

Родная земляца

Утреннюю свежестью
В воздухе повеяло.
Мать-Природа нежностью
Красоту взлелеяла.

На родной земляце,
В средней полосе,
Утро серебрится
Травушкой в росе.

И Ярило-Солнышко
Зорюшкой блистает,
Над лугами, полюшком
Дымка плавно тает.

Лес волной зелёной
Выплыл из тумана,
Луч стрелой калёной
В день вонзился рано.

Ветер шаловливый
Заблудился в кронах,
Певчих птиц пугливых
Разбудил он схроны.

Хор лесной распелся,
Над землей витает.
С песней поднебесья
Сердце утешает.

Не колышется травинка

*Без воли богов и травинка не колышется
(ведическая мудрость)*

Не колышется травинка
И не шепчет лист осины,
Мысль небесною тропинкой
Посылают в Правь Руссины.
Думам чёрным чужда благодать,
Тёмный мир терзает души.
В подземелье счастье, радость,
Правду, совесть там же душат.
В поднебесье спит природа,
Хлебный запах по-над полем.
Просыпаются народы,
Жизнь течёт по Божьей воле.
И во власти веры верной,
Дух крепится искрой Божьей,
Чтоб очистить Мир от скверны,
Чтоб не жить славянам ложью,
Чтобы счастье Ирий-птицей
Над землёй Руси витало,
Чтобы Правь светлой криницей
Души русские питала.

Совесть – совместная весть, диалог души с Богом и Предками рода Ирий – небесное царство славян и Ариев (славянский Рай).

Правь – мир славяно-арийских богов, законы единого Бога-прародителя, по которым должен жить человек на Земле.

Виталий Валитар

с. Нижняя Покровка Белгородской области

Род. в 1963 г. Окончил естественно-географический факультет Воронежского государственного института. Работал преподавателем и директором в школах, директором и методистом в сельских домах культуры.

Когда душа поёт не по науке

Сжимают микрофон мужские руки,
А сердце в это время лечит зал...
Кто это выдумал? Кто это вам сказал,
Что петь нам надо строго по науке?
А как же наша русская душа?
Её непредсказуемая сила?
Коль в песне нет души, то и в России
Нам смысла нет любить, творить, дышать.
Не против я вокального искусства...
Но ближе мне всех арий, оперетт –
Простой мотив неповторимо-грустный,
В котором русский дух и русский свет.
И акапельно задушевной песней
Любое сердце можно исцелить.
Без песни нам в России не прожить,
Как не прожить без совести и чести.
Поют отцы и сыновья, и внуки,
И славят женщину, Россию и Творца!
И разве могут зачерстветь у нас сердца,
Когда душа поёт не по науке!

Надежда Ковалёва

г. Старый Оскол.

По профессии – библиотекарь. Любит свой город с его храмами и слободками: Стрелецкая, Ламская, Ездоцкая, Ямская. Увлекается поэзией серебряного века.

В горнице

Будто в горнице чистой
 Я встречаю рассвет.
 Путь мой к Богу тернистый,
 Но в душе моей свет.
 Будто горлица песни
 Мне пропела во сне,
 И хорошие вести
 Возвратились ко мне.
 От того, как на крыльях,
 Вдаль по улице мчусь.
 Этой дивною былью
 Я духовно лечусь.
 В новом праздничном платье
 Я войду в Божий храм.
 Ко Христову распятию
 Припаду с грустью там.
 Вновь душа осветлится,
 Слезы брызнут из глаз.
 Буду долго молиться
 За себя и за вас.

Старый Оскол

Оскола прелестны
Цветочные гаммы,
До радуг небесных
Старинные храмы.
Старинная крепость –
Здесь города корни,
Оскол, твоя светлость,
Люби их и помни.
На половцев Игорь
Твоей шёл рекою
Сразить злое иго
С Надеждой большою.
Правленье менялось
Царей на престоле,
А жизнь продолжалась
Во Старом Осколе.
Лица не утратил
Мой город любимый.
Возвысился статью
Над речкой родимой.
Оскол мой цветущий,
Мой город зелёный,
Церквами влекущий,
В свой праздник влюблённый.

Замкнутый круг

Север, запад, юг и восток,
Ветер жизни зол и жесток.
Смёл со скрипом Старый причал,
Чёрный ворон уже прокричал.

Ветер бьёт по всем сторонам,
Места нет пристроиться нам.
Мчит на север, мчит нас на юг,
Но попадаем в замкнутый круг.
Мчит на запад и на восток,
Наша плоть – гонимый листок.
Вихрь занёс на самую мель,
Выжить и жить – это вся цель.
У преисподней львиная пасть,
Как бы всем нам туда не попасть.
Кажется вновь: выхода нет,
В лучшее верь, будет просвет.
Явная смерть – идти наугад,
Тьма не всегда, мир наш богат.
Света дождём, солнца и звёзд,
Сгинь, Сатана, на тысячи вёрст!
Ветер, не рвись, волком не вой,
Хватит терзать буйной игрой.
Север, запад, юг и восток,
С Богом лети ты, мой листок.

Русь

Дождусь ли я иль не дождусь,
Когда с меня вся схлынет грусть,
Когда моя запляшет Русь
И с ней я вместе в пляс пушусь,
Да в вальсе новом закружусь,
От счастья радостно взверчусь!
И пусть умру я в танце, пусть,
С Надеждой во святую Русь!

Марианна Володина

г. Старый Оскол

Закончив политехнический институт, работала инженером-экономистом. Автор поэтических сборников «Монастырь любви» и «Свет любви». Победитель конкурсов публицистических работ о наших современниках и фотографий на православную тему.

Путь к Богу

Зашёл человек поклониться
В храм Божий. Он к Богу пришёл.
Не знал он, как в храме молиться –
Он Бога недавно нашёл.

«Неправильно держишь запястье, –
Сказал кто-то в храме ему, –
Куда ты целуешь распятие?
Поклоны кладёшь почему?

Сегодня у нас воскресенье,
А ты на колени встаёшь!», –
Виновно стоял он в смущеньи,
Как будто подставили нож...

К Спасителю ближе подходит,
Пытаясь ему рассказать,
Что истину он не находит:
«Мой Боже, дай путь мне узнать».

Ещё захотел зажечь свечи.
Огарки рукою убрал.
В свой адрес услышал он речи:
«Подвинься, ты здесь не стоял».

К нему подошла вдруг старушка.
Сказала: «Милок, ты сходи,
Есть в лавке полезная книжка,
Как в храме вести, ты прочти».

Пришёл человек повиниться
Пред Богом, и есть что сказать...
Хотел над иконой поклониться,
Прогнали. Стал в храме мешать.

Идёт человек и рыдает
И даже не знает о том,
Что дальше его ожидает –
Он будет любить Божий дом!

Конечно, пройдут огорченья,
Сейчас лишь обида внутри.
Вдруг голос с Небес – откровенье:
«Ты слёзы, раб Божий, утри.

Они пригодятся в дороге,
В рутине земного пути.
А если мечтаешь о Боге,
То нам с тобой вместе идти.

Прогнали тебя? Что за драма?
Не стоит о том горевать.
Меня тоже гнали из храма,
Ну, что ж, Я могу всё понять.

Ты завтра приди в храм пораньше,
На исповедь встань у окна.
В речах чтобы не было фальши,
Надменность для сердца – вредна».

Пошёл человек, повинился.
Обиды, укоры забыл.
Очистился и причастился –
И Бога в душе он открыл.

Галина Щербинина

г. Старый Оскол

Член РОСА и Союза писателей России. Автор нескольких поэтических сборников. В издательстве РОСА вышли в свет её книги «Дождепад», «Печальный круг», «Горечь греха».

***

Зайчик, светлый лучик лета,
Улыбается сквозь тьму.
Я тебя, по всем приметам,
Завтра утром обниму.
Непослушные кудряшки
Из ладони ускользнут.
Мне была разлука тяжкой,
И не в радость был уют.
Я тебя, по всем приметам,
Завтра утром обниму...

Невестке

За подвиг, что взяла ты на себя,
Не обвиняя, всё, прощая и любя,
Господь, дитя, тебя вознаградит,
(Раз ты смогла – должна же быть награда?)
Но если этот, мой тяжёлый крест,
Тебе нести однажды надоест
И ты решишь: «отброшу я его!
Устала! Нету сил и всё не рядом!»
Тогда, с Земли ушедшая давно
Хоть в Рай, хоть в Ад, хоть просто в никуда,
Тебя я постараюсь поддержать.
И станет крест наградой твоей,
И станет боль спасением твоим,
И ничего, что ты не будешь знать,
Что в этот миг с тобою я была...

***

Ещё один год
 и ещё один час
 молю я у Бога,
 А он на меня
 и вчера, и сейчас
 Глядит очень строго.
 Надеюсь спасти
 и надеюсь спастись,
 Встаю на колени,
 А время летит,
 и не хочет простить
 Меня моё время.
 Чужая для всех
 и чужая во всём
 И дням, и приметам...
 ... уж лето прошло
 и зима впереди...
 Постой, моё лето!

Вернёмся к Богу

«Как вам живётся без меня?» –
 Спрошу с тревогой,
 «Не много ли для вас огня,
 Огня не много ль?»
 Сгорая в вечной суете
 Все вы давно уже не те.
 Быть может всё же нам пора
 Вернуться к Богу?
 Попасть в спокойное тепло
 И принять всё, что так светло.
 Не много ли для вас огня,
 Огня не много ль?
 «Как вам живётся без меня?» –
 Спрошу с тревогой.

Ольга Филиппова

г. Старый Оскол

Член Союза писателей России. Воспитала троих сыновей, выпустила три книги стихов. Неоднократный дипломант и лауреат различных фестивалей

***

Горячечным бредом
исходит душа до рассвета.
Изломаны тени
на белой моей простыне.
Страницы листаю
ушедшего в прошлое лета.
А осень стучится
и просится в гости ко мне.

И тянется ночь,
как остывшее в банке повидло.
И брошены в угол
два белоснежных крыла.
Ты скажешь устало:
«Уйди, надоело, обрыдло».
Я не оглянусь.
Для тебя я давно умерла.

Бессонные ночи
длинны и до судорог горьки.
И мысли бессонны
и до отвращения пусты.
Я режу луну
на холодные жёлтые дольки,
И эта же участь
у самой ближайшей звезды...

Печальная осень

Печальная осень
 уныло роняет дождинки,
 И в лужицах мокнут
 цветные лоскутья листвы.
 Как грустно справлять
 по ушедшему лету поминки,
 С тобой улетело оно,
 как стрела с тетивы.

Искрилось вчера лишь
 в трепещущих травах и листьях,
 И веяло жаром в лицо
 и тела согревало.
 И солнце играло
 весёлой пушистою кистью.
 В полях в разнотравье цветном
 нас оно рисовало.

Когда ты вернёшься,
 воскреснет дыхание лета.
 На листьях кленовых
 тебе напишу я сонеты.
 Далёкой валькирией
 выйду из летнего бреда,
 Последней звездой
 блесну на пороге рассвета.

Ладони подставь для меня,
 чтобы не было поздно.
 Бесследно порой исчезают
 упавшие звезды...

Сергей Леонтьев

г. Старый Оскол

Член союза писателей России. Журналист.
Работает корреспондентом в газете.

Черновик

Эх, сжечь бы этот чёртов черновик –
Годов пятнадцать выморочной жизни,
Где, как пробелы на страницах книг –
Пустые дни, больные укоризны!
Но рукописи жизни – не горят,
Дымят и отравляют жизнь угаром.
Дым черновых поступков – это ад.
Всё это было зря, всё было даром...
Чего ещё бояться мне? Огня?
Я – пепел. Мне огонь давно не страшен.
Воды? Я сам – вода, и для меня
Нет русла, нет водонапорных башен.
Бояться света? Я умею жить,
При свете не отбрасывая тени.
Пока меня вы тщитесь засветить,
Я еду на пикник для привидений.

В саду

Край света – за ближним углом,
Где свет оборвался фонарный.
Во тьме угадаю свой дом.
Беззвучно пройдя сквозь кустарник.
Там окна горят и глядят
Из очень далекого года.

Там – тысячелетье назад –
 Стояла все та же погода.
 И звезды стекали с небес
 В мой садик, озябший и мокрый,
 Теряя космический вес
 И брызгая искрами в окна.
 Не зря убежала душа
 Из тела, забытого где-то,
 И облаком темного света
 Летела сюда, чуть дыша...
 На кухне, почувяв меня,
 Качнется огонь над горелкой.
 Услышит ночная родня,
 Как звякнет на полке тарелка.
 Они поедят и пойдут
 Спать долго, бесчувственно, глухо.
 Но пса беспокойное ухо
 Уловит мой шепот в саду.

+ + +

Человек, сложившийся из молний,
 В дом вбежал сквозь тонкое стекло,
 Громом, кутерьмою дом наполнил
 И ушёл... И сделалось светло.

Кислород запенился в бокалах.
 Три глотка, три вдоха – и всю ночь
 Ощущенье ветра и вокзала,
 Лёгкий поезд, прибывший точь-в-точь.

Искры молний угасали в стёклах,
 Плыл мой дом, на стыках грохоча,
 Как по рельсам, по проспектам мокрым...
 Ветер пел у правого плеча.

Людмила Дринова-Воронина

г. Старый Оскол.

Театральный режиссёр и музыкант. Работала музыкальным руководителем в детских садах, директором Старооскольского районного дома культуры. Пишет песни, романсы, картины, стихи, занимается переводами стихов с других языков. Её стихи также переведены поэтами на болгарский, белорусский, украинский. Избрана председателем регионального общества современных авторов «РОСА-31».

***

Гуляет Осень по лесам,
Порой с дождём идёт беседа,
И по прохладным небесам
Летает ветер-непоседа!

Как жаль, что мальвы отцвели
В тиши резного палисада,
Там, где осенняя прохлада
Коснулась краешка земли.

Где золотистую листву
Роняют тихо с веток клёны,
Где росы – чисты и студёны –
Глядят на неба синеву.

Где скоро сменит листопад
Зимы хрустящая обнова,
И где, который год подряд,
С тобой не встретились мы снова...

Малая Родина

Места, знакомые с рожденья,
Душа сумела полюбить,
Всё восприняв без отчужденья!
Того не хочет позабыть,

Как георгины, выгнув спины,
Глядят себе через забор
На то, как в зарослях малины
Крадётся тихо кот, как вор!

На то, как дети беззаботно,
Играя средь осокорей,
Не откликаются охотно
На зов идти домой скорей!

На то, как мелкая речушка
Петляет в дебрях лозняка,
А из воды торчит макушка
Девчушки или паренька.

На то, как дед идёт с дворняжкой,
Неся улов и острогу
И не считает скорбью тяжкой,
Что пёс опять залез в кугу!

Пусть городок – не град столичный
И от прогресса в стороне,
Но счастья в нём для жизни личной
Хватает жителям вполне!

Валентина Казанова

г. Старый Оскол

Студентка Воронежского
экономико-правового института

Потеряй меня

Потеряй меня, словно в тучах луну,
Чтоб не видеть моих губ и глаз.
Я в твоих глазах постоянно тону
И сгораю от жгучих фраз.

Потеряй меня, чтобы не найти,
И в мобильном сотри номера.
От тебя отказаться и молча уйти
Я старалась, но не смогла.

Потеряй меня, сумрачным утром,
Где затихнет молящий мой крик.
Потеряй, потеряй меня, будто
Прошлой жизни утраченный миг.

***

Мы с тобой вдвоём,
Но меня не слышно.
Я как будто дождём
Протекаю сквозь крышу.
Бриллиантовой каплей скользя по карнизу,
Я надеюсь, меня вдруг заметишь ты снизу.

Владимир Тюльпин

с. Весёлое Белгородской обл.

На охоте

Всё ночь не спится трактористу,
Не раз в волнении вставал.
А с неба, будто бы «нечистый»,
Снежок на землю посыпал.
Проснулся утром самым ранним.
Сонливость вмиг рукой сняло.
Земля в уборе обновлённом –
Куда ни глянь – белым бело.

И вот идёт он снежным полем,
Ружьё повесив на плечо.
Кругом знакомо всё до боли.
И бьётся сердце горячо.
В копне соломенной синицы
Взлететь стараются скорей.
Мелькает рыжий хвост лисицы,
Подстерегающей мышей.

Раздался выстрел одинокий.
Взметнулся снежный ком волной,
И уж мелькает хвост пушистый
У тракториста за спиной.

Хоть от усталости вздыхает –
В глазах задорный огонёк.
Подумать можно – не иначе –
Вспахал две нормы паренёк.

Юрий Хохлов

г.Старый Оскол

Родился в 1972 году в Калужской области. Играл в рок-группе «Панацея», писал тексты для песен. Основные темы творчества – природа, философия, размышления над жизненными ситуациями. Обращается в своем творчестве и к форме сказочного повествования.

Кто знает...

Не чуя ног и напрягая жилы
Под зноем жаркого,
палящего светила,
Хромая лошадь, не жалея силы,
Телегу грузную,
глота пыль, катила.
Рой мух клубился
возле морды рыжей,
И оводы исподтишка бока терзали.
Слюна свисала белой,
пенной грыжей,
А мышцы спазмы судорог пронзали.
Тащилась мимо ямы сточной,
Повесив голову
с запутанной ветрами гривой.
Мечтала о лугах с травой сочной,
Когда кобылкой бегала игривой.

И здесь, собой заполнив
всю гнилую лужу,
Уткнувшись рылом
в кучу из навоза,
На солнце жирную коптила тушу
Свинья из близлежащего колхоза.

Она плескалась в той
 зловонной жиже,
 От удовольствия
 в полголоса визжала.
 Когда же лошадь
 подковыляла ближе,
 Свинья с усмешкой,
 издеваясь, ей сказала:
 «А ты всё тянешь в хомуте?
 Ведь участи твоей
 даже врагу не пожелаешь.
 Хребет да рёбра
 от недостатка в животе.
 Смотрю, уже на две ноги хромаешь.
 Взгляни сюда,
 не стой как от забора тень.
 Ты спросишь,
 чем по жизни занимаюсь?
 Я сплю да ем три раза в день,
 Когда есть время, здесь валяюсь.
 Молчишь? Ну, что ж, молчи.
 Завидуют ведь молча,
 как известно.
 Вали давай.
 А по дороге всем кричи,
 Как я живу на свете расчудесно».

«Пойду, – со вздохом лошадь
 прохрипела, –
 Куда уж мне в утехах
 мериться с тобой».
 Махнув хвостом, поднапряглась –
 телега снова закрипела –
 И поплелась, тряся обвисшею губой.

Как ни крути, а время шло,
 уж осень ярких красок не жалела.
 Скотина в стойла встала под навес.

А в том колхозе, где свинья жирела,
Пришла пора подсчитывать привес.
Год урожайный удался,
амбары от зерна ломились.
Плодов, набравших сока в срок,
не пожалели дать сады.
В прохладных винных погребах
бочонки доверху налились.
И овощей с полей
в хранилища легли пуды.

Базарный день.
Не дожидаясь первых петухов,
село не спит,
И с вечера товар готов на распродажу.
Квас хлебный из кадушек
в тару слит,
А на телегу меряют поклажу.

И вот опять,
всё тот же скрип колёс,
И та дорога
с тухлою канавой,
И лошадь та,
с копной нечёсанных волос,
И та свинья ...
копчёная с приправой.

Кто знает,
что в дальнейшем
ждёт нас с вами?
Как говорится, жизнь прожить –
не поле перейти.
Мораль здесь в чём,
вы догадайтесь сами
И смысл в ней свой
попробуйте найти.

Марина Голосова

г. Старый Оскол

Родилась 13.05.1986 г в г. Старый Оскол. Студентка Белгородского государственного университета. Стихи писала с детства. Печаталась в различных периодических изданиях. Выпустила сборник стихотворений «Сиреневый закат». Член РОСА.

***

Отрежь мои крылья, неспешно
В котомку свою положи –
Другой подари их с надеждой,
Но ей обо мне не скажи...
Отрежь мои крылья — так нужно.
Им больше меня не поднять.
Не строю я замков воздушных
И снова не буду летать...
Отрежь их скорее. Не страшно,
Что кровь заструится из ран.
Мне знать очень нужно и важно,
Что дар мой другой передан.
Возможно, она не заметит,
Под властью безумной любви,
Что крылья красивые эти
Испачканы в чьей-то крови.

***

Мне сердце не затем дано,
Чтобы со стуком монотонным,
Чуть слышным и почти безмолвным,
В груди измученной жило.
Оно должно гореть и гаснуть,
Луной печальной леденеть,
Вулканом клокотать всечасно,
Кричать от боли, звонко петь.
То быть никем не покорённым,
Не чутким к ласковым словам,
То от любви неразделённой
Вдруг расколотся пополам.
И долго-долго кровоточить,
И рану злую заживлять.
Внезапно счастье напророчить
И вновь сиять и вдохновлять.
Дарить друзьям побольше света
И рваться в неземной полёт.
Мне нужно знать, что сердце это
Не зря в груди моей живёт.

***

Пустой перрон в закатном свете,
И я одна на нём стою.
Как погасить мне звёзды эти?
Им не понять печаль мою.
Мигает светофор игриво.
Тревожит, красный, мой покой.
А поезда всё мчатся мимо,
Маня огнями за собой.
Я медленно ступлю на рельсы,
Собрав в себе весь страх и боль.
И притворюсь, что я не слышу
Вагонов скрежет за спиной.

Ольга Лофицкая

г. Белгород

Доцент кафедры издательского дела и библиотековедения Белгородского государственного института искусств и культуры, канд. пед. наук.
Член РОСА.

***

Я вошла в твой сонный сад
не хозяйкой – скромной гостьей.
Прямо в воздухе висят
синих виноградин грозди.
Ты ж боярских ягод горсть
протянул, как угощенье.
И все наши дни поврозь
оказались возвращеньем.
Возвращеньем в синий март,
где дружили наши тени.
Возвращением в азарт
наших встреч...
Но не прощеньем...

***

Если мы сегодня не встретились,
значит, встречу подарит утро...
Этот шарик живёт и вертится,
потому что я – твоё чудо!
Мы с тобой – две смешные рожицы,
две улыбки, когда мы вместе,
Друг без друга всё так же не может
и не год и не два, а все двести!
Ты – единственный круг мой спасательный,
я – надежда на неотложку...

Мы не можем с тобой по касательной
и не можем с тобой понарошку!
Мы не верим в глупые рассказы,
что любовь – это физика с химией,
Нам дано с тобой неосознанно
наслаждаться звуками имени...
Наслаждаться воспоминанием
и не требовать телом властвовать...
Да, конечно, любовь – желание...
Чтобы век для тебя длился счастливо!

Большая Ордынка

«О закрой свои бледные ноги»
В.Брюсов

Я накину кокетливо шарф,
Приоткрыв соблазнительно плечи,
Будешь в смокинге статен, как граф,
Будут плавно-пристойными речи.
Поиграем в Серебряный век,
К декадансу пройдем по дороге.
У тебя – синева нежных век,
У меня снежно-бледные ноги.
Горечь кофе и флирта вуаль,
Споры томно ведём об искусстве,
Вскользь улыбка о чём-то... как встарь...
А в груди, что под бусами? Чувства...
Поиграем в Серебряный век,
Пригубив суету ресторана.
– Мне в метро...
– Дайте счёт, человек!
А Большая Ордынка – всё тайна...

Сергей Овчинников

г. Новомосковск

***

Как нам желанна интернет-семья!
Влекомые неведомой тропею,
сайт спешно открываем мы с тобою,
И наконец, мы вместе – ты и я...
За монитором встретим все рассветы,
и блеск в глазах становится ответом...
Но кто нас ждёт, тоскуя и любя?
И безучастны тени за спиною,
приведшие знакомою тропею
твой силуэт, но только не тебя....

***

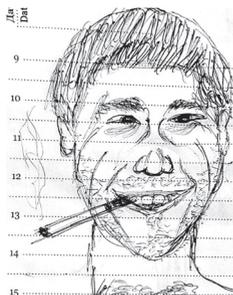
Да, я араб и чернокожий,
японец, русский, иудей,
грузин, лезгин, вьетнамец тоже...
Во мне есть тысяча людей.
Крошите этот мир на доли!
Лобзайте прах своих пород!
Я подчиняюсь Высшей воле
и презираю лживый сброд.
Деленье наций насаждая
для хитроумного словца,
безумцы гадко унижают
и Человека, и Творца.

***

Есть место, где душа находит дом,
Где добротой и любовью встретят.
Согретые негаснущим огнём,
Мы станем там счастливее, чем дети.
Как дети, станем мы с тобой вдвоём.
Нам радугой пространство озарится,
И воздух будет музыкой звенеть,
Родными станут навсегда любимых лица,
Мы гимн Творцу не перестанем петь.
Пусть этот сон с тобою нам приснится!

***

Я крысолов, бросаю вечно вызов
Тем, кто не может сильным отомстить.
Я повсеместно смертью угрожаю крысам,
Лишь на корабль я не могу вступить.
И часто в ночь кошмаров снится мне,
Что вырваться из шторма мы не можем,
И слышится вопрос один и тот же:
Зачем, и кто ты здесь на корабле?

Эл Озо

г. Краснодар

***

Этот день ты будешь помнить всегда
и запомнишь примерный час,
когда взорвутся города,
уничтожая всё кроме вас.

Когда звёзды сойдут на нет,
и Солнце в первую очередь -
последний неяркий свет
вскроет центральную площадь.

Этот перекрёсток ты будешь помнить всегда
и точно время года запомнишь,
когда с рельсов слетят поезда
на вскрытую центральную площадь.

Ты услышишь глубокий сопрано-меццо,
ошеломительно-чистую новую музыку,
когда бабочка сядет на открытое сердце,
и Она впервые возьмёт твою руку.

Алексей Медялко

г. Воронеж

Родился 26 марта 1985 г. Окончил Воронежский государственный профессионально-педагогический колледж. Работает руководителем отдела продаж.

В разнос

Да пошло оно всё к чёрту!
Так достало – просто жуть.
Мысли брошу я на полку,
Чтоб душою отдохнуть!

Сердце выброшу я в урну,
Все мечты сожму в кулак!
Позвоню я проституткам,
Пусть потешат кое-как!..

Выпью водочки вдогонку,
Позвоню своим друзьям...
В центре я устрою гонку
В назидание ментам!..

Зарулю в Парнас наверно,
Кости малость потрясу!
В боулинге сбив все кегли,
Водку всем я закажу!

Наглецам намылю морду,
Девкам розы подарю!
И совсем другим я стану,
И забуду, что люблю!..

Злоба

Каждый раз, когда обидят,
Каждый раз, когда не так!
В нас рождается насильно
Злоба! Кажется, пустяк?

Злоба мучает ночами,
Не даёт спокойно спать.
Злоба сердце разрывает,
Издаётся опять!

Злоба наши нервы точит,
Свой коварный план вершит.
Злоба знает очень точно,
Что обиду не простит.

С каждым днём ещё сильнее,
Наконец, уже нет сил!
Мы с покорным подчинением
Посильнее отомстим!

Злоба наша стихла вроде,
Отдохнуть она ушла!
Чтобы к нашей встрече вскоре
Снова сил была полна!

Чтоб, ночами беспокоить,
Снова сердце в клочья рвать!
И, достигнув цели вскоре,
Вновь идти и отдыхать!

Вера Котенёва

г. Старый Оскол.

Родилась в с. Роговатое. Работала библиотекарем. Автор многих поэтических сборников и исторической документальной прозы.

Васильки

Милый скромный цветок василёк
Украшает пшеничное поле.
Тонок, нежен его стебелёк,
В лепестках его плещется море.

Здравствуй, поле, к тебе на поклон
Я вернулась немного усталой –
Забери меня снова в полон,
Я травинкой твоей стану малой.

Посижу на горячей меже,
Перепёлок послушаю голос.
Я давно не девчонка уже,
А ты прежнее, тот же и колос.

Так же чудно твои васильки,
Словно звёздочки синие светят.
Где же счастье, цветочки, цветки?
Но они ничего не ответят.

Солнце-шар зацепилось за ивы,
Перепёлки торопят – пора...
Васильки, васильки, дайте силы:
Не могу с вами быть до утра.

Я не зверь не вольная птица –
Не могу затеряться в траве,
А на вас, васильки, подивиться
Я вернусь, но в иной уж поре.

***

Давай поговорим –
Не надо слов бояться.
Мы – люди и должны
Словами объясняться.

Давай поговорим –
В молчании нет спасенья,
Как в зной глотка воды,
Я жажду объяснения.

Ты сегодня страшных слов не говоришь,
Просто – не приходишь, не звонишь.
Серые, безжалостные дни –
Пусть скорей, скорей закончатся они.

Давай поговорим,
Я ко всему готова...
В душе, как в тайнике,
«Люблю» – укрою слово.

Любовь не удержать,
Как волны в час отлива.
Моя любовь к тебе
Вдруг стала горделива.

Она не закричит
И не смутит мольбою,
Заплачет, запоёт
Гитарною струною.

Нелли Амунова

Старый Оскол

Родилась 12 мая 1941г. в с. Красные Четаи Чувашской АССР. Закончила Пермский сельхозинститут им. акад. Прянишникова и пединститут г. Кустанай, Казахской ССР. Работала инженером-нормировщиком Целиноградского НИИ, затем учителем химии и биологии в строительном техникуме и школах городов Джетыгар и Старый Оскол.

***

Давай попробуем проснуться,
Смывая накипь долгих лет!
Душа сумеет востепениться,
Забьётся сердце ей в ответ!
Черёмухи весенним эхом
Опять наполнятся поля,
Снежинки ранние, со смехом,
Вокруг разбросят тополя.
И солнце будет на ладони,
Звездой в море упадёт...
И рассмеётся, растрезвонит
Заря над нами свой восход!
Душа с душой – не надо больше –
Соединятся в облаках!
И тот. хрустальный, колокольчик
с улыбкой прозвенит в веках!

***

Послевкусие встречи какое?
Сколько ж горечи спрятано в нём!
Почему, вспоминая былое,
Выжигаем душевным огнём –

Этой болью, колеблющей веру
 В справедливых и честных людей.
 Забывая и норму и меру,
 Отдаётся накалу страстей.

Или алгебра перемещений
 К территории счастья зовёт?
 И какой-то непризнанный гений
 Отправляется в новый полёт?

***

М.Ю. Лермонтову

Пророк, бунтарь, мыслитель и философ,
 Среди Грушницких, Вы – прекрасный остров!
 Среди невежества, гордыни, чванства
 Изысканное Ваше «хулиганство»,
 Как яркий эксклюзивный бриллиант –
 Честь и доверчивость, достоинство, талант!..
 А по Руси гуляет беспредел.
 Всё как всегда, здесь разум не у дел,
 Высокий дух, не принятый толпой,
 Поэт с нежнейшей раненой душой!
 Как труден путь у избранного Богом
 Среди завистников, засилья черни злой
 А жизни оставалось так немного –
 Он свет нетленный защитил собой!!!
 Седой Машук в глухом тумане спит...
 Цветами проросли кровинки Ваши,
 Расстрелянный невежеством пиит,
 «В долине ДАГЕСТАНА» предсказавший...
 И это даже...
 Как же в мире всё неслучайно!
 Композиция мыслей и геометрия слов...
 Где же прячется скрытая тайна
 Этих жизненно важных основ?

Ирина Иванова

хутор Сабельный Белгородской области

Родилась 25 марта 1984 года в городе Кривой Рог (Украина). Там же получила педагогическое образование.

Стихи публикуются впервые.

Город

Задыхаясь от пыльного воздуха города,
Забываю про сон и не чувствую голода.
Лишь безмолвные скалы высотных домов,
В монотонном гудении стаи авто,
На меня обратили свои взоры оконные
И насупили мрачные брови-балконы.
Люди-мошки спешат в мясорубку движения,
Запуская её, начиная вращение,
И, спускаясь к ней в жерло уверенным маршем,
Мошки-люди становятся рубленным фаршем.
Сортируя конвейером фарш из людей,
Слуги-роботы, как воплощенье идей,
Беспрестанно, без усталости, без промедлений,
Фаршируют заводы и бизнес-строения,
Магазины и лавки, конторы и офисы...
Наполняют трамваи, такси и автобусы,
Пробуждая безудержный времени бег
Той машины, где топливом есть человек.
Разгоняя её до немыслимой скорости,
Но не ввысь, а лишь к краю неведомой пропасти...

Если

Есть волшебное слово «если»,
С ним всё видится в радужном цвете,
Легче спорится, проще строится,
Лишь причинами обусловится.

Если завтра дождя не будет,
То дострою свой новый дом.
Если кто-то меня полюбит,
Я его полюблю потом.

Если завтра будет иначе,
Если в дом постучится удача,
Ну, а я, если спать не буду...
Если что-то опять не забуду...

Надо только, чтоб всё сложилось,
Чтобы «если» со мной случилось.
Мне без «если» ведь никуда!
Ну, а если уж, то тогда...

Я тогда заживу, как в сказке,
Если сказкою станет быль.
Как же всё станет вдруг прекрасным,
Только если бы да кабы.

Ольга Слободкина- von Bromssen

г. Москва

Родилась в Москве 26 ноября 1958 г. Переводчик, преподаватель английского и немецких языков, поэт, прозаик, эссеист, арт-журналист, фотохудожник.

Перемены Земли

Природа опять недовольна –
снегом засыпала лес и дома,
листья с деревьев ещё не сняла,
не перекрасила даже...

Хозяйка разгневана.

Но для художника
это – японский сад.

Он созерцает и снег,
и дома,
и деревья
в зелёной листве,
покрываемой снегом.

Художник не думает о переменах Земли...

Он созерцает...

CASTIS OMNIA CASTA –
Чистому всё кажется чистым...

Художник же,
если увидит картину в природе,
оставит её
в Лучших Музеях Сознания...

Дачные зарисовки

Маленькая букашка человек,
но всегда он хочет большего...

Попросит у Боженьки:
«Боженька!
Дай мне найти три грибочка!»!
Боженька даст ему,
а человечек,
не поблагодарив,
скажет внутри себя:

«Но я же хочу не три,
а тридцать три...»

Маленькая букашка человек,
но всегда он хочет большего...

***

Ветер шумит в деревьях –
не для вас,
не для нас,
ни за чем...

Он не хочет ни денег,
ни славы.

Просто так
Он проявляет себя...

И все его любят,
хотя он равнодушен, –
ни люди ему не нужны,
ни деревья,
ни птицы...

Просто так
Он проявляет себя...

Но все его любят –
совсем ни за что...

Диана Шальнева

г. Старый Оскол

Ученица десятого класса средней школы.

***

Застывшее сердце не плачет...
И свет не желает искать.
И если слова что-то значат,
То ты меня должен понять.

В душе моей холод отныне,
Ведь проще бесчувственной жить...
Чем поклоняться святыне,
Не лучше ль тебя мне забыть?

В душе моей холод отныне...
Жить больше я так не хочу...
В душе стойкий запах полыни...
И, будто молитву, шепчу:

Холодное сердце не плачет ...

* * *

Бьёт о берег моря чёрного волна,
Счастьем здесь пропитан воздух.
Как мне жаль, что я один и ты одна...
Осознали мы, но слишком поздно.

Дай мне силы держаться,
Помоги не сломиться,
Пусть судьба и жестока,
Но любовь – не убийца.

Стрельникова Наталья

г. Старый Оскол.

Педагог дополнительного образования МБУ ДО «ЦДО «Перспектива», руководитель клуба бардовской песни «БАРРЭ», координатор Старооскольской организации РОСА, лауреат и член жюри множества фестивалей поэзии и авторской песни. Автор ряда методических пособий, публицистических и поэтических сборников, аудио- и видеоальбомов.

***

Запах яблок и петунии
 В дни осенних полнолуний
 На период звездопада
 И тебе и мне награда.
 За труды и за успехи,
 И за плотские утехи,
 За печали и за грусть,
 И за то, что я вернусь
 В ту обитель, где отрада –
 Детства старая ограда
 И деревья до небес,
 Полный сказок чудный лес.
 Хвойная его постилка,
 Где отцовская могилка
 Под густою мягкой кроной
 И крестовую короной
 Томит душу и мечты.
 Запах яблок и цветы...
 Веткой яблонею хрустнув
 Из-за тяжести плодов,
 Путь земной не будет грустным,
 Если ты к нему готов.

***

Всё тот же дом стоит, как прежде,
И та скамейка у двора,
И сладкий запах, очень нежный
Цветов петунии до утра.
Подъезд.
Площадка...
Лишь другая – дюралюминиевая дверь
В квартиру. Да и я другая –
Сталь закалённая теперь.

***

Легкою сеточкой птичьих следов
Март опечатает снег,
Чтобы направить вектор годов
В новый, не Ноев, ковчег.
Нет в той обители хода назад,
Выхода или пути.
Это нарочно кто-то сказал:
«Хочешь – назад иди!».
Я знаю точно, это не так.
Зря он вам говорил.
Целых полвека – вам не пустяк!
Двери ковчег отворил.
Там тебя встретят юность и гном,
Детство, кораблик весны.
Солнечный зайчик, ольха под окном
И разноцветные сны.
Звёзды и слёзы, шум тополей,
Горечь ушедших потерь.
Это – твой мир, твоя жизнь, твой елей,
Бог у порога – и дверь.

ПОЭТИЧЕСКИЙ МАРАФОН

***СТИХИ
УЧАСТНИКОВ
КЛУБА***

Дарья Зубкова

г. Старый Оскол, 15 лет

Азбука

Ах, какое множество
Былин и басен есть!
Всех их на белом свете
 Годами не прочесть.
 Давным-давно два брата –
Единьный свод для всех,
Живущий и сегодня, –
 Задумали успех.
И это был Мефодий да брат его –
 Кирилл.
Людской мир в день тот светлый
Мечтою одарил.
Не знающих о грамоте,
О книгах и стихах,
 Простого люда в памяти
Развеять в пух и прах
Следы ученья старого.
Труды последних лет –
Учили теперь нового
Философа завет.
 Холодными писалами
Царапали слова,
Читали буквы алые,
Шептали до утра.
Щитом надёжным стали
Ы, **Ь** и твёрдый.
 Грамматику познали
 Народ славянский гордый.
Эти проникли буквы
 На запад, на восток,
Юг и север крайний
Язык пустил росток.

Джен Блэк

г. Старый Оскол,
Мария Нагда, 14 лет

Принцесса и менестрель

Она была леди из знатного рода,
Любила баллады о королях,
Любима она была гордым народом,
Мечтала о странах и дальних морях.

А он – менестрель, что бродил по дорогам.
И голос его сладкозвучен, как мёд.
Он был лишь певцом и не был пророком,
Однако ж встречал его холод и лёд.

Он пел лишь о том, во что твёрдо верил,
О том, что любил и за что воевал.
Ведь он никогда чужих масок не мерил,
За это народ его презирал.

Так и бродил он, народом гонимый,
Нигде он не мог найти свой приют.
И город давно он забыл свой родимый,
Не ждал его дома покой и уют.

Однажды пришёл он в старинный замок,
И там пригласили его к столу.
Увидел он там для очей подарок –
Узрел за столом принцессу одну.

Пленил же он деву игрою своей,
Она ж поразила его красотой.
Он спел о русалках из дальних морей,
Собрался уйти, но услышал: «Постой!»

Он обернулся на голос дивный –
Это принцесса звала его:
«Неужто уйдёшь? Однако ж обидно!
Останься! Прошу у тебя одно!»

И он исполнил принцессы волю,
Он пел ей о том, что знал и любил.
Поведал о тяжкой скитальческой доле,
О жизни, что тихо он хоронил.

В глазах у девы блестели слёзы –
Как жаль ей стало того певца!
Забывла она чудесные грёзы,
Не побоялась терять лица.

«Как тяжело тебе пришлось, менестрель!
Как много тебе пришлось страдать!
Но голос твой – словно звонкая трель,
А от людей пришлось убежать».

На это ответил ей бедный певец:
«Принцесса! Меня уж давно бы сожгли.
Спасает меня небесный отец,
А люди совсем в бесчестье ушли.

Правду не ценят они в нашем мире,
На честь наплевали и благородство.
И не нужна им игра на лире,
Важно только лишь знатное родство».

«О, как ты прав! – восклицала она, -
Ты мне открыл теперь жизни правду.
Я не хочу смотреть в их глаза,
Подверг ты меня какому удару.

Теперь я всё брошу – власть, трон. положенье,
Готова уйти я с тобой – позови!
Не нужно циничное мне восхищенье.
Из клетки меня золотой забери!»

Услышала дерзкие речи служанка.
Ведут менестреля на эшафот.
Его опустела простая лежанка,
Людишки кричат ему вслед: «Обормот!

Ты соблазнил принцессу – умрёшь!
Ведь негодяй заслужил наказанья.
Ты никогда теперь не запоёшь.
Души спасём мы от поруганья».

Голову бард безысходно склонил.
Скорбел о нём только один человек –
Та муза, в которую мудрость вселил,
Войти помогла на спасенья ковчег.

Ксения Часовских

г. Старый Оскол, 16 лет

После сна

Чем пахнет ранний, хрупкий март?
Бутоном лёгким и подснежным,
Иль ветром с юга, тёплым, нежным?
Вдохни, впусти вновь в кровь азарт!

Весна! Какая ты на вкус?
Быть может, горечь трав зелёных?
Иль сок берёзы оголённой,
Что на коре пригоршней бус?

Прохлада растрепала чёлку,
И лучик солнца слепит глаз.
Летит стремглав за часом час,
И я порхаю, словно пчёлка.

Всё, что привиделось тебе,
Вдруг обернётся свежей былью,
И, после сна расправив крылья,
Храни весь год весну в себе.

**Победители I-го этапа
«Поэтического марафона»
в группе РОСА «ВКонтакте»
«<https://vk.com/club12380283>
по итогам читательского
ГОЛОСОВАНИЯ**

Олег Дзихун

г. Ульяновск

***

Снова осень, всё стало немного другим.
Вот сегодня внезапно встаю я не с той ноги.
Ведь обычно я правой нетвёрдо делаю шаг,
А сегодня с левой, и правильно – я же левша.

Это значит, сегодня опять я живу, как хочу.
Говорю, когда есть что, а если нет слов, то молчу.
С пустотой не борюсь и не отвергаю огня,
Вспоминаю всех тех, кто, быть может, не помнит меня.

Снова осень, а значит, опять не поспать.
На кровати гитара, а мне-то зачем кровать?
На столе беспорядок, родной и привычный хлам,
За окном листопад, а в мыслях опять дела.

А дела – ерунда, зачем-то куда-то мчусь,
В понедельник я с правой, забывшись, ноги вскочу,
Буду делать что-то и ссориться не о том,
С пустотой бороться, закутываясь в пальто.

Отвергать огонь, кивать головою в такт.
Ну, и помнить, конечно, что делаю всё не так...

Александра Карпенко

г. Сумы, Украина

Родилась в 1998 г. Обучается в Украинской академии банковского дела на факультете банковских технологий. Стихи пишет с самого детства.

***

Она приходит – наступает осень, –
и давит пальцем на дверной звонок,
читает стих, вскрывает мой замок,
смеётся и заходит в дом без спроса.

Курить смертельно, но опасней – бросить.

Она меняет номер телефона,
срывается, срывает мой покой,
не парится, одну и за другой
испепеляет «marlboro» у дома.

– Соскучилась по мне?

– А мы знакомы?

Влюбляться вредно.

Уходи, но лишь
давай покурим, если не спешишь,
облокотясь о тёплые перила.

Сегодня утром я тебя забыла.

... а вечером ты снова мне звонишь.

Мария Урманова

г. Гамбург (Германия)

27 лет. Родилась в Кемерово. Училась в художественной школе, окончила педагогический университет по специальности «дизайн, живопись и рисунок». Работает дизайнером.

***

Дождь превращается в осень.
Капли сливаются с листьями.
Листья становятся кистями.
С кадмием спорит небесная просинь.

Просинь бледнеет от ветра.
Ветер стирает всё ластиком.
Красит белилами – классика –
Дождь в виде снежно-ледового веера.

Мир превращается в зиму.
Прячутся в пряничных домиках
Люди, и на подоконниках
Топают свет не по розам в корзинах.

Свет против мартовской стужи.
Ждут соловья пересмешники.
Снег умирает в подснежниках.
В них же рождаются новые души.

Дмитрий Кузнецов

г. Красный Балтиец

Осенние мотивы

Промозглое утро, и серость на небе,
Пришла, видно, осень, и день поредел.
Уж листья слетаются с веток деревьев
И стелят дорожки для дворничьих дел.
Туман вдалеке опустился на поле,
И скоро польётся прохлада с небес,
Мы бегали днём за грибами и вволю
Смотрели, как влагой пропитан весь лес.
Под вечер в окно нам дожди барабанят,
Наутро от луж без сапог не пройти,
Мне кажется, осень с природой играет,
И знает она, что зима впереди.

Алишер Темучин

г. Воронеж

***

Позови меня вслух! Позови! Я к тебе приду!
Даже если минуло от смерти моей сто лет...
Я два света тропинками между собой сплету,
Если ты позовёшь – я сумею! Обязан сумею!
Волчья рысь мягко стелет сквозь косы ковыльных плетей,
Я, родные коленки царапнув колючей щекой,
Заскулю по-щенячьи, скользя жадным взглядом по ней.
Ты звала? Я вернулся! Я прежний! Я тёплый! Живой!
Я так счастлив, что мог бы, наверное, даже взлететь!
Я и в мыслях представить не мог бы, что ты меня ждёшь.
Ты скучала? Ты знаешь, а я ведь успел умереть,
Всё пытаюсь услышать, когда ты меня позовёшь.
Этот голос... И запах... Я помню их до мелочей.
Веришь, не было даже и часа, чтоб я позабыл,
Что я твой от ушей до хвоста! Твой! Больше ничей...
Ты простила меня? А я вот себя не простил...
Я не верил... Да что там не верил! Не верю сейчас!
Что когда-нибудь снова к любимым коленям прижмусь,
Буду жадно лакать лунный свет из опаловых глаз,
Точно зная, что свет не иссякнет... А я не напьюсь.
Улыбнулась... Как, кроме нее, вряд ли кто бы сумел,
Я всё понял, забился и, горло срывая, завыл...
И исчезла туманом... А я, просыпаясь, хрипел:
Никогда. Никого. Я сильнее тебя не любил...

**Московская
городская организация
Союза писателей России**

Московская городская организация Союза писателей России – одно из крупнейших писательских сообществ в стране. Она основана в 1954г. В её рядах более полутора тысяч мастеров слова разных жанров и направлений. В МГО СП России регулярно проходят всемосковские совещания писателей. МГО СП России ведёт активную политику на международном писательском поле, особое внимание уделяется поддержке творчества писателей-соотечественников. Именно МГО СП России стало инициатором Конгресса писателей Русского Зарубежья, вылившегося в широкое мировое литературное движение.

Под эгидой Московской городской организации Союза писателей России проходят творческие встречи, читательские конференции, авторские вечера, презентации книг и литературно-музыкальные концерты, как в масштабах города, так и в России в целом. Тесный контакт столичная организация писателей имеет с федеральными министерствами и агентствами, с мэрией и правительством Москвы, успешно сотрудничает со многими творческими организациями столицы.

За последние годы творческий актив организации пополнился бардами, артистами разных жанров, классическими музыкантами, известными певцами. Огромное внимание уделяется в организации издательской деятельности. В планах организации расширение тиражности издательских программ, осуществление новых творческих проектов во благо процветания духовности и высокой нравственности.

Андрей Чувилин

Что сказать про сегодняшний день?

Думаю, МГО переживает не лучшие свои времена. И дело, прежде всего, в той повсеместной коммерциализации, которая захлестнула даже такую область нашего бытия, как Культура.

Можно что-нибудь сделать? Можно. Надеюсь, со временем и здесь наведём порядок. Но пока...

Да и как не откликнуться на призыв к всеобщему объединению, когда вокруг Отечества сжимается кольцо НАТОвских баз, и страна пытается выстоять под натиском введённых против неё санкций?

...Предлагаю познакомиться с творчеством нескольких современных авторов, чьи имена Вы, наверное, не увидите в модных нынче шорт-листах и таблоидах. Но не забывайте, что часто блещит именно не золото. Особенно в смутные времена.

Евгений Белозёров

Ирина Маркова

г. Москва

Член Московской городской организации Союза писателей России (МГО СПР), старший преподаватель кафедры английского языка МГТУ им. Н.Э. Баумана. Автор многих поэтических сборников, победитель различных литературных конкурсов и фестивалей.

Былое с былым

Когда убегает на фоне рассвета
Состав, уносящий слова на восток,
Когда в подворотне затеплится лето,
И к небу стремится зелёный росток,

Когда растворится прохлада в ненастье,
Сплетёт одуванчик веночек вековой,
И тучи дождливого лета во власти
Рассыплют прозрачный хрусталь над травой,

Умчится состав, измеряющий вечность,
То днями, то сутками – здесь на земле,
Растают минуты – времён скоротечность –
В прохладной, росистой предутренней мгле.

И тихо умчатся в прошедшие годы
Незримо, неслышно времён поезда,
... И только роняют небесные своды
Дожди, уносящие дни и года.

А лето, вдали как туман, закрубится,
Сирень закружит фиолетовый дым,
И формула жизни в дожде растворится,
Смешав напоследок былое с былым.

Господний листопад

Господь раскрасил небеса,
Осенних красок не жалея –
Небес прозрачная роса,
Дождями выстлана аллея.

Господь поцеловал восход,
Предвидя таинство заката,
Пустил времён привычный ход
По кругу, как пускал когда-то.

... А в Храме льётся свет лампад,
Людской поток течёт, как реки.
Господь раскрасил листопад
И отпустил листву навеки.

В октябрь дорога пролегла,
Который год без перерыва.
Листва накрыла купола
И колокольню у обрыва.

Мы ж, вопреки календарю,
Живём, надеемся на встречи.
... Господь поцеловал зарю
И отпустил листву далече.

И далеко на склоне дня
Среди дорог, церквей и башен,
В заре лампадного огня
Наш краткий путь листвою украшен.

Наш долгий путь среди лампад
Промчится поздно или рано,
Войдя в Господний листопад
Струной Господнего органа.

Случайные встречи

Не бывает случайных встреч,
Понапрасну судьбу не мучай –
Встречи надо в душе беречь,
Лишь в разлуках виновен случай...

Не бывает случайных тех,
Кто ближайшими станут вскоре,
Лишь бывает случайным грех,
Что возникнет в невольной ссоре.

Спотыкаемся, и не раз,
На углах непростых стезей.
Нет случайных друзей у нас,
Если Бог нам послал друзей.

Если б каждый постигнуть смог,
Что случайностей в мире нет,
Что ведёт нас по жизни Бог,
Чтоб в тоннеле явился свет...

Не руби с плеча, подожди,
Чтобы стало в душе светлей,
Чтобы осени злой дожди
Не застали в глуши аллей.

Не бывает случайных встреч,
Встречи пишут судьбы главу,
Чтоб мы ближних могли сберечь,
Словно ангелов, наяву.

Андрей Галамага

г. Москва

Родился в 1958 г. в г. Воркута, школу окончил в Киеве. Окончил Литературный институт им. Горького, семинар поэзии Э.В. Балашова в 1993. Автор пяти книг стихотворений, пьес, киносценариев. Лауреат различных литературных фестивалей.

* * *

Юрию Баранову

Мы успели родиться на шестой части суши –
На восток до Камчатки и до Кушки на юг.
Мы умели смеяться и играть без игрушек,
И не всякого сразу допускали в свой круг.

Мы сбегали с уроков на футбольное поле;
Мастерили ракеты из конфетной фольги,
И таинственный запах бертолетовой соли
Ни химчистки, ни стирки одолеть не могли.

Мы не ждали послушно, когда стукнет шестнадцать,
И на взрослые фильмы пробирались в кино.
Мы с пелёнок учились ничего не бояться
И не верить, что будет – чему быть суждено.

Мы чуть свет выбирались из постылой постели,
Каждый день продлевая хоть на крохотный час;
Мы быстрее взрослели, потому что хотели
До поставленной цели доходить каждый раз.

Мы от края до края по земле колесили,
От Карпат до Байкала всё нам было – своё.
Мы страну, где родились, называли Россией
С большим правом, чем нынче называют её.

Где-то строились башни, где-то рушились стены;
Мир дробился на части и кроился по швам.
Мы сумели не сгнуть через все перемены,
И, кому было трудно, шли по нашим следам.

Мы ни совесть, ни веру никогда не попрали.
Что нам новый порядок или старая власть.
Если мы в этом мире до сих пор не пропали,
То, уж будьте надёжны, нам и впредь не пропасть.

Пейзаж

Полмира объехав без дела,
Поймёшь, что полжизни отдашь
За русский пейзаж чёрно-белый,
Берёзовый зимний пейзаж.

На дальнем пригорке деревня,
Сороки пустились в полёт,
А рядом, меж редких деревьев
Охотник с собакой бредёт.

Петлянье дороги окольной,
Следы лошадиных подков;
И тёмный шатёр колокольни
На фоне сплошных облаков.

Мой друг, путешествий любитель,
Меня перебьёт в простоте, –

Он где-то подобное видел.
В Германии? в Польше? в Литве?

Пейзаж этот больше фламандский.
Вот Брейгель, типичный пример.
Подумаешь, кончились краски.
Остались бы уголь да мел!..

В Антверпене не был я в жизни
И спорить теперь не готов.
Но вдруг этот Брейгель Мужичский
Был родом из наших краёв?

Согласен, что это абсурдно.
Но что, если я не один?
Вдруг так же считают подспудно
Датчанин, француз или финн?..

Уютно чернеют домишки,
Со снежной зимою в ладу,
И чёрную шайбу мальчишки
Гоняют на белом пруду.

Александр Чистяков

г. Москва

Учился в Литературном институте. Работал археологом, охранником, зерноторговцем. Преподаватель Университета искусств третьего возраста. Поэт, общественный деятель, литературный работник, шоумен. Член Союза писателей России. Руководитель Всероссийского форума гражданской поэзии «Часовые памяти», директор Всероссийского открытого фестиваля молодых поэтов «МЦЫРИ».

* * *

Дорога без конца и без начала –
Змеиная спираль погони за богатством.
Меня никто не встретил у причала
Из говоривших о любви и братстве.

В холодной комнате потрескались обои,
Покрылись пылью чьи-то босые следы...
Уже не помню чьи – я был тогда в запое,
И так хотелось ласки и воды...

На подоконнике забыты чьи-то тени,
Три шпильки для волос и бисерный браслет.
Я, помнится, уехал в понедельник,
И женщина глядела мне вслед,

А кто она была – теперь уже не вспомнить,
Но, судя по теням, брюнетка юных лет...
Я улыбаюсь и кладу на подоконник
Чужие тени, шпильки и браслет.

* * *

Мой дом был слишком мал для вашей пьесы,
Мой кошелёк был беден для двоих,
Я не вписался в Ваши интересы,
Вам нужен был другой – из резвых и крутых.

Вам нужен был весь мир, как зритель и подмостки,
Плоды заморских стран, величье южных гор,
Вас не влекли мои унылые берёзки,
Тесна была Москва, – Вам нужен был простор.

И Вы ушли, смеясь, туда, где есть коррида,
В стране ацтеков Вы встречали Новый год,
Вы видели Нью-Йорк и пирамиды,
Прозрачный Иссык-Куль и Гималаев лёд.

А я писал стихи и охранял банкиров,
Пытался торговать зерном и колбасой,
Бывая при деньгах, поил своих кумиров
И через пол-Москвы пешком шагал домой.

Прошло двенадцать лет. Сбылись мои надежды!
Я в гости к Вам спешу с цветами и вином,
Я вновь увижу Вас, прекрасную, как прежде,
И грусть любимых глаз о чём-то дорогом.

Ах, нет! – конечно, нет – я снова Вам не пара,
Мы всё ещё живём на разных скоростях.
Вам просто нужно знать, что есть приятель старый,
Который Вас любил и воспевал в стихах.

Да, я ещё люблю.
Потрёпанный судьбою,
Но всё ещё в строю Ваш верный мушкетёр,
Хоть я и сам порой смеялся над собою...
Да! Я ещё люблю, люблю Вас до сих пор.

Бабушке

Я еду к бабушке, чтоб в детство окунуться,
Как будто галстук пионерский поносить,
Рюмашечку махнуть, но трезвеньким проснуться
И утром каши дедовой вкусить.

Услышать в сотый раз про голод в сорок первом,
Пересмотреть альбом, где дед был молодой,
Поговорить о том, что и сейчас, наверно,
Всё, может быть, закончится войной.

И просто промолчать о чём-то самом главном,
Пообещать, что скоро брошу пить,
И снова стать таким обласканным и славным,
И снова целый мир безудержно любить.

А после, возвратясь к делам, друзьям, заботам,
Весь бодрый, деловой, с бурлением в крови,
Вдруг позвонить, сказать:
Да ладно, Ба..., чего там...
Ты, главное, ещё
Живи!
Живи!
Живи!

Евгений Белозёров

г. Москва

Родился 2 марта 1960 г. в Калининграде, в семье военнослужащего. После окончания техникума служил на Тихоокеанском флоте. Учился в МИСИ и РАТИ (ГИТИС). Член Высшего творческого совета Московской городской организации Союза писателей РФ.

***

На столе бутылка. За окном пороша.
Вечер навалился непосильной ношей.

Я сижу, тихонько что-то напеваю.
Вроде и не пожил. И не умираю.

Вроде не родился, вроде не крестился.
Вроде бы мальчонкой с мамой не простился.

Вроде бы соседи даже не жалели...
Да про всё напомним волосы-кудели.

Только я не выпью и не буду пьяный.
За окном пороша. Вечер окаянный.

***

*Грисевичу достало воли... не бросать резца,
не вырезав всего узора стихотворения
из природной доски вдохновения...
Д. Дарин*

Средь вас, прилизанных и сонных,
Брожу угрюмый и больной...
Смотрю в простор небес бездонных –
Там хмарь. Я вижу знак дурной.

Иссяк? Истлел? Любовных песен
Умолк когда-то стройный хор?
Как он не нужен, неуместен
Средь вас, несущих всякий вздор!

Средь вас, коленопреклоненных
Не перед Музой, нет, увы! –
Убогой жизни слуги вы! –
Средь вас, растленных и надменных.

Вам век назначен – «деревянный»! –
Не Провиденьем, не Творцом,
А тем, кто ухнул окаянным –
По вдохновению – резцом!

На что смелы? На что способны?
На что достанет вам кишок?
Иль пошутить над кем-то злобно,
Иль своровать ещё стишок.

* * *

*Ты сумасшедший?
Лёня*

Фу-ты, ну-ты! Тары-бары!
Что не скажет – всё вразброд.
Но когда он брал гитару –
Затихал кругом народ.

Тихо-тихо, перебором,
Тинь да Динь! Открытый лад.
Задушевым разговором
Успокаивал разлад.

Замечательная пара.
Как мечтательно тиха
Шестиструнная гитара
В плавной музыке стиха.

А потом – аккордов гроздь –
Всё напевней и храбрей –
Улетал он, будто к звёздам,
Как мифический Борей.

Отгудит людская свара.
И зачем теперь слова?
«Но когда он брал гитару!..»
Долго будет жить молва.

***

Мне мысль покоя не даёт,
Что, корча из себя Мессию,
Сегодня про Донбасс поёт
Тот, кто вчера сдавал Россию.

* * *

С веками разум человека
От напряжения устал...
Стихи Серебряного века
Опять с любовью я читал.

Какая чувств былых услада,
Какая слога простота –
Там строф сияют слитки злата,
Там гул времён! Не суета.

Что призадумались, поэты?
Иль стал не нужен нынче стих?
Так дайте людям больше света
В твореньях нынешних своих!

В плену у времени такого
Пиши, поэт, про соль земли,
Чтоб люди Душу, Силу слова,
Как век назад, постичь могли!

альманах «КЛАД»

***С ПЕСНЕЙ
ПО ЖИЗНИ***

Татьяна Марюха

г. Старый Оскол

Родилась 30.01. 1955 г. Педагог по профессии, творческий человек по призванию. Является автором 3-х персональных поэтических сборников, 2-х компакт дисков на свои стихи и стихи других авторов и одного песенника с нотами и аккордами, участник, дипломант и лауреат фестивалей авторской песни.

Осенняя мелодия

Em H7
 Пальцами веток на струнах дождя ветер играет.
 Em
 Тона мажорного не находя, вдруг замирает.
 E7 Am
 Ищет средь шума осенней поры лета напевы:
 Em H7 E7
 В гомоне птиц, в трепетании крыл: «Где же вы, где вы? »

Ветер осенний – слепой музыкант - плачет и стонет,
 Редким прохожим свой дарит талант: золото гонит.
 Что ему злато? Ведь он одинок и безутешен:
 Юность, весна упорхнули давно с цветом черешен.

Не отзывается голос весны, тонкий и звонкий,
 А барабанщик под кроной сосны, бодрый и громкий,
 Будто куда-то зовёт и ведёт прочь от ненастья,
 Будто у пристани ждёт пароход с надписью: «Счастье».

Пальцами веток на струнах дождя ветер играет.
 Мокрые птицы на ветках сидят, не улетают.
 Ветер осенний – слепой музыкант – нас очарует:
 Грусти и нежности льётся река – чистые струи.

Новогоднее пожелание тем, кто сейчас в разлуке

Am E
Видишь, зима пришла с холодом и метелями,

Am
Гонит нас всех в тепло, душу на части рвёт.

A7 Dm
И разлучает нас днями, порой неделями,
Am E Am

И норовит сердца спрятать под толстый лёд.

Припев:

A7 Dm

Пусть под Новый год
Am

К нам в открытые двери
E

Счастье вдруг забрѣдѣт,
A7

А все наши потери
Dm

Вдруг покажутся сном,
Am

Что владеет лишь сутки,

Dm Am

И сердце метроном

Em Am (A7)

Лишь к любви будет чутким. (повтор 2-х посл. строчек)

Снежной лавиной фраз нас закружит разлука,

Благо, когда б на час, только бы не на жизнь!

Знаешь, всё вспоминать будет такая мука!

И вопрошать: «Зачем эти нам виражи?»

Нежность своим крылом наши обнимет плечи,

Взглядов тепло в душе мигом растопит лёд,

Тут уж, зиме и впрямь, крыть будет больше нечем,

Даже когда и снег дни напролѣт идѣт.

Сирень и весна

Dm A7
Весенние ветры и запах сирени...

Dm
В каком это было далёком году?

D7 Gm
Легко пробежала я эти ступени,

Dm A7 Dm
Стихи сочиняя себе на ходу.

D7 Gm
Там в тихом блаженстве аллея дремала,
C Dm

И месяц над сонной землёй ворожил...
Gm Dm

Ах, как было счастья у каждого мало,
Gm Dm A7 Dm

Но каждый мечтою о счастья жил.

Закручены ветки лихими ветрами,
Сосульки хрустально, печально звенят.
Метель подбирает мелодию к драме,
Где, как декорация, рыжий закат.

Позвольте вот это считать эпизодом,
Ведь главная тема – сирень и весна,
Когда встрепенётся под солнцем природа,
Вновь властвовать будет над нами она.

Какие бы ветры нам душу ни рвали,
Сиреневый обморок, сладостный плен,
Томленье любви позабудем едва ли,
Ничто не возьмём за то счастье взамен.

Весенние ветры и запах сирени...

В каком это было далёком году?

Слегка обветшали крутые ступени,
Где я сочиняла стихи на ходу.

Там в тихом блаженстве аллея дремала,
И месяц над сонной землёй ворожил.
Тогда нам казалось, что счастья мало,
А счастья хватило на целую жизнь.

альманах «КЛАД»

МИНИАТЮРЫ С НАТУРЫ

Владимир Жалнин

г. Старый Оскол

В общей клетке**КОРОВА**

Траву зелёную легко
превращает в молоко.

МУРАВЕЙНИКИ

Без проекта муравьи
строят домики свои.

СОХАТЫЙ

Кому увидеть удалось –
воскликает сразу: «Лось!»

ПРОТИВОРЕЧИЕ

Зрению проверка:
не белая, но белка.

ОСТОРОЖНО

Когда зевает бегемот,
и человек проскочит в рот.

КОРМИЛИЦЫ

Привлекая своим писком,
всех хищников прокормят
мышки.

ОРЁЛ

Хоть любит над землёй
кружить,
но на земле его вся жизнь.

ЛОШАДЬ

По привычке без причины
под седока подставит спину.

В АКВАРИУМЕ

Осуществил мечту былую:
поймал рыбку золотую.

СИЛА ЦВЕТА

Разная реакция на красные
флажки:
убегают волки, кидаются
быки.

ПЕТУХ

Лису хотел взять на испуг –
и остался только пух.

ПРЫЖКИ

Если зайцу очень надо,
то ограда – не преграда.

СОБАКА

Не всегда на лапах двух,
но всегда с тобою друг.

СВИНЬЯ

Она не думала, не знала,
что любят не её, а сало.

ПРИ ОПАСНОСТИ

Осторожный хитрый крот
в другую норочку уйдёт.

СЛОНЫ

При всей громадности своей
опасаются мышей.

МНЕНИЕ

Назови его хоть как,
всё равно осёл – ишак.

ПЕРЕРОЖДЕНИЕ

Заяц озверел настолько,
что его обходят волки.

МАСТЬ

Не путай ворона с вороной:
у них общего – цвет чёрный.

СХОДСТВО

Обезьяны, скорчив рожи,
очень на людей похожи.

ПОВЕДЕНИЕ

Если руки распускать –
верблюду может заплевать.

БЛАГОДАРНОСТЬ

Хоть спасли нам гуси Рим,
всё равно гусей съедим.

ЧУЖИЕ

Усевшись на суку высоко,
предупреждает всех сорока.

КОМПАНЕЙНОСТЬ

Попрыгунья-воробей
всегда в компании людей.

ОТЕЦ

Африканский крокодил
своих деток проглотил.

ЗИМОЙ

Медведю лучше спать
в берлоге,
чем мёрзнуть без еды
в дороге.

НЕОБХОДИМОСТЬ

Почти каждая змея
при себе имеет яд.

КОТЁНОК

На дерево залез легко,
а вниз свалился кувырком.

БЕСПОМОЩНОСТЬ

Жалобно скулит щенок:
очень мал и одинок.

ПРИ УГРОЗЕ

Идея ящериц проста:
прожить можно без хвоста.

НАВЫКИ

В принципе, без всяких
                                шуток,
учить не надо плавать уток.

РАЗУМ

Проголодавшись, наша киска
знает, где её ждёт миска.

ТРАГЕДИЯ

Жалко птенчика мне, крошку,
но за что накажешь кошку?

ЖЕСТОКОСТЬ

Курятника переступив порог,
всех кур передушил хорёк.

ЗА ЩЁКИ

Зерно прячет хомяк ловко,
как ходячая кладовка.

ЗАБОТЫ

Львица почему без гривы?
Некогда ей быть красивой.

НЕ ПОДУМАВ

Стрелять попробуй
по кабану дробью.

КОМАРИХА

Я живой, она живая:
сидит, пьёт, не улетает.

БЕЗ ИЖДИВЕНЦЕВ

Зимой пчеле не трудно
обойтись без трутней.

ВЗГЛЯД НА ЖИЗНЬ

Обвинял барана волк:
пожалел, мол, шерсти клоч.

ИГРЫ

Когда кошечка играет,
коготки не выпускает.

В ОБЩЕЙ КЛЕТКЕ

На Земле, как наши предки,
с животными в одной мы
  клетке.

альманах «КЛАД»

РАССКАЗЫ

Виктор Верин

г. Старый Оскол

Родился в 1963 г. в с. Попово-Лежачи Курской области. Окончил юридический факультет Санкт-Петербургского государственного университета. Служил в армии, в милиции, руководил информационно-правовым центром.

Люди и лебеди

Вообще-то лебеди у нас в селе не жили. Иногда кто-то где-то видел, как пролетали, да и всё. А тут, вдруг, появилась постоянная пара. Их обнаружили на реке возле парома поздней осенью. Сначала думали, что от стаи отбились – отдохнут и дальше полетят. Но прошёл день, второй, неделя, а они всё не улетают. Точнее, один куда-то улетает, но потом обязательно возвращается. А второй – на воде плавает постоянно. Со временем стало ясно, что крылышко у него повреждено, потому и улететь не может. А второй, видать, за компанию остался. Значит, скорее всего, это настоящая лебединая пара. Ведь не раз каждый слышал рассказы и песни о необыкновенной лебединой верности. И народ стал подкармливать их. Тем более, что речка протекала прямо под горой, на которой дома стояли. Можно было, сидя на лавочке, которую давным-давно старики установили, любоваться на красивых белых птиц – как они курлыкают и словно обнимаются крылами да шеями. Вскоре они стали настоящей сельской достопримечательностью. Когда к кому-то приезжали гости, то их обязательно водили посмотреть «на наших лебедей». Беспокоились, однако, о том, как же они зимовать будут. Хотя, место, видать, выбрали они не просто так. Вода здесь зимой не замерзала – какое-то тёплое или быстрое течение проходило, что ли – даже в сильные морозы полынья паровала. Дети построили на берегу домик для птиц на всякий случай – вдруг непогода или ещё что. А может

им понравится, и они никуда улетать не захотят. Но как бы то ни было, лебеди в зиму остались на селе. Река встала. Снег выпал.

Как-то в сумерках паромщик Николай Василич, который жил ближе всех к лебединой польнье, услышал выстрелы. Он первый выбежал на берег и увидел, что подстрелили одного из лебедей. Второй же летал кругами и кричал. На помощь звал.

Вовка-городской патроны новые в двустволку заталкивает и в него целится. Ещё один раз выстрелить он только и успел. Промазал. Тут Васильич, кубарем скатившись с горы, врезал ему с ходу, вырвал ружьё. Бабы повыскакивали, детвора со всех сторон бежит. Потрепали Вовку изрядно. Пришлось Васильичу даже отгонять от него толпу разгневанную.

Лебедя из воды вытащили, думали, что раненный, что помочь ещё можно. Но крупной дробью голову ему раскромсало, грудь.... И второй лебедь словно понял, что остался он один теперь – стал набирать высоту круг за кругом, пока совсем не исчез из виду. Куда он зимой-то один денется? Пропадёт ведь. Бабы заголосили. У некоторых мужиков слеза на щеку выкатилась. Почти все жители прибрежной улицы собрались...

И Валька Косматова здесь. Это за ней городской-то ухлёстывал. Всё с собой звал. Мол, вот он в этом году театральный институт заканчивает и уже в театры его приглашают, и в кино, и на преподавательскую предлагают остаться. А в селе здесь у него тётка была, сестра матьина. Когда-то они все вместе жили на одном подворье, а потом вот одна в город перебралась, замуж там вышла. Так что Вовка уж чисто городской был. Девки местные на него заглядывались – не чета своим парням. Этот и одевался модно, и говорить умел, на гитаре играл... Вот ружьецо хозяйское нашёл. Кто ж знал, что он его без спроса возьмёт да по лебедям палить пойдёт? И не пьяный даже. Как же рука у него поднялась? Ведь Валька водила его сюда. С рук лебедей этих кормили. Сидели на лавочке над горой, обжимались, на птиц глядячи. Стояла Валька на берегу, случившимся ошарашенная, не могла глаз от лебедя убитого оторвать, забыв про Вовчика, не вступившись за него, не подойдя

к нему, хотя тот и звал её: «Валя, да они ж всё равно замёрзнут зимой... Валя... Да скажи ж ты им. Что ж вы делаете? Валя...»

И тут с неба раздался такой душераздирающий крик, что замерло всё в округе, казалось, воздух даже застыл. Бабка Фенька прошептала: «Прощается, сердешный, улетает...» Но каждый услышал её, словно в микрофон говорила. И ещё гуще тишина стала.

В этот-то миг и обрушился он камнем рядом с лебедицей своей. Завизжали бабы да детишки.

Выругался кто-то из мужиков. «Вот те и улетел, дурья твоя башка, – выговорил Васильич Феньке. – Это ж тебе не люди. У них всё по-настоящему...»

Похоронили лебедей по-человечески. Долго не могли определиться – уместно ли крест на холмик поставить. Пока спорили, кузнец, дядя Костя все его звали – и мал, и стар, принёс из прутков железных пирамидку сваренную, установил на могилку и веско обронил: «По весне выкую их вместе...».

Валька не поехала в город. Потом, может быть... А Вовка в больнице почти месяц провалялся. Но заявление в милицию писать не стал. Пытался объясниться с Валею, но та слушать его не захотела. Больше в деревне его не видели. Каким он стал актёром? Стал ли им? Это, по большому счёту – не важно. Важно – стал ли он человеком, смог ли почувствовать себя частичкой живой природы, где главенствует любовь...

Любовь Шенцева

г. Старый Оскол

Родилась в Новосибирской области, куда папа был направлен на работу директором школы. Окончила педагогический институт, факультет «Русский язык и литература». По специальности работала всего год в Татарии. Потом вышла замуж и уехала по месту жительства мужа, в город Таллин Эстонской ССР, где работала экскурсоводом.

Моя тётушка

Второй раз попытаюсь восстановить в памяти и на бумаге историю жизни моей любимой тётушки. Нет, не всю историю, конечно. Откуда мне знать её всю. А только известные мне фрагменты. Зачем? Для себя, в первую очередь. Потому что очень любила её и с ней связано многое из моего детства, юности и зрелости. Да и моим девчонкам авось пригодится. Почитают когда-нибудь, вспомнят, они ведь тоже обожали её.

В первый раз всё получилось на одном дыхании, с драйвом, легко и непринужденно. Даже (что удивительно) понравилось самой. Но, увы, из-за моей компьютерной безграмотности утеряно навсегда. Просто попытаться воспроизвести тот вариант бессмысленно, да и невозможно. Факты-то останутся теми же, их не изменить, но тот настрой безвозвратно ушёл. Теперь всё будет по-другому. И всё же попытаюсь. Итак, вперёд!

Любимая тётушка была четвёртым ребёнком в многодетной семье. Моя мама родилась через девять лет после неё и была младшенькой – восьмой в семье. Что не мешало ей оставаться до конца жизни непререкаемым авторитетом для старшей сестры.

Звали тётушку Прасковьей. Прасковьей Ивановной. Это официально. Но практически все, кроме моего папы, звали её Пашей или Порочкой. Почему именно Порочкой, что это за дивное производное от полного имени – осталось загадкой. Она и сама не знала почему: «Ды откуль же я знаю? Звали тахта смальству, ды и всё».

Я помню её с тех пор, как помню себя. Правда, с памятью о тех временах дела обстоят у меня не так уж и здорово. Так, обрывочные и осколочные воспоминания. Но даже в этих крохах присутствует она и много интересного, с ней связанного. Это и мой ужас, когда увидела в ведре, из которого она поливала грядки, ужасное страшилище – угрожающе шевелящуюся медведку с выпученными глазами. И избавление от этого ужаса в связи с «торжественными похоронами» чудища. Рассказом о том, что наш Тузик в сто раз сильнее и может расправиться с ним на раз-два. И сказки про «доброего» домового, который живёт на чердаке и душит по ночам только плохих, жадных хозяев и непослушных детей. И походы с ней «на люди», с ритуалом «причипуривания» перед этим: причёсывание и укладывание косы вокруг головы, сплюнявливание бровей (чтоб черней были), примеривание нескольких нарядов перед зеркалом, выбор, наконец, подходящего к случаю, и важное шествование посередине улицы рука об руку со мной, тогда ещё совсем малявкой. И поощрение моих проказ, но так, чтобы «сохрани и помилуй, мать твоя не узнала». И её домашняя лапша с курятиной и зелёными листочками петрушки, которую я под её побасенки и прибаутки с удовольствием поглощала, хотя дома меня кормили почти насильно. А ещё помню её «охи» и «ахи» (и свою гордость) по случаю вымытого мною чулком пола во всём её доме: «Ой, ды моя ж ты тружаница! Уся у mine». Да мало ли ещё чего было в те чудесные для меня времена!

Что это я углубилась в детство? Надо по порядку. Какая она была вообще? Теперь-то я могу описать её черты, раньше же даже не задумывалась. Просто любила её и всё. Да, впрочем, и сейчас вряд ли удастся разложить по полочкам её характер. Уж слишком противоречивая натура. Как будто вся из противоположностей.

Главная для меня притягательность в ней – её говор. Это что-то сверхъестественное. Настолько самобытный, живой, органичный и неправильный с точки зрения литературы, что просто диву даёшься. Он отличался от всех, слышанных мною когда-либо. Отличался и от говора всех окружающих её людей. То есть его нельзя отнести просто к местечковому наречью, нет. Он был полон словечек и даже оборотов, свойственных только ей одной. Откуда это у неё – тоже не знаю. Но особую привлекательность говору придавало то, КАК она говорила. Не содержание, а сам процесс. Это надо было видеть! Значение каждого слова, предложения немедленно отражалось интонацией, эмоцией на лице. Лицо просто ИГРАЛО. Слегка приподнятая бровь, прищур, складочка в уголке рта, выражение глаз... Это совсем не похоже на карикатурное кривляние или слишком подвижную мимику. Нет. Всё вроде достаточно сдержанно, на полутонах, но до такой степени выразительно... Фантастика! Но ей всегда хотелось выучиться говорить «по-учёному, культурно»... «Поущи («ч» произносилось как «щ»), но это местное) мне, а то Шурка нервничающая». Шурка – это моя мама. И когда она старательно повторяла за мной произношение знакомых и незнакомых слов, а потом, чертыхнувшись, бралась за старое, я умирала со смеху. Думала, что не дано ей выучиться. Забегая вперёд, скажу – каково же было моё изумление, когда в течение первого же года после приезда ко мне, в город, она научилась говорить более-менее нормально (конечно, далеко не литературным языком, но всё же...) и на людях изъяснялась не хуже других бабуль, её соседок. Но это на людях. А дома переходила на свой привычный говорок. Так вот мне её несносная речь была гораздо милее удобоваримой, приобретённой.

Она была практически неграмотной, умела кое-как писать и читать. Именно кое-как. И всё. В детстве не получила грамоту потому что, как она говорила, «не ущем было у школу ходить, ды и матери надо было помогать»... Но я сомневаюсь, что причина была именно в этом. Ведь все семеро детей из семьи, кроме неё, получили образование. Мама говорила, что она сама учиться не хотела. И это удивительно. Будучи далеко не глупой, сообразительной, разбирающейся в таких вещах, в

которых и не каждый грамотный разберётся, и не тянуться к знаниям? Вот как раз одно из её противоречий.

Но, несмотря на её безграмотность, с ней всегда считались. На работе (хоть эта работа и была грубым физическим трудом) всегда была в первых рядах («я ж работяшная» – без ложной скромности заявляла всегда). Это так и было, даже не обсуждается. Но было что-то ещё в характере, не позволяющее ей плестись в хвосте. Может, жажда лидерства, а может и просто гордость – не знаю. При всей лёгкости характера, веселости и оптимизме она была ещё и всегдашним борцом за справедливость. Смело высказывала свою точку зрения, невзирая на личности. Плевать ей было, кто перед ней, председатель колхоза или конюх. Что думала, то и говорила. В глаза. Часто ей попадало за это правдолюбие... Отряхивалась и продолжала гнуть свою линию. То есть по натуре – боец. Но иногда у неё были закидоны иного характера. Могла вдруг взять под защиту явно не заслуживающего этого человека и отстаивать его правоту, в душе прекрасно понимая, что ею там и не пахнет. В таких случаях папа говорил, что она упряма, как баран. Наверное, он был прав. Но вот такая она была.

И вообще папа часто критиковал её. Она же редко к нему прислушивалась. Это было удивительно – ведь у него был непререкаемый авторитет во всём селе. «Не дюже я его праздную!» - говорила она о нём за глаза. И в глаза могла сказать что угодно. И он хоть и ворчал, но прощал ей многое. Чувствовал, видимо, что всё это из-за любви к сестре. Злилась, что обижал её, считала, что та заслуживает лучшей доли, заступалась за неё. Бранилась, как она говорила, с ним.

Браниться было вообще её излюбленным делом. В детстве меня всегда шокировало это занятие. Это когда две женщины на приличном удалении от местонахождения каждой поливают громкой бранью (чтоб слышно было) друг дружку и весь род до седьмого колена. И мне было дико видеть обеих на следующий день, мирно беседующих между собой. Став постарше, поняла, что всё это несерьёзно, это просто некий ритуал, позволяющий дамам спустить пар. И моей тётушке нравился сам процесс этого спуска. Папу же просто вымораживало. Он считал это вершиной бескультурья, хамства

и быдличества. Поэтому после каждой такой эмоциональной встряски тётя приказывала мне строго-настрою: «Гляди, отцу не говори! А то опять будить касатуриться цельный месяц».

Она была практически членом нашей семьи. С 45 лет она жила одна, недалеко от нас. За день могла несколько раз прибежать по разным пустякам и, если мама была очень занята, тут же убежать обратно. Папа с ней никаких бесед не вёл. Только сообщал маме: «Иди, Прасковья Ивановна припылила» – и уходил. Для меня её дом был моим вторым домом, даже не знаю, где я больше проводила время. Мы жили с ней душа в душу. И она всё пыталась меня: «А кого ты больше любишь – мне или мамку?» Я же не была предательницей и всегда честно отвечала: «Обеих одинаково». А ещё ей всегда хотелось услышать от меня, что я её никогда не брошу. И она изводила меня своими сомнениями: «Вот ты вырастешь, будить у тебе свой мужик и детки... И забудишь ты про мне. А я буду старенькая и некому мне будить стакан воды подать...» А я обнимала её ручонками за шею и успокаивала: «Нет, я тебя никогда не забуду. Я тебя к себе заберу». Знали бы мы обе тогда, что эти слова сбудутся стопроцентно в далёком тогда будущем!

Да, надо же рассказать, как она выглядела внешне. Она не была красавицей и всегда признавала это: «Шурка красивши мне намного была. И она ж культу-у-урная. Зато я боевей. И ребята за мной у молодости бегали невозможна. Сама не пойму пощему». А тут и понимать нечего. Если и почти в старости к ней притягивало мужской пол как магнитом, то... что говорить о юности. Да и глаза у неё были настолько хороши, что не оторвёшься. («Мине мать у детстви дражнила лупоглазой обжорой»). И, правда: огромные, серые, яркие, прозрачные глаза – как будто светились изнутри. И очень живые, посверкивающие («вростроглазая»). Они сохранили свою красоту почти до глубокой старости. И обжорой она оставалась практически до самой смерти (а прожила достаточно долгую жизнь – её не стало в 93 года). Так что бабушка Доня (её мама) знала, что говорила... Но, удивительно, обжорство не влияло на её фигуру, она всегда была худощавой (и всегда мечтала, чтоб хоть «каплю поглАжетъ»), полнеть начала только после

75-ти. В целом же она выглядела вполне достойно: блондинка от природы, с белой, как молоко, кожей, стройная, высокая и лёгкая на подъём, очень подвижная. Настолько быстрая, что я, совсем молоденькая, едва поспевала за ней, уже шестидесятилетней. И ещё она любила наряжаться. О!!! Это был её конёк! Самым востребованным из предметов мебели в связи с этим у неё было большое старинное трюмо, которое она хлила и лелеяла: натирала тряпочкой почти каждый день. За день она могла сменить три платья или юбки с кофтами. Благо, этого барахла у неё было с избытком: шила сама, всё что-то перешивала, перелицовывала... А всякие бусы и серьги были ей дороже хлеба насущного. И духи. Вернее, одеколон, какие тогда там в деревне духи... Мама всегда подшучивала над ней: «О! Роза явилась! Сейчас пчёлы слетятся...». Этим своим привычкам она не изменила до самой смерти. Уже в глубокой старости раз в два месяца я покупала ей новые духи взамен использованных и часто баловала всякими побрякушками: колечками, бусиками, серёжками.

В молодости она была непревзойдённой плясуньей. Причём, как рассказывала мама, плясала как-то по-особенному, не похоже на привычные пляски сельчанок. Делала это так самозабвенно и с такой экспрессией, что многие приходили специально «поглазеть на Порочку». Не мудрено, что парни теряли головы от этой «шальной девки». Многие добивались её благосклонности. Но она выбирала лучших.

Она очень любила разговоры «про любовь». Когда я уже училась в старших классах, эта тема часто поднималась в наших задушевных беседах. Я поверяла ей все свои тайны, она, в свою очередь, посвящала меня в свою взрослую жизнь, рассказывала о своих замужествах. Я и раньше многое из этого знала...

И все эти замужества заслуживают того, чтобы о них рассказать поподробней. Тётя Паша выходила замуж трижды.

Как уже понятно, в юности она была бедовой девчонкой: пела, плясала, многим парням кружила головы. И, едва ей исполнилось шестнадцать, выскочила замуж за первого парня на селе, красавца – гармониста Ивана. Он был старше её, «грамотной ды весёлай», из хорошей семьи. Сделали свадьбу.

По тем временам, это было очень разорительное событие. И она перешла жить к мужу в дом. Прожили они почти полгода. Сначала душа в душу. А потом он «нервничить нащАл». Вскоре забрали его в армию. Она осталась жить со свёкром и свекровью, «они мне не обижали», но... «Иван писем мне не шлёт и не шлёт, потом прислал и пишеть, что гляди, мол, сама. Живи как хощишь, а я табе обещать нищего не могу. Находи хорошого щеловека и устраивай свою жизнь». Вот она подумала-подумала, «што я буду сидеть, што высижу? И... ушла у отчий дом». И не какой-нибудь женщиной вернулась из супружества, а ДЕВСТВЕННИЦЕЙ! Оказывается, и такое бывает. «Тётя Паш, а как же так случилось?» - «А откуль я знаю? Штой-та у его не ладилось. Мож, больной был... Потому и нервничил». Вот так и закончился её первый брак. Иван так и не вернулся домой из армии, остался на сверхсрочно и... погиб на войне (в первый же год).

Долго в девках тётя Паша не засиделась. Вскоре после описанных событий (ещё до войны) приехал в отпуск к родным из Ленинграда молодой лётчик-испытатель Фёдор. Я помню ту необычную толстую на коричневом фоне фотографию, на которой изображён во весь рост высокий крепкий светлоглазый кудрявый блондин в длинном кожаном пальто и с португеей. Красавец! Как киноактёр. (Она хранила эту фотографию, но почему-то после её кончины я не обнаружила её в «архивах»). Увидел молоденькую разведёнку и влюбился. И сразу сделал предложение. Она ещё раздумывала, видать, не ослепил он её своей красотой и кожанкой. Но родители уговорили, де, что тут раздумывать, человек самостоятельный, при деньгах, живёт в таком городе... , хоть из деревни вырвешься. Вроде, резонно. Согласилась. Расписали их в сельсовете, и увёз уже мужнюю жену Фёдор в северную столицу нашей Родины, далёкий славный город Ленинград.

Но не очень-то заинтересовала столичная жизнь деревенскую жёнущку. Хотя старался изо всех сил новоиспечённый муж: раздел её в пух и прах, накопил разных цацек («даже серьги и кольца золотые с такими камнями подарил, што ажник у глазах сверкало»)... Стал её к культурной жизни приобщать, в театр водить, в музеи... . А девушке скучно всё это. И

погода плохая, и дома серые... и делать нечего... Записал он её в школу рабочей молодёжи, может, учёба увлечёт. Походила на занятия с недельку и бросила – «Што я, как дура, сижу тама, лупаю глазами...». Что только ни перепробовал Фёдор: патефон купил – пляши на здоровье – «перед кем мне тута плисать?», машинку швейную – учись, шей, что хочешь – «сам накупил нарядов, а теперь ломайси, шей... Что тут шить? Усё готовое».

В конце концов, через себя переступил, устроил к себе на аэродром в кафе посудомойкой (при её-то грамоте кем ещё?), только б не скучала по дому и с ним рядом была. Да просчитался малость. Там же холостых лётчиков тьма, а тут такая сероглазая егоза появилась... «Как закружилися круг мне усе эти хлопцы, что токо успевай отбиваться. А Фёдор прям забесилси, у драку лезить со всеми...». В итоге забрал с работы и посадил дома. Просидела она неделю. «Усе глазыньки у окно проглидела. Как представлю, што щас девки наши на улицу пошли, гармонь играть... – сердце кровью обливается... . А тут выду у магазин, усе ходють с поджатыми губами... Што ето за жисть?» Вот и решила она попросить Фёдора, чтоб он её отвёз обратно в деревню. Попросила. «А он совсем с ума сошёл: то плащить, то смеётся, то уговаривая на коленках мне, а то грозиться убить... Посадил мне, как аристанку, клюц прящить, не дает. Поглидела на ету картину и думаю – не-е-е, так дело не пойдёт! Я сама уйду. Мир ни без добрых людей». И ушла. Улучила момент ночью и улизнула, в чём была, благо хоть документы и деньги не спрятал.

И ведь добралась-таки до дома. «С божьей помощью, ды и люди кругом добрыи попадались». Родители ахнули, но... куда денешься, если дочь такая непутёвая. Но недолго она свободой наслаждалась. Нагрязнул законный муж. Забирать беглянку. И не просто нагрязнул. А с пистолетом. Сначала по-хорошему упрашивал, бесполезно. Тогда наставил на неё пистолет и предупредил: «Последний раз спрашиваю!!! Поедешь???? Иначе застрелю!» А она в это время на кровати сидела, с ногами. И эта «Зоя Космодемьянская» дёрнулась изо всех сил, стреляй, мол, но не поеду! А ногу-то мигом спустила. И грохнул выстрел! Муженёк-то хотел своего добиться и

попугать как следует жёнушку, стрелял под кровать, а попал аккурат в спущенную ногу, чудом не задев кость (шрамы от пули остались на всю жизнь). Родные хотели посадить Фёдора, но пострадавшая упростила их «не заявлять». Он уехал. И через месяц погиб при испытании самолёта. Я спрашивала её: «Что ж тебе, не жалко было его?» – «Ой, ды молщи, девк, жалко! Мож я и виновата у во всём, он, нябось, волновалси из-за mine. Я ажний плакала. Он хоть и бешанай был, но щеловек добрай.» Ещё б она не плакала!!! А на мой вопрос – любила ли она его – отвечала бесхитростно: «А хто яго знаить, я ишо не успела привыкнуть к яму!» Вот вам и представление о любви.

Так она осталась вдовой, толком и женой-то не побыв. Вот тут-то и возник на её горизонте главный мужчина её жизни, смуглый красавец с румянцем во всю щеку на цыганистом лице. (Я прекрасно помню его, хотя была первоклашкой, когда его не стало). Андрей, как и первый муж, играл на гармонии, но был старше её чуть ли ни на десять лет и, самое главное, женат. Хоть она и повторяла всегда, что на ней нет греха увода его из семьи, в это слабо верится. И папа как-то раз обмолвился, что если б не зыркала на него своими глазищами, не бросил бы он Дарью (жену), не довёл бы до петли. (После его ухода вешалась та, но спасли, успели). Детей у них не было. Вот такие страсти бушевали из-за далеко не первой красавицы на селе.

Но «покачалась» Пашенька со своим дружкой чуть больше года. А потом грянула война. И ушёл он в первые же её дни на фронт. И потянулись долгие страшные годы... «И не проходило денёшка, штоб я ни молила Бога за мово сокола». Я же подкалывала её: «Как ты молила? Ты ж ни одной молитвы не знаешь». А она, не моргнув глазом: «Ды оцинь просто. Своими словами, Бог усё слышит». Набожной ей так и не суждено было стать. Даже икону в доме держала «потому, как положено».

Потом всё закончилось. Наступил мир. Живыми и здоровыми с войны вернулись немногие. В их числе был (то ли вымолила, то ли судьба) и её Андрей. Худой, «ажник кости наружу», прошедший всю войну до самого Берлина, дважды раненый, с множеством наград и... с трофеями для сво-

ей любимой жёнушки: швейной машинкой «Зингер», двумя необыкновенной красоты шальями и парашютом (из которого впоследствии были сшиты занавески на окна, покрывало на кровать и приданое моей мамы) Уж как он умудрился всё это привезти, не знаю, но угодил и своей дружке, и моей маме и даже мне (довелось пофасонить в чёрной кашемировой шали с длинными шёлковыми кистями, которая очень шла мне и вызывала зависть подруг).

И зажили они с Андреем «хоть и бедно, но душа у душу». Правда, из-за наличия взрывных характеров у обоих супругов их брак часто трещал по швам. Но сохранился и был вполне счастливым. О своём Андрее тётушка могла рассказывать часами. И когда рассказывала, расцветала. Мне, уже взрослой, интересно было наблюдать за сменой настроения на её лице. Именно настроения. Брови сдвинулись – гневается на почившего мужа или обстоятельства, морщинки в уголках глаз – наслаждается картинкой из прошлого... Её Андрей был хоть и «норовистый, но жалостливый до ужаса, все мои фокусы исполнял». Он оказался хорошим портным («подуцилси у одного мастерового, прибудившегося к одной нашинской бабе после войны»). «Все наряды мне шил, ходила как городская краля, бабы ненавистничили». И поваром классным был (на фронте после ранения одно время был приставлен помощником к повару, который готовил еду для штабников, вот и навострился), «што тольки ни готовил, у деревни сроду такого не видали, на гулянку как наделая пилименей, все бабы тада приставають «наущи ды наущи».

Мне интересно было развести её на откровенность о чувствах. И я её подзуживала:

– А ты не боялась, что его уведут у тебя? Сама говоришь, что бабы завидовали. А одиноких же тогда было полно.

Она всплёскивала руками в негодовании:

– Ды што ж ты буровишь??? У мене Андрея??? Ды он акромья мне ни на кого сроду ни глянул. Говорил, што лучши на усём белом свете никого нетути. Как тока ни называл...

– Тётя Паш, а как же именно называл? Расскажи.

– Ой, девк, ды стыдно говорить...

– Да ладно, что там стыдного? Все мужчины своих любимых

называют по-разному. Вот мне интересно, как тебя называли.

– Ды зорькой ясной звал. И кода мне уже 40 лет было, тожа тахта звал. Шудак! А ишо колдовкой ясноглазой.

– Колдуньей, что ли? Почему?

– Ага. Дык што его приколдовала к сабе.

И смеялась весело так, по-девчоночьи... И смотреть на это было удовольствием. И ещё она всегда сокрушалась:

– Эх, Андрей-Андрей! Мещтал мне грамоте наущить. И так и не наушил, ушёл и не подумал, а как я остануся одна и без грамоты... И Бог дитёночка не дал.

Да, детей у них не было. Детей очень хотел Андрей, а тёте Паше было как-то всё равно. Не дал Бог, да и не дал. Как данность. Без переживаний. А Андрей переживал, хотел девочку, на жену похожую, во сне даже видел.

Повёз её в Харьков, в больницу на проверку. Там сказали, что это загиб матки и это успешно лечится. Надо только на курорт по профилю ехать.

«Ишо придумали, какой-та курорт... Голову морочують. Никуды я не поеду!» И точка. Так и не случилось в жизни продолжения их самих.

Андрей был уважаемым человеком в округе, работал мельником. Работал по совести. Люди старались его отблагодарить. А чем? Самогонкой, конечно. И он выпивал вместе с благодарившими. Нет, пьяницей он не стал. Но пропустил из-за этого момент своей болезни, когда ещё можно было что-то сделать. Силикоз. Профессиональная болезнь шахтёров и мельников. А его лёгкие к тому же были ослаблены ранением. И когда попал в больницу в Харьков, было уже поздно. Умирал дома. Умирал страшно. Зимой. Помню, как мы с подружкой (первоклашки) с завалинки подглядывали в окошко. До сих пор стоит перед глазами та картинка: он вскакивал с кровати, худой как скелет, с неестественно красными щеками и горячечным взглядом, как будто собирался куда-то бежать. Его хватали, укладывали, а он кричал, что ему жарко, сбрасывал одеяло и просил открыть окна. Окна открывали (в мороз), он затихал на минутку. Потом всё повторялось. А на крыльце, возле дома стояли люди. Много людей. И многие плакали. Потом нас прогнали. И не пустили на похороны.

Тётя Паша тяжело перенесла его болезнь и смерть. Теперь уже она стала настоящей вдовой, хоть и достаточно ещё молодой (45 лет), но страдающей, неутешной... Она исхудала так, что стала ужасной, похожей на него, того, вскакивающего... Мама очень долго ходила к ней ночевать, боялась оставить её одну ночью. Она ушла в себя, стала угрюмой, злой. Долго носила траур, ходила на могилу Андрея чуть ли ни каждый день...

Но... время лечит. Постепенно горе притушилось. Надо было привыкать жить одной, без чьей-то помощи. А это было сложно, ведь Андрей разбаловал её, все вопросы решал сам. А теперь груз хозяйственных забот и крестьянского труда лёг на её плечи. «Я даже сярдилась поначалу на его. Ляжить там теперь и в ус не дуить, что я ломаюсь тут, как лошадюка». Потом привыкла. Никуда ведь не денешься.

Прошли годы. Тётя Паша освоила к одинокую жизнь. Даже умудрилась новый домик построить. Малюсенький, но красивый, как теремок. На личной жизни же поставила крест. На плясках тоже. Но пользоваться успехом у мужского пола не перестала. Хотя вела очень праведный образ жизни. Одного за другим решительно отвадила желающих поразвлечься с ещё не старой вдовушкой, чем завоевала авторитет у мужних жён и вызвала зависть у одиночек.

Но и на старуху бывает проруха. Заявился посмотреть на родные места из Днепропетровска бывший её воздыхатель (в ранней юности, почти в детстве, ещё до Ивана), теперь уже очень солидный приятный мужчина, вдовец. И пришел повидать свою первую любовь. Да так и присох опять. Весь отпуск уговаривал выйти за него и уехать в далёкий украинский город. Сначала она отказывала в категорической форме, а потом стала колебаться. Помню, как мама ей советовала «не упускать последний шанс уехать из этой чёртовой деревни». «Посмотри на свои руки, – убеждала она пригорюнившуюся невесту. – Хоть от чернозёма там вымоешь их. Не молодка, надо думать уже, как и с кем доживать. (А «не молодке» тогда было слегка за пятьдесят). А Фёдор ведь положительный мужчина, а, главное, свой, ты ж весь род его знаешь – в нём подлецов отродясь не было». И решила тётушка, дала согласие

Фёдору. Умчался окрылённый жених домой, строго-настроено приказав ей потихонечку собирать вещички, а он, де, решит там свои дела на работе и приедет за ней на большой машине.

И... исчез. Проходит неделя... другая... Тётя Паша в гневной панике: «Ах, негодяй! Ах, подлец! Ослабил мне на усю округу!» Мама убеждает её написать ему письмо, узнать, в чём дело, та ни в какую. Почти через месяц приходит письмо. «Уважаемая Прасковья Ивановна! Пишет Вам дочь Фёдора Михайловича. Знаю, что Вы ждёте папу. Простите, что не смогла сообщить раньше. Папа умер от инфаркта почти сразу после приезда от Вас. Но успел рассказать о Вас очень много хорошего. Я была рада за папу и мечтала встретить Вас в его доме. Но жизнь распорядилась иначе....» Это было как гром среди ясного неба. Тётушка была очень удручена, но... как и ко второму мужу Фёдору, к этому она тоже «ишо не успела привыкнуть».

Как ни странно, эта смерть не только не отвалила от неё потенциальных женихов, а, наоборот, привлекла. Сватались к ней многие, но давала согласие она ещё двоим. Последнему уже в шестидесятилетнем возрасте. Но история повторилась. Оба они умерли вскорости после сватовства. Это было странно и наводило на нехорошие мысли. И эти мысли моя мама как-то произнесла вслух: «А, может, ты по судьбе «чёрная вдова»? Тётя Паша вытаращила на нее и без того огромные глаза: «Как это?» Мама же, будучи человеком начитанным и романтичным, разъяснила ей, что есть такая категория женщин, рядом с которыми ни один мужчина не выживает. И такие женщины обречены на одиночество. Тётя Паша поверила в это мгновенно и навсегда!!! Переубедить её уже было невозможно. Поэтому даже на подступах к дому «работяшшей вдовы» очередной претендент на её руку и сердце терпел сокрушительное фиаско: ещё издали она махала руками, чтоб он скорее убирался, пока жив.

Она смирилась со своей долей и выживала в той тяжёлой деревенской жизни, как могла. Мы с Валеркой, моим братом, (сначала одни, потом со своими половинками) приезжали, помогали ей, как и родителям, сажать, полоть, копать картошку. Остальное – всё сама. А потом я забрала к себе родителей, и

она осталась совсем одна. И загрустила. Мои приезды только на время поднимали ей настроение. Надо было что-то делать.

И я исхитрилась, забрала её сначала к себе, а потом выбила отдельную однокомнатную малосемейку в Доме ветеранов, впоследствии переданную ей в собственность. Боялась, не приживётся в городе. Но прижилась. И на удивление быстро. Жили мы по соседству, практически одной семьёй. Эти годы ещё больше сблизили нас.

На моих глазах происходило её старение: и физическое, и умственное. И это не вызывало во мне никаких отрицательных эмоций. Наоборот, постепенное её превращение в моего третьего ребёнка вызывало умиление, удивление, иногда забавляло. Этот процесс был настолько естественным, что практически исключал жалость. Ну, может быть, только перед самым концом... И уход за ней не был в тягость. Это тоже как само собой разумеющееся. Как за собой. Она была нетребовательна и радовалась самой малости. И это тоже было стимулом... радовать.

Удивительно, как может менять характер человека время. Наблюдение за ней убедило в том, что поговорка «Каким родился, таким и умрёшь» не работает. И дело даже не в старческом склерозе. В отношении к жизненным ценностям, происходящему, самой жизни.

Очень общительная по природе, она полюбила одиночество. Её утомляли визиты подружек – «молотют языками абы о щём», посидеть на лавочке выходила только по необходимости подышать воздухом. Ей было хорошо самой с собой. Помню, однажды в мой вечерний визит сидит она с загадочным видом... «Так. Что? Рассказывай!» Так обычно начинались наши беседы. «Ды нищего особенного. Боюсь, будешь ругаться.» (Это как будто я когда-нибудь ругалась вообще!!!) «Не буду. Говори. Что натворила?» – «Ды, молщи, девк! Натворила. Песни играла». И всё это с хитро-весёлым прищуром. «Какие ж песни?» – «Ды разнаи. И казацьи. И русскаи». – «Ну так чего ж тебя ругать? Молодец!» – «Ды я тожа тахта думаю. А удругх-то мимо шёл, услышал... Подумая, штоу мне крыша поехала...» Да-да, слэнга она тоже не чуралась. «Ну и пусть думает. Это его дело. Главное, тебе хотелось, вот ты и пела»

– «Ды и то... Ой, как гора с плещ» – и вздохнула якобы облегчённо. Ну, вот что сказать хитрунье? Вроде эта гора у неё была когда-нибудь...

А какой была терпеливой! В 89 лет впервые в жизни попав в больницу, да ещё в онкологическую, выдержала без единого стопа операцию по удалению опухоли со щеки без общего наркоза. Даже выдавший виды хирург был поражён. И потом, когда я приехала её забирать, она, обрадованная отъездом домой, пошептала: «Ой, ды больно было невозможно. Тока ты яму не говори!» Хирургу то есть, стыдно ведь. Кстати, так до конца жизни и не знала, что у неё была меланома.

Подчинялась беспрекословно. Это с её-то бывшим норовом. Иногда, правда, выказывала своё недовольство. В таких случаях она поджимала губки, задирала кверху подбородок, скрещивала руки на груди и сидела, не двигаясь. И могла так сидеть очень долго. Видеть это – обхохочешься. И я после паузы всегда шла на попятный, делала по её. Сколько же я билась с этими памперсами! Невзлюбила их, хоть убей. Утром уговорю, напялю на неё, в обед прибегаю – сидит на кровати в излюбленной позе с подбородком кверху, рядом сухие памперсы, а на полу (а то и на кровати) лужа. Ужас! Пока не догадалась на себя надеть эти прибабасы и лечь с ней полежать. Только тогда сдалась.

И уходила она легко, без всяких болей и лекарств, постепенно угасая... Врачи сказали, что продлевать ей жизнь сейчас кощунственно, ресурс исчерпан, и не надо её мучить. За день до конца я покормила её клубникой, умыла и решила подстричь усики (над верхней губой к старости стали расти редкие волосинки). Стригу и приговариваю, что вот, дескать, теперь ты будешь симпатичной бабулей... А она взяла меня за руку и шепчет (голос был уже очень слабый): «Стряги лутше, а то Андрей не узная.» Я обомлела: «Какой Андрей?» – «Во! Какой? Ды мой, какой жа ишо?» Она уже ГОТОВИЛАСЬ к своему Андрею.

Лежит она теперь рядом со своей любимой сестрой, моей мамой. И шуршит над ними своими листьями красивое деревце рябина. Гроздьё которой когда-то в далёкой юности красовались в венке весёлой плясуньи Порочки.

Надежда Лан

г. Старый Оскол

В поисках любви

Шофёр грузовика заглушил мотор, почесал рукой затылок и с нескрываемой усталостью сказал:

– Добрались, слава Богу.

– Но ещё добрых полкилометра до хутора, – возразила я.

– Не проедем, – виновато выдавил он из себя и стал вытаскивать мой чемодан из багажника, находившегося за нашими спинами.

Мне ничего не оставалось, как достать деньги и расплатиться с неприветливым водителем.

Таким он показался на первый взгляд на перроне вокзала.

Фирменный поезд «Курский соловей» плавно приближался к платформе. Вежливая проводница объявила о пункте прибытия и напомнила пассажирам о том, чтобы не забывали свои вещи. Через чистые стёкла купейного вагона я наблюдала, как предприимчивые таксисты бойко предлагали свои услуги выходящим пассажирам.

– Гражданочка, куда вам? – окинув взглядом мой багаж, спросил таксист.

Мужчина был незлобив. Но угрюмой печалью смотрели его узкие серые глаза со зрачками-буравчиками из-под опухших век. Привычная к переездам и людям, я назвала деревню.

– Недалече. Буду из тех мест, – просверлил он меня «буравчиками». – Василий Бартенев, – буркнул невнятно. – «Халтуру» иногда частным извозом, – ещё более насупившись, зачем-то уточнил.

Мы сторговались. Угрюмый Василий легко подхватил мой чемодан и направился к выходу с перрона. Я с трудом поспе-

вала следом, не упуская из виду его ссутуленную, широкой кости фигуру в серой рубаше и такого же цвета брюках. За привокзальной площадью мы остановились у видавшего виды старого грузовика. Я отдышалась и, наконец-то, смогла как следует рассмотреть Василия: лицо бледно-серого цвета, продолговатые скулы, глубокие морщины вокруг жёстко сомкнутых губ, тонкий нос, седые волосы топорщились из-под замусоленной кепки, бросились в глаза большие натруженные руки.

Перехватив мой взгляд, Василий хлопнул ладонью с узловатыми пальцами по тёплому капоту и молча открыл передо мной дверь кабины. Примерно через полчаса, выехав на объездную дорогу, Василий прибавил газ. Грузовик мягко катил по широкому, отремонтированному шоссе. Весенний ветер врвался в кабину и щекотал в носу запахом тающего асфальта.

Бартенев курил и бесцеремонно плевал в открытое окно. Молчание не тяготило. Воспоминания, как волны, захлестнули меня. Солнце уже клонилось к горизонту, когда мы свернули с автомагистрали на ухабистую просёлочную дорогу. Сухие колеи, извиваясь, прятались в лесу.

Василий немного оживился.

- К кому едете? - под гримасой вместо улыбки он обнажил пожелтевшие от табака зубы.

Я рассказала.

- Дед Степан обезножел. Ревматизмом скрутило, - кратко осведомил он меня.

От Бартенева я узнала о Лильке и её контуженном на афганской войне сыне. Мать и сын приехали в лесную глушь из Азербайджана во время перестроечной «заварухи». Теперь они были моими соседями. Степана и Антонину я помнила. Молодыми. Широкой свадьбой на мясоед.

- Прощайте! - старомодно буркнул Бартенев, усаживаясь за руль.

Обдав меня густым дымом, грузовик скрылся за деревьями.

Хуторок из трёх старых изб тесно лепился к лесу. Ближе к домам лес редел. Одинокие осины, дубки, группки берёзок гляделись скуднее из-за ветров. В густой траве, щедро усыпан-

ной яркими цветами, я не обнаружила тропинки, ведущей к жилью, и сбросила туфли. Густая сочная трава опеленала затёкшие ноги. Идя к дому, за редкими кустиками, листьями, похожими на зелёное кружево, я увидела пасущуюся козу и четырёх козлят. Они резвились на траве. Коза, привязанная верёвкой к свежему, забитому колу, вскинула рогатую голову, настороженно рассматривая меня. Длинная шерсть её сияла на солнце белизной и не закрывала раздутое от молока вымя, утопающее в зелёной траве.

«Коза-Белоснежка», – охнула я.

Козлята, путаясь в траве, подбежали. Я наклонилась. Пахнущие молоком малыши тыкались влажными мордочками и крохотными рожками в мои ладони. Коза издала тревожное блеяние. Немного пробежав за мной, козлята отстали.

Я купила свободный дом, не глядя, какой он, не торгуясь. Сделку оформляли в районе. Стоил он всего ничего. И вот теперь, едва ступив на заросшую деревенскую улочку, я, вдруг, поняла, куда мне нужно идти. Точнее, ноги сами безошибочно выбирали дорогу. Но неужели такое может быть? Неужели из нескольких сохранившихся домов один именно этот? И именно его я купила... Сердце учащённо забилось. Пятьдесят лет. Полвека не была я здесь...

Покосившийся, вросший в землю, но ещё крепкий дом выходил одним окном на окраину леса. Сохранились три разлапистые ели. Хвойные деревья раздались вширь и ввысь. Заметной была крыша дома, приподнятая и перекрытая железом взамен соломы. От дождей торчащую трубу прикрывало жестяное ведро. Ветхий дощатый забор, скрытый травой и бурьяном, закрывал двор. Обойдя его, я наткнулась на запертую дверь. Дом за десятки лет поменял несколько хозяев, а теперь пустовал. Высокая рябина нависала тяжёлой кроной белых цветов над пристроенной верандой. Я заметила узкую дверь, увитую диким плющом, который тянулся по крыше веранды, оплетая узорные окна, изнутри затянутые тряпьем. Ну, конечно же, дом имел два входа. Кто здесь жил в последнее время? Укрывались ли люди от жизненных невзгод под этой крышей? Счастливы ли были?

На скамье у крыльца я присела, вслушивалась в особенности весеннего вечера – звенящую тишину хутора. Цветы и ягоды подступали к крыльцу, усыпанному шишками и сухими ёлочными иголками. Как много прошло лет!..

Позвонив с мобильного моей дальней родственнице, я сообщила о своем приезде. Немолодая усталая женщина явилась скоро. Мы поздоровались. Она подала мне старый ржавый ключ от навесного замка на двери с крыльцом и, сославшись на работу на бахче, ушла.

Фасадом дом выходил на реку. Я с любопытством всматривалась в высокий холм за рекой, буйно разросшиеся кусты сирени, чистое синее небо. Долго возилась с замком. Слезы застилали глаза. Ржавый замок скрипел, ключ прокручивался в скважине. Наконец я смогла войти в сени. В былые времена по стенам на больших, сделанных кузнецом, гвоздях висели вожжи, кнуты с поломанными кнутовищами, сплетённые из конских волос, для починки лежали сбруи, сёдла, пахнущие лошадиным потом.

Тёмный переделанный коридор хранил запах пыли и помета мышей. На ощупь я нашла массивную ручку, ведущую в избу и, собравшись с духом, потянула её на себя.

Со стены, из застеклённых рам, прикрытых рушниками, засиженных мухами, смотрели на меня бабушка Александра и дед Илья Иванович. Дед в фуражке военного образца и баба в тёмном платке. Строгие лица. Изображения местами подрисованы фотографом. Нельзя было разобрать – то ли углём, то ли мелками. Я плакала, растирая пыль по стеклу над фотографиями. Как так могло быть? Почему новые хозяева не убрали их со стены?

Карточки с истлевшими уголками, потёртые в карманах, в разводах от влаги. Незнакомые мужчины в будёновках. Мои крёстные – дядя Савелий в тулупе и тётка Пелагея, покрытая русской шалью. Бабушкины малые дети, умершие в детстве. Мамина фотография с фронта из Польши – военная сумка в руках, красный крест нарисован посередине. Бабушкин брат на танке с надписью «На Берлин». Мои тётки со стороны деда, в новых сарафанах на Троицу – я знала по рассказам, что они умерли от тифа. Дед Егорий на деревянной ноге – бобылём

звали его в деревне. Тётя Феня в окружении ребятишек на фоне цветущей сирени – похоронку получила вместо мужа. На самом краю, в углу рамы, фотография девушки. Большие выразительные глаза. Вьющиеся пышные волосы, заплетённые в косы. Нюся – мамина троюродная сестра. О ней было запрещено говорить.

Однажды я встретилась с моей красивой тётей. Семилетнюю, мама взяла меня в Курск. Лето было в разгаре. Мы шли по тенистым липовым улицам. Мама часто оборачивалась назад, не идёт ли кто сзади. Остановливались в подворотнях. Я удивилась, когда мы подошли к землянке. На условный стук дверь открыла женщина, одетая в меховую жилетку поверх плаща.

Короткие седые волосы обрамляли измученное болезнью лицо. Но я всё равно узнала в ней ту самую красивую девушку с фотографии в доме деда и бабы. Мама и Нюся говорили шёпотом. На керосинке женщина вскипятила воду, положив душистую траву в чайник. Разлила чай в стаканы в подстаканниках и подала сахар. Хлеб, яйца, молоко положила на стол мама. Нюся убрала продукты в тайник, скрытый под газетными обоями. Покидая женщину, мама строго потребовала от меня обещание – молчать о том, где мы были. Тайна молчания вокруг её имени стала доступной для меня спустя много лет.

Нет никого в живых. Фотографии как братская могила. Более полвека назад в этой избе появилась на свет я. Руки бабушки были первыми, прикоснувшимися к моему маленькому тельцу. Весенними дождями размыло дороги, и мою мать в родовых схватках бабушка и дед не отважились везти на колхозной подводе в районную больницу. Я была третьим ребёнком в семье. Мои старшие сёстры рассказывали: бабушка завернула меня в выцветшее от многочисленных стирок одеяло и положила на протопленную печь...

Нетронутой осталась печь. Местами растрескалась кирпичная кладка, обсыпав пол сухими глиняными комьями.

Из старой мебели сохранились широкая дубовая лавка и квадратный стол, изъеденный древесным жуком. Стоял шкаф-блюдник. Горкой лежали запylённые тарелки.

Ни пыль, ни мыши не могли забить память о запахе выпеченного хлеба. Круглые ковриги ржаного хлеба бабушка

Александра укладывала на чисто выскобленную лавку и, обмахивая гусиными перьями, намоченными в воде, накрывала ковриги капустными листьями или рушниками. Хлебный дух заполнял избу. От горячего воздуха хлеб лопался, и я выжидала удобный случай отщипнуть душистую хлебную горбушку.

В праздники на лавке сидели многочисленные родственники. И на ней же лежал мой покойный дед Илья Иванович.

В святом углу я обнаружила в лампаде масло и, зашептав молитву, зажгла крошечный фитилёк перед иконами.

Служивший бабе и деду спальней чулан, комнатушка на одну кровать, пригороженная к печи, теперь занимал старый сундук, ранее стоявший в сенях для хранения зерна. Покрытый яркой домотканой попоной, рябившей глаза, даже не смотря на сугробы пыли.

В подслеповатое оконце через дыры старой занавески пробивался весенний свет, освещая давно небелёные стены.

Поискав глазами по избе кровать, я разочарованно вздохнула. Но сундук с его плоской поверхностью вполне подходил для сна. Под крышкой сундука, на присыпанном соломой дне, лежали вёдра и кухонная утварь - чугуны, металлические кружки и тарелки, погнутые с боков, и почерневшие от времени ложки, завернутые в промасленную измятую бумагу самодельные щипцы для колки кусков сахара и чапельник. Деревянная ручка этого древнего, как и его название, приспособления, исправно послужившего на своём веку хозяевам, блестела, гладко отполированная руками.

Я живо представила, как бабушка таскала из печи большую крышку от чугуна, на которой пекла толстые румяные блины.

Сухонькая, она соблюдала все посты и православные праздники. Я помню, как баба привела меня в деревенскую церквушку, напитанную запахом ладана, как выучила молиться.

В праздники перед иконами коптивший фитилёк горел ярче. Мы становились на колени. Я повторяла непонятные и трудно выговариваемые слова: «Отче наш, иже еси на небесах...»

Бабушка ловко управлялась с большим хозяйством: домашней птицей, коровой, овцами. Ухоженный огород, бахча. Я помню, бабушка дала мне поручение - нарвать лука для обеда. И не дождалась.

Она обнаружила меня испуганную в подсолнухах. Дед соорудил огородное чучело от птиц, растаскивающих зёрна. Пугало в рваном и развевающемся на ветру тряпье гремело железными банками, нацепленными на перекладыны.

С туго заправленными волосами под тёмно-синим сатиновым платком и в такого же цвета длинной оборчатой юбке, старом переднике бабушка Александра хлопотала целый день то в доме, то на дворе.

Теперь мы были одного возраста с бабушкой...

Поднималась она и зимой и летом засветло. Одинаково разводила соломой огонь в печи и, гремя чугунами, готовила еду семье и скотине. Мне поручалось мести берёзовыми вениками земляные полы избы.

Бабушка заведовала колхозной утиной фермой. Большой сарай у реки. Я помогала вытаскивать маленьких утят из пруда, протяжно подзывая их, подражая бабе.

- Утя - утя - утя...

Баба знала точное количество яиц, снесённых птицами. И нельзя было разбить или съесть хотя бы одно яйцо.

Дед Илья Иванович занимался на колхозной конюшне. Принимавший участие в первой мировой войне, в кавалерии, дедушка носил военные френчи и сапоги, смазанные дёгтем. Перенёсший ранение рук, со слабо сгибающимися пальцами, дедушка выполнял разную работу. Баба часто приворачивала на ночь травяные примочки к его ноющим рукам.

В горнице перед иконами стоял стол, накрытый белой, связанной из простых ниток, скатертью. Вдоль стен лавки, покрытые полавочниками.

В красный угол садились на Святую Пасху разговляться куличами и крашеными яйцами. «Зем» или иначе земляной пол обмазывался глиной, смешанной с песком, незадолго до праздника. Комнатка выглядела более светлой. В углублении в стене втиснут небольшой сундук, запёртый на ключ.

Я помнила содержимое сундука до подробностей. Истинный сундук сокровищ.

Крышка сундука открывалась в важные моменты. Просушить лежащие там вещи и взять деньги.

На внутренней стороне крышки наклеены яркие картин-

ки. Улыбающиеся женщины в пышных платьях и мужчины с тростями в руках и щеголеватыми усами. Они прогуливались или сидели на скамейках. На картинках внизу надписи красивыми витиеватыми буквами. Яркие птицы с разноцветными перьями. Я как замороженная наблюдала, как бабушка Александра перебирала богатство. Рушники, юбки и сарафаны, платки, льняные рубахи и простые порты для деда, кальсоны, нижние юбки бабы. Лежали в коробочке от леденцов дедушкины два Георгиевских креста и военные погоны, завёрнутые в белую тряпицу. Баба тихо причитала над ними. И прятала на дно сундука.

Над дверью чулана, в углублении в стене, я ощутила знакомую прохладу металлического ключа от амбара.

Моя решимость исполнить задуманное в восстановлении хозяйства не оставляла меня.

Цветущий сад, закутанный в бело-розовое шевелящееся покрывало, с жужжащими пчёлами, беспрестанно перелетающими с одного цветка на другой, свежий ветер и трели соловьёв в сопровождении лесных птиц, представлялся мне старым забытым фильмом.

Без труда я обнаружила коромысло на стене амбара. Оно не рассохлось. И было пригодным.

Несколько бутылок минеральной воды – весь мой водный запас на хуторе. Я уныло смотрела на спрятавшуюся в мясистых лопухах ржавую колонку. Истлевший шнур электрического насоса для подачи воды обрывался в густой траве.

Из городского скарба я выбрала два пластмассовых ведра и отправилась за водой. От старого сада шёл крутой спуск к реке. Высокая сочная трава, доходившая мне до колен, мешала передвигаться. Мысли галопом несли меня в далёкое детство. Я скользила и опасалась упасть.

Старый колодец с иссохшим «журавлём» находился в лощине. Так называлось пологое место под бугром или «низинка». Я обрадовалась, увидев тёмные влажные камни, лежащие у колодца. Вода не ушла из этих мест.

Мелкие струйки сочились из-под камней, неизвестно кем и когда привезённых к источнику. «Журавль» заскрипел и, мне показалось, заохал в моих руках.

– Ну-ну!.. Здравствуй, старина! – подумала я и опустила ведро ко дну.

Возвратившись в дом и наскоро подбелив печь, я старательно вымыла скрипящие дощатые полы, бросив под ноги уцелевшие половики, найденные среди распаянных медно-зелёных самоваров и поломанных керосинок на чердаке избы.

На чашках и тарелках, вымытых в колодезной воде, отражались лучики заходящего солнца, придавая праздничность чистому столу. Я собрала угощение из московских запасов и назвала стариков-соседей.

Антонина и Степан неспешно пили чай из блюдец и рассматривали меня, пытаясь понять причину приобретения дома. Поминали добрыми словами бабу и деда. Мои городские гостинцы приняли. В сумерках Антонина принесла мне в глиняной кринке парного коровьего молока.

– На-ко вот, испей, – протянув кринку с молоком и глянув на меня потеплевшими глазами, произнесла она. – Зорьку вот держим. – И на ходу, тихо всхлипнув, краем платка вытерла сухие старческие глаза.

Приезжие, Лилька и её сын, не проявили никакого интереса ко мне, считая покупку родового дома городской причудой.

Ностальгия о детстве не отпускала меня.

На следующий день я обошла окрестности. Курский край, прославивший себя ратными подвигами и соловьями, щедро пригревало весеннее солнце. Главный хутор простирался за незасеянным полем. В травяном царстве косяками рос синевфиолетовый люпин. При дуновении ветра крупные пышные метёлки цветов переплетались между собой, наклоняясь низко к земле. Принялись сосенки. Принесённые ветром семена благотворно проросли в вольной земле.

На крутом взгорье сохранилось дворов пятнадцать – не более. Другие были оставлены своими хозяевами. С выбитыми непогодой стёклами, безглазые дома сиротливо смотрели сквозь высокий бурьян в высокое синее небо.

Путешествуя или находясь в долгих перелётах, я представляла себе широкую пыльную дорогу за деревней и распустившуюся белую черёмуху на развилке. Горячая от солнца

пыль прикрывала ноги до щиколоток. Гурьбой с деревенскими детьми я носилась по дороге, вздымая клубы пыли к небу. Пыль, смешанная с потом, ручьями стекала по лицу. Размазывая и смеясь от увиденных чёрных рожиц друг друга, мы бежали со всех ног в реку смывать следы нашего озорства. Сколько раз я собиралась навестить забытую родню и поклониться могилам деда и бабы. Но находились срочные проекты. И я откладывала поездку до лучших времён. Либо просто гнала мысли от себя.

Зазвонивший в кармане телефон прервал мои воспоминания. Звонил мой московский приятель, полковник МЧС Сергей Суворовцев.

– Есть интересная поездка, – чеканным голосом начал он без обиняков. – Надеюсь, ты помнишь наш последний разговор о мысе Любви. Собирается экспедиция из разных стран, – сообщал Сергей. – Руководство Комитета Людей Доброй Воли поручило мне возглавить экспедицию, – он выдержал небольшую паузу, – Ты необходима, Алида.

Последними словами Суворовцев отрезал путь к отступлению.

С Сергеем нас связывала давняя дружба. Он вырос в московском детском доме, куда его подбросили. Фамилию ему дали в честь полководца Суворова, чей день рождения был отмечен в приютском календаре. Всем безымянным мальчикам по обычаю давали имя директора Сергея Васильевича. Потерявший семью во время войны, он по-отцовски любил детей. И дети платили ему той же монетой.

Академия гражданской защиты МЧС и ликвидации последствий стихийных бедствий являлась крупным научным и методическим центром по разработкам в области защиты населения и территорий от чрезвычайных ситуаций. Суворовцев, имеющий большой опыт в практических действиях, успешно преподавал в академии. Курсанты и состав преподавателей Академии МЧС были шефами педагогического университета. Два высших учебных заведения славились количеством свадеб. На свадьбе моей однокурсницы и состоялось наше знакомство с курсантом Сергеем Суворовцевым. Получив направление от университета, я проходила педаго-

гическую практику в качестве учителя русского языка и литературы в детском доме, и, как выяснилось в разговоре, Сергея вырастили и воспитали люди, консультирующие начало моей учительской деятельности. Мы сошлись сразу.

По завершении практики педагогическим советом детского дома меня утвердили на должность учителя. Забота о детях-сиротах соединила нас с Сергеем на многие годы. Лидер по натуре, неутомимый в работе, простой в общении и равнодушный к человеческим проблемам, непримиримый ко лжи, преданный делу отцов и дедов – защищать до последней капли крови свой народ и страну, мечтательный – в людях Суворовцев поддерживал трудолюбие, героизм и отвагу. Ни я, ни он семьи не имели.

Поначалу Мыс Любви был нашей идеей, нежели реальным географическим местом.

Исполнение идеи нашло отражение в деятельности Комитета людей Доброй Воли. Утверждение мира между народами и дружбы людей всех национальностей. Главной задачей в Уставе была просветительская деятельность, направленная на пробуждение ответственности пред планетой за сохранение цивилизации, её достоинства и благоприятных условий жизни для себя и грядущих поколений. Но нам казалось, что должно быть на Земле место сосредоточения Любви, её заповедник, где она сохраняется в первозданном чистом состоянии. Теоретически мы даже определили место расположения Мыса Любви.

– Из Англии я получил от социологической службы контроля регистраций браков среди населения сводки о браках по расчёту. Таблица содержит годовые итоговые цифры – чеканил слова Сергей. – В свадебных договорах перечисляются условия комфорта и материальной выгоды. Утрачивается любовь как чувство, лишая нацию тёплых сердечных отношений. Эрнест Блитзер пишет: «...практичность плотно завоёвывает страну». Холодность и отчуждённость управляют людьми в Англии.

В научных работах учёных открылась новая волнующая тема. Журналы и газеты пестрели заголовками: «Дефицит человеческой любви». Диаграммы психологических опро-

сов жителей разных стран подтверждали опасения учёных. Брачные контракты содержали перечень услуг друг для друга. Вовремя поданный обед, подарки, деньги, обустройство квартиры, регулярно выполняемый шопинг. Трагедией мира признавались неполные семьи.

Приводимые факты врачебной практики доказывали – человеческие болезни начинаются с дефицита любви. «Холодный практицизм с его убийственным цинизмом с небывалой скоростью распространяется по земному шару» – многие учёные констатировали мысль в своих работах. Надежда на получение спасающего знания, человечеству, по мнению учёных, крылась в природе, в хранилище естества органического и неорганического мира.

Но каким должно быть знание, никто не знал.

– А какую роль в экспедиции ты отводишь мне? – поинтересовалась я.

– Обсудим позже, – как отрубил, ответил Сергей.

И тут же заразительно засмеявшись, спросил:

– Ты получила твою мечту. Ты счастлива? – его голос немного смягчился.

Мы проговорили больше часа. Будучи студенткой, я увлеклась историей мифов и легенд разных стран и впоследствии стала писательницей. До создания письменности мифы и легенды, сказания о богах и героях передавались из поколения в поколение устно. Во времена, когда люди обладали очень малыми познаниями, непонятные и таинственные явления природы они объясняли проявлением воли богов. Изучая мифы, с большим интересом я узнавала о жизни народов в древности. У каждого из народов для объяснения природных явлений были свои мифы. В основе легенд – жизнь обычных людей и реальные события. Но со временем их приукрашивали, а героев наделяли необыкновенными способностями. В каждой стране – свои легенды. И в мифах и в легендах люди к любви относились очень серьёзно, а высшие силы покровительствовали влюблённым.

Однажды я привезла из очередной моей командировки прибрежные камни. Художник-природа, поместил в камни повторяющийся рисунок, пламя огня, разделяющееся на две

равные части. Очертания одной напоминают фигуру мужчины, а второй – женщины.

– Легенда об Огненных Близнецах? – улыбнувшись, спросил Сергей, когда я выложила находки перед ним.

Утром следующего дня я взяла свой чемодан и попросила соседа присмотреть за домом. Мой ключ от ржавого навесного замка скрылся в его кармане.

В московском аэропорту Шереметьево меня встречали Суворовцев и Леонидов.

Последний занимал в министерстве иностранных дел пост уполномоченного по делам Содружества Независимых Государств и соотечественников, проживающих за рубежом. Хороший семьянин, отец большого семейства, случалось, он говорил: «Среди людей нет единства мнений о том, что такое любовь, но все согласны с тем, что человеку без любви плохо».

Леонидов не скрывал радости от нашей встречи. Он всю дорогу сыпал анекдотами и прибаутками. Мы пили сок в ресторане аэропорта и смотрели через стеклянные окна в чистое небо, куда нам предстояло в скором времени подняться. Пожав руки на прощание, пожелав нам удачи, Леонидов заверил нас в своей помощи. Устраиваясь в салоне самолёта, мы оба знали, что его долговязая фигура будет маячить в окне аэропорта до тех пор, пока самолёт не скроется из виду.

Но мы даже предполагать не могли того, что поиски мыса Любви окажутся возвращением к человеческой сущности у истоков нашего рода...

Борис Новичихин

г. Старый Оскол

Родился в 1933 г. в селе Родовое Верхнее-Турово Воронежской области. Окончил Харьковский железнодорожный институт. Почти сорок лет работал на стройках Советского Союза. В Старый Оскол приехал в 1977 г. строить ОЭМК.

Обман любви

Купол храма пылал ярким ослепляющим светом. Таким, какого раньше он никогда не видел, проходя мимо ежедневно. Это было как-то связано с его состоянием, но он не понимал, как. Чувство это не только не угасало, но с каждым разом всё нарастало. А он проходил мимо храма, иногда несколько раз в день. Как и почему раньше он не замечал этого полыхания?

С Ольгой Игорь познакомился совершенно случайно. Деловая встреча с Егором могла бы состояться и раньше. Но несколько раз откладывалась по несущественным причинам. Теперь же Игорь уже торопился завершить дело. С другой стороны, Егору неудобно было её откладывать. Это Игорь ощутил по телефону. Но поскольку Егор колебался недолго, встреча была всё-таки назначена.

Колебания были не случайны. У жены Егора в тот день был день рождения, и Татьяна с соседкой накрывали большой раздвижной стол. Для разговора его пригласили в маленькую детскую. Чувствуя себя хозяйками, сюда постоянно забегали две девчурки, мешая разговору. О незавершённых «мелочах» решили переговорить потом, по телефону, и Игорь направился было к выходу. Но уйти не удалось. Женщины, при поддержке Егора, преградили путь, настойчиво предлагая остаться.

Вскоре начали сходить гости. Всех вежливо рассаживали за стол. Пришла и Ольга, сразу же скрывшись на кухне. Познакомились с Игорем уже за столом. Она сидела напротив него, и

он весь вечер ощущал её пристальный и, кажется, даже восхищённый взгляд. Она ему тоже понравилась с первого взгляда: гладко уложенные светло-русые волосы, сама худенькая, как девочка, в вязаной, явно саморучно, кофточке. Подвижное, легко меняющееся выражение лица: от весёлого до грустного.

Но чуть позже появился спортивного вида мужчина, на десяток лет моложе Игоря, и сел рядом с Ольгой. Они были явно близко знакомы, и Игоря сразу же охватило чувство ревности. И не напрасно: мужчина демонстративно уделял соседке повышенное внимание. Несмотря на то, что Ольга старалась уклониться от его ухаживаний, он настойчиво «липнул» к ней весь вечер. В конце концов, пошёл её провожать.

Она позвонила Игорю на следующий день:

— Я хотела, чтобы вы проводили меня. Николай – это бывший мой мужчина. У нас давно ничего общего. Вчера я просто постаралась избежать возможного скандала.

Ольга, сославшись на Егора, сказала, что заинтересовалась ивановскими тканями, и просила, если возможно, показать образцы. В тот же день условились встретиться.

Его небольшая комнатка в общежитии была завалена рулонами ткани.

Они разместились в этой тесноте, пристроив два граненых стакана на уголке стола рядом с конфетами и шампанским. Он несколько раз извинялся за отсутствие цветов. Был апрель...

Нынче никто не мешал проводить Ольгу. Она жила недалеко, в соседнем микрорайоне, в просторной трёхкомнатной квартире. Одну из комнат занимал взрослый сын, отсутствовавший весь тот вечер.

— Максим неуловим, — говорила Ольга, — тем более, что кроме этой комнаты у него есть где заночевать: и у отца, и у деда. Зависит от того, чьей машиной пользовался в тот или другой день.

Утром он проводил её на работу. Двадцати минут Оле хватило, чтобы рассказать, чем она ежедневно занята, познакомить его со своими делами.

Это было время разрухи страны. Не устояли многие, даже лучшие, предприятия. Но изворотливый и умный директор их завода сохранил налаженное ранее производство и коллектив.

В числе прочих была и самодеятельная группа, возглавляемая Ольгой. Выступления в торжественные дни заводских и российских праздников пользовались популярностью у заводчан. Ольге удавалось иногда привлекать даже городских профессионалов на платной основе. Некоторые из них оказались знакомы Игорю. Было видно, что Ольга довольна своей работой.

Возвращался мимо храма. Тогда-то и увидел впервые, как ярко пылал купол, ослепляя его глаза.

Уже на следующий день к общежитию подкатила старая «Волга», за рулём которой была Ольга.

— Собирай чемоданы, — сказала она, — доставлю на место.

Игорь наскоро собрал самое необходимое в один чемодан.

— Машина твоя?

— Нет, Максимова деда. А я машину обязательно куплю!

Сближение их развивалось гораздо быстрее, чем он мог себе представить ещё день-два назад. Впрочем, не только она, но и он тому причиной.

Казалось, какая-то неведомая сила притягивала их друг к другу. «Всего три дня назад я не знал её, — думал Игорь, — и вот уж жить без неё не могу. Она необходима мне, как воздух, а миг разлуки кажется вечностью».

В ближайший выходной она изъявила желание вместе с ним поехать к его одинокой матери. Игорь был несказанно рад такому её решению – быть вместе с ним и в радости, и в горе, и в трудных случаях жизни.

Мать Игоря жила на станции Куратово, в соседней области, в ста километрах от Старого Оскола. Добираться приходилось на двух пригородных поездах с пересадкой в Касторной.

Путь в одну сторону занимал около пяти часов. Перед поездкой Игоря больше всего беспокоило, чем он займёт свою спутницу в дороге. Но всё оказалось просто и необычайно интересно. Ольга оказалась большой любительницей поэзии, к которой Игорь был тоже неравнодушен. Мало того, в отличие от него, она знала наизусть множество стихов.

Долгим взглядом истомлённая,

И сама научилась томить.

Из ребра твоего сотворённая,

Как могу я тебя не любить?

.....
 Но когда замираю, смирённая,
 На груди твоей снега белей,
 Как ликует твоё умудрённое
 Сердце – солнце отчизны моей!

Всё, что она читала, было к месту. Шла весна. Цвёл апрель.
 И у неё – так, по крайней мере, ему представлялось, – всё отражалось в содержании стихов.

Широк и жёлт вечерний свет,
 Нежна апрельская прохлада.
 Ты опоздал на много лет,
 Но всё-таки тебе я рада.

.....
 Прости, что я жила скорбя
 И солнцу радовалась мало.
 Прости, прости, что за тебя
 Я слишком многих принимала.

Читала она наизусть и довольно выразительно стихотворение за стихотворением. И всё больше и больше удивляла Игоря своими познаниями поэзии и своею памятью.

Весеннее время, весёлое время,
 Земля оживает, щедра и нова,
 И жизнь прорастает, как вешнее семя,
 И всюду тепло нам диктует права.

Мороз не приходит и вьюга не воеет,
 И солнце живительным светит лучом,
 Движеньё пошло, оживает живое,
 И даже возврат холодов нипочём.

Весеннее время по жизни витает
 И свет свой без устали щедро творит,
 Но в жаркое лето, спеша, улетает,
 Всего не успев до конца раздарить.

Тем временем доехали до Касторной. Земля покрыта апрельской зеленью. И как бы само собой Ольга продолжила:

Какою силой тайной
Весь мир преображён,
И лезет из проталин
Трава, как на рожон.

Зачем пестра палитра –
Вода, и свет, и грязь.
С оттенком перламутра –
Какая в этом связь?

.....
Вода шумит, песок ли?
В невнятности речей
Есть умысел высокий,
Но неизвестно чей?

Игорь «купался» в её стихах, и ему уже не хотелось покидать этой стихии. Это было как в разгар жаркого лета у водоёма. Когда охлаждаешься на очень короткое время, когда после выхода из воды уже после нескольких минут тянет обратно.

Между тем они пересели на воронежский поезд. Станция Куратово была на полпути к Воронежу. И Ольга будто тоже поменяла направление движения.

Дней сползающие слизни...
Строк подённая струя...
Что до собственной мне жизни?
Не моя, раз не твоя.

И до бед мне мало дела
Собственных... – Еда? Спатьё?
Что до смертного мне тела?
Не моё, раз не твоё?

В вагоне было пусто: никого, кроме Ольги и Игоря. Ничто не мешало ей проявлять свой артистизм.

Одно твоё лишь имя помнила.
Стояло солнце высоко.
Была я нежностью наполнена,
Густою, словно молоко.

Теснила грудь рубашка белая,
Казалась комната мала...

Я для тебя, любимый, сделала
 Всё то, что женщина могла.

.....

Стихами она заставляла его вспоминать многое, в том числе услышанное или прочитанное им где-то о любви. Вспомнил он и классическое: «Любви все возрасты покорны, её порывы благотворны». У него даже возникло возражение на это: «Причём здесь возраст?» — подумал он в порыве чувства, хотя было ему уж больше шестидесяти. Да и Ольга – всего на 10-15 лет моложе.

Игорь любил поэзию, но поэтесс читал редко, мало и почти не знал. Видимо, поэтому подозревал, что Ольга, не называя авторов, часть стихов читала своих. Тех, которые он нигде не мог видеть.

Дурманящий запах черёмухи
 Мне спать по ночам не даёт,
 К тому же, в кустах за черёмухой
 Певец одинокий поёт.

Быть может, на что-то он сетует,
 Меня привлекая на трель.
 А может, с подругой беседует,
 На нежность настроив свирель.

Быть может, дурман этот падает
 На дух его так же, как мой,
 И сердце его очень радуется,
 Что он возвратился домой.

Марфа Васильевна не ожидала приезда двоих. Так часто бывает в случае закрепившейся привычки. К традиционной картошке с солёными огурцами и помидорами добавили привезенные селёдку, колбасу и свежий хлеб. Игорь сходил в чулан и наполнил графин яблочным вином. Поздний ужин был готов.

После нескольких традиционных тостов и утоления голода Игорь привычно снял со стены старенькую гитару:

Для тебя, для тебя, для тебя
 Самым лучшим мне хочется быть.
 Все земные пути я готов обойти,
 Все моря я готов переплыть.

Ты поверь, ты поверь, ты поверь,
Я желаю, всем сердцем любя,
С неба звёзды достать, чтоб единственным стать
Для тебя, для тебя, для тебя.

Слова песни были равносильны признанию в любви. Для Ольги они не показались лишними. Марфа Васильевна была тоже рада за сына, как никогда раньше: давно у него не было такой близкой женщины. И у матери выступили слёзы радости.

Между тем Игорь продолжал петь под тихий звон гитары:
Я забываю все дела,
Когда звонят колокола.
Я слушаю
И слушаю.

Звон возрождает дух, друзья.
На лучшее надеюсь я.
На лучшее,
На лучшее.

.....
За что такую благодать
Решил Отец небесный дать
Со звонами,
Со звонами?

И благодарность не тая,
Ему хочу ответить я
Поклонами,
Поклонами».

Оля впервые слышала, как он пел. И он видел, что это пение ей весьма по душе:

Гори, гори, моя звезда,
Звезда любви приветная,
Ты у меня одна заветная,
Другой не будет никогда.

Уже со второй мелодии она стала сначала робко, но потом всё смелее и громче помогать ему своим высоким, приятным голосом:

Не жалею, не зову, не плачу,
Всё пройдёт, как с белых яблонь дым!

Увяданья золотом охваченный,
Я не буду больше молодым!

Ты теперь не так уж будешь биться,
Сердце, тронутое холодком,
И страна берёзового ситца
Не заманит шляться босиком.

Слова были грустными, но двое влюблённых, чувствуя поддержку друг друга, готовы были преодолеть и преодолевали эту грусть. Даже реально меняли грустное настроение на что-то другое, более оптимистичное:

Клён ты мой опавший,
Клён заледенелый,
Что стоишь, согнувшись
Под метелью белой?

Или что увидел,
Или что услышал?
Словно за деревню
Погулять ты вышел.

Но были и более весёлые песни:

Под железный звон кольчуги,
Под железный звон кольчуги
На коня верхом садясь,
Ярославне в час разлуки,
Ярославне в час разлуки
Говорил наверно князь:

«Хмуриться не надо, Лада,
Хмуриться не надо, Лада,
Для меня твой смех отрада,
Лада.

Даже если станешь бабушкой,
Всё равно ты будешь Ладушкой,
Всё равно ты будешь Ладушкой,
Лада».

Долго они пели в тот вечер. Позже обычного легли спать. Мать ещё пыталась расспросить Ольгу о ней самой, о её семье, о её родителях, о детях, о работе. Не на все вопросы получила ответы, но и тем была довольна, что Ольга не уклонялась. Но позднее время не позволяло говорить в подробностях.

На следующее утро, проснувшись, Игорь не застал рядом Ольгу.

— Где ты отыскал такую волшебницу? — таким вопросом ошеломила его мать, полусонного. — Впервые в жизни я осталась с утра без дела. Не успела оглянуться, как уж и плитка пылает так, что в хате тепло, и завтрак почти готов. Мне бы такую помощницу! Мои больные ноги хотя бы чуть-чуть отдохнули.

— Подожди, мам, — отвечал Игорь, — заберём тебя в Старый Оскол. Там непременно отдохнёшь.

Вошла Ольга со двора.

— Никак, и курочек, и кроликов успела покормить? Моя ты золотая.

— Вставай, Игорь, будем завтракать, — пригласила новая хозяйка.

— Где же ты раньше-то была, дорогуша моя? Игорю так не хватало твоей заботы.

Марфе Васильевне было с кем сравнивать. Первая жена Игоря была крайне практична. И сразу же при первом знакомстве со свекровью дала понять, что она ей не нужна. В демонстрации своей неприемлемости новой родственницы она зашла до неприличия так далеко, что сумела повлиять не только на мать, но и на сына. Игорь увидел новые для него, явно отрицательные черты подруги. Они и привели позднее к разводу.

Вторая жена Игоря при всём добром отношении к свекрови была настолько медлительна, что лишь этим одним своим качеством характера не располагала к себе энергичную и быструю Марфу Васильевну.

В понедельник Игорь уже привычно провожал Ольгу на работу. Вспомнили Куратово. И она призналась, что ей понравилась, даже полюбилась его мама и что её беспокоит одиночество, в котором ей приходится бороться со своими тяжёлыми болезнями. Она успела заметить многое, что Игорь не замечал.

В частности побитые и помятые алюминиевые кастрюли и сковородки. Из-за того, что Марфа Васильевна мыла и чистила их одной рукой, другой рукой держась за опору (стол).

Единственное, что не понравилось Ольге – это слишком долгая дорога. И она вновь вспомнила об автомашине, которую стоило бы приобрести для поездок в Куратово.

Возвращался всё той же дорогой, мимо храма. Храм ярко светился, уже с двух сторон. Будто свет этот исходил не только от дневного светила.

Вечером Ольга предложила завтра съездить к её матери в село Ангельское. Игорь был дома, когда Ольга с Максимом подкатили на «Волге». Дорога в Ангельское заняла менее часа. Предметом внимания и разговора оказался Максим.

– Сынуля так весело ездит, что дед и отец не успевают отремонтировать свои тачки, – заявила Ольга. Максим помалкивал, уделяя больше внимания дороге.

– Он днём так перегружен, что не успевает вечером вернуться домой. Потому и редко ночует, – продолжала Ольга.

– Дед настаивает, чтобы машина ночевала в гараже, – откликнулся на это Максим.

К Людмиле Сергеевне приехали рано. Но она, предупреждённая по телефону, была готова к приезду дорогих гостей. У неё уже всё скворчало и благоухало.

Пили нечто покрепче яблочного, но не стаканами, как в Куратово, а маленькими рюмочками. Закуска была много богаче. Мать Оли была моложе и здоровее. На пенсию ушла всего год назад. Домашнее хозяйство её было добротнее, чем у Марфы Васильевны. К тому же в селе жили ещё два сына Людмилы Сергеевны, помоложе Ольги, но уже семейные. Они не оставляли свою мать без помощи.

За столом, так же, как и в Куратове, снова пели. На этот раз подпевала и Людмила Сергеевна.

– Ты моей маме тоже понравился, – сказала по возвращении Ольга.

В среду, проходя мимо храма после расставания с Ольгой, Игорь был сражён ещё больше, чем всегда, ослепительным ярким преображением купола. Это было нечто сверхъестественное. Полыхали уже три его стороны...

В следующий выходной в Куратове Марфа Васильевна встретила их необычно.

— Вы что, решили на меня взвалить ответственность за свои дела? Всё Куратово перемальвает ваше поведение в прошедший выходной на перроне вокзала. Не стыдно в вашем возрасте всенародно обниматься и целоваться?

Её слова мало соответствовали её настроению. Её глаза улыбались, и весь её вид говорил скорее об одобрении, чем об осуждении их поведения. Так что Игорь и Ольга вскоре забыли о том, что их кто-то где-то и за что-то осуждает.

За ужином опять пели. И Ольга потом спрашивала:

— Игорь, а не хотел бы ты участвовать на заводе в наших выступлениях?

Он промолчал в ответ. Её предложение его явно заинтересовало, но... сложность была во времени и... заработке. Его пенсия, как у абсолютного большинства, была «хорошей», но маленькой, и он искал, но не находил дополнительные возможности заработка. Всё остальное приходилось считать детскими забавами.

* * *

Прошло полгода после их знакомства. Будто ничего не изменилось в их отношениях и поведении. По-прежнему каждый выходной на один-два дня посещали Марфу Васильевну. Кроме пригородного пути на поездах в Куратово можно было доехать на автобусе по воронежской трассе. Но в конце более семи километров чаще всего приходилось преодолевать пешком. После одного такого путешествия Ольга категорически заявила о нежелании повторения таких поездок. И снова был прозрачным намёк на необходимость приобретения хотя бы какой-то «телеги».

Ольга по-прежнему развлекала его стихами в длительных поездках в пригородных поездах. Однако содержание стихов стало каким-то другим. Так, по крайней мере, казалось Игорю.

Из боли рождаются стихи,
И в муках рождаются роли.
Живое рождается с болью,
Как дети – за Евы грехи.

А я не болею тобой.
 От существования вместе
 Стихи не рождаются... Ни песни...
 Ни дети... Ни почки весной.

Может, у Ольги изменилось настроение. Оттого изменились и стихи: настроение бросает тень на их содержание:

Ты – дым сигаретный,
 Ты – солнца струя.
 Ты – радуга света,
 А я – это я.

Ломаю запоры,
 Срываю замки
 И жажду опоры
 Горячей руки.

.....
 Ты – нежности вечность,
 Ты – суть бытия.
 Ты миг бесконечный,
 А я – это я.

– Что-то здесь не так, – думал Игорь. А что не так – понять не мог.

От дождя, от осеннего шума ли,
 От шептанья листвы под окном,
 Говорили о разном, а думали
 Много долгих ночей об одном.

Не просила душа покаяния,
 Но однажды, в предутренний час,
 Неизбежная суть расставания
 Неразлучными сделала нас.

.....

***

Выпал снег. Меньше месяца оставалось до Нового года. Во время очередной поездки в Куратово Ольга заговорила о подготовке своего коллектива к Новому году. Ни день, ни час не называла.

«Всё нормально, — думал Игорь, — еще далеко до праздника — позже узнаю». Между тем Ольга, как обычно, чередовала прозаичный разговор с поэзией:

Вернись обратно, молодость!
Зову, горюю, плачу,
Свои седые волосы
Подкрашиваю, прячу.

Как дерево осеннее
Стою — держу под ветром,
Оплакиваю прошлое,
Впустую годы трачу.

Приди хоть в гости, молодость.
Меня и не узнаешь,
Седую, упустившую
Последнюю удачу.

«Такой грусти раньше не было», — думал Игорь.

За неделю до Нового года Ольга так и не сказала ни разу, какого числа у них состоится праздник. Возможно, это само собою разумеющееся 31 декабря? А время начала? Игорь, конечно, мог бы спросить. Но теперь уж принципиально ждал, не хотел спрашивать... Тем более, что новогодний день совпадал с выходным. И надо было ехать к матери. Не оставлять же её без свежего хлеба! И других продуктов на Новый год. Впрочем, можно было поехать и на день позже и вместе с Ольгой. За неделю до этого, когда ехали вместе, Ольга как обычно прочла:

Дар любви несказанной, несметной,
Дар ли это? Кара? Кабала?
С поля брани весточки заветной
Так же ждут, как я тебя ждала.

.....

К счастью, к малодушью небо глухо...
Жди и ты, и кем бы ни была
Та, с которой ты срастёшься духом,
Жди её, как я тебя ждала.

Для неё такой же долгожданный,
Дай ей долгожданного тепла
И люби несметно, несказанно,
Так люби, как я тебя ждала.

Специально ли Ольга подбирала такие строки, которые всё больше и больше отдаляли их друг от друга?

Ты, меня любивший фальшью
Истины и правдой лжи,
Ты, меня любивший – дальше
Некуда! За рубежи!

Ты, меня любивший дольше
Времени – десницы взмах!
Ты меня не любишь больше:
Истина в пяти словах.

Вспоминая сейчас, через неделю, те стихи, он принял сейчас решение. Он не стал ни о чём её просить, не стал спрашивать. И впервые за время их знакомства уехал к матери один.

Марфа Васильевна сильно расстроилась, сожалела, что не увидела Ольгу. Но быстро успокоилась объяснениями Игоря о занятости её на работе. Как обычно, в Куратове Игорь пробыл около полутора суток, сделал необходимые и срочные дела и возвратился в Старый Оскол. Вечером второго дня нового года Ольги дома не было. Он не ожидал такой мучительной ночи. Была болезненной и бесконечно длительной каждая минута. А Ольга до утра так и не появилась. Не пришла она и следующим днём. Но рабочее время Игорь пережил легче: звонил по делам, но более связанным с праздником; днями, поздравлял знакомых с Новым годом, намечал планы на ближайшее время.

Ольга появилась поздно вечером и не одна, а с подругой. Ни одним словом не задев Игоря, они о чём-то поговорили между собой, что-то взяли и ушли, не пробыв и четверти часа.

Игорь остался в одиночестве ещё на одну ночь, после которой был его день рождения. Встав довольно поздно, он увидел на своём столе зачехлённую электробритву, а под нею два исписанных листа бумаги с аккуратным Олиным почерком; уже первые слова были для него издевательством:

Как живётся вам с другою,
Проще ведь? – Удар весла!
Линией береговою
Скоро ль память отошла

.....

Как живётся вам с простою
Женщиною? Без божеств?
Государыню с престола
Свергши (с оного сошед),

.....

Свойственнее и съедобнее
Снедь? Приестся – не пеняй...
Как живётся вам с подобием –
Вам, поправшему Синай!

.....

Как живётся вам – здоровится,
Можется? Поётся – как?
С язвою бессмертной совести
Как справляетесь, бедняк?

.....

Рыночною новизною
Сыты ли? К волшбам остыв,
Как живётся вам с земною
Женщиною без шестых

Чувств? Ну за голову: счастливы?
Нет? В провале без глубин
Как живётся, милый? Тяжче ли,
Так же ли, как мне с другим?

Первая мысль Игоря: непростое, очень заковыристое стихотворение, наполовину неясное. Он не любил неясностей. Однако было понятно, что у нее появился мужчина. Даже если не появился, то просматривается явное желание этого. Тем более об этом говорит всё её поведение в последние дни.

«Как живётся вам с другою, с простою...» и т.д.

«Что это, как не предположение, что и у меня появилась

женщина, — думал Игорь, — а возможно, это лишь прогноз на ближайшее будущее?»

Выяснение он отложил на конец дня, полагая, что Ольга сегодня возвратится с работы домой. Бутылка сухого вина и конфеты были припасены заранее. Незамысловатую лёгкую закуску он приобрёл в течение дня.

Ольга пришла неожиданно рано. Наверно, это и сбило его с толку, и он совершил первую свою ошибку. Вместо мягкого и вежливого приглашения к столу, он, не назвав её по имени, произнес:

— Пить будешь?

А после того, как она тихо произнесла: «Нет», - и отрицательно качнула головой, он совершил вторую ошибку. Вместо изменения тона и второго приглашения, он молча налил себе в стакан, выпил и стал что-то жевать...

Ольга тихо оделась и ушла. Дома она не ночевала. Утром Игорь собрал немногочисленные вещи и покинул её квартиру. В конце дня отнёс ей ключи. И снова - ни слова.

Позже он сидел у своего окна с гитарой и пытался петь.

Клён ты мой опавший,
Клён заледенелый,
Что стоишь, нагнувшись
Под метелью белой?

Но ни игры, ни песни не получалось.

Над окошком месяц, под окошком ветер,
Облетевший тополь серебрист и светел...

Он не пел, а хрипло шептал. Всё остальное за окном соответствовало и словам песни, и его настроению.

Дальний плач тальянки, голос одинокий,
И такой родимый, и такой далёкий.

Даже редчайшие в городе звуки тальянки слышались ему где-то вдали.

Плачет и смеётся песня лиховая.
Где ты, моя липа? Липа вековая?

Слова подчёркивали его пронзительное одиночество.

Я и сам когда-то в праздник спозаранку
Выходил к любимой, развернув тальянку.
А теперь я милой ничего не значу,
Под чужую песню и смеюсь и плачу.

Каждое слово болью отзывалось и в нём, и в гитаре.

Над окошком месяц, за окошком ветер,
Одинокий тополь серебрист и светел...

Он лёг на диван и пытался заснуть. Но сон не приходил, а вместо него лезли всякие мысли. Все они были связаны с Ольгой. Всего девять месяцев их знакомства... А сколько событий за это время! И как всё переменялось? Одно лишь слово «люблю» перевернуло весь его мир! И уж никогда ему не вернуться к прежнему. Никогда не стать таким, каким он был до прошлой весны. Но что же произошло за это время? Ведь не только он, но и она его любила!

* * *

Он шаг за шагом вспоминал их духовные и физические связи и контакты, стихи, которые она ему читала, песни, которые они вместе пели. Ничто не предрекало разрыва.

Наконец, он вспомнил многократно повторённое Ольгой в разных вариантах желание иметь машину. И свою беспомощность в реализации этого её плана.

Проклятое время перестройки! Время, изменившее жизнь большинства людей. В особенности рядовых, простых людей, обычных трудяг. И, наверно, не только их.

Он вспомнил, как, готовясь к уходу на пенсию, решил, что ни при каких обстоятельствах не сложит руки. Он чувствовал себя ещё молодым, полным сил и энергии, способным на многое. Тем более, что пенсия, как и у большинства людей, ожидалась мизерная. А у него молодая жена и сын-подросток. Оставить его в отделе по новой технике не смогут. Строители в связи с развалом отрасли едва выживают и в новой технике «перестали нуждаться». Поэтому отдел стал увольнять сотрудников, даже не достигших пенсионного возраста. Игорь пере-

говорил с несколькими коллегами, близкими по возрасту или духу. После чего зарегистрировал фирму с широкими возможностями и большими перспективами, которую сам и возглавил, назвав инженерно-строительным объединением. Главное направление – повышение производительности труда.

Фирма была зарегистрирована при «Совете ветеранов Афганистана» (СВА). Одной из первых работ стало проектирование памятника героям, погибшим в Афгане. Проект был выполнен в срок.

Несчастье принесли гайдаровские эксперименты с рублём, совпавшие с окончанием проекта. Платить проектировщикам по договору значило оставить их без заработка. Игорь принял решение платить по новому курсу рубля. Но переговоры с председателем СВА о повышении оплаты ни к чему не привели: у него просто не было денег.

Игорь собрал все свои ресурсы и выплатил зарплату в ущерб себе. Фирму пришлось закрыть. Памятник уже более двадцати лет не могут установить.

На том же месте вместо него установлен памятник заслуженному металлургу России.

Игорь вскоре взялся за новое дело. Привлёл двух родственников, взял в аренду шестьдесят гектаров земли близ города и зарегистрировал фермерское хозяйство.

Большие трудности ожидали его и на этом пути: незначительные кредиты, отсутствие технической базы. Вначале удалось приобрести старый трактор «Беларусь» с прицепом к нему для транспортных работ. На большее денег не было. Кредиты в то тяжёлое время давали, но очень маленькие. А сельхозтехника стоила несравненно больше. Для основных сельхозработ он использовал технику более богатых компаньонов. Благодаря этому удалось засеять поле элитным ячменём и получить неплохой урожай. Но из-за поздней уборки – техника-то не своя, – потеря составила не менее 30%. Кроме того, основные потребители ячменя к тому времени успели приобрести необходимое количество. В конце концов, ячмень высокого сорта он был вынужден продать как отходы, по самой низкой цене. Отсюда прибыль хозяйства оказалась близкой к нулю.

Не ожидая очередного провала Игоря, жена его подала на

развод. На суде прямо сказала о причине, назвав мизерную сумму, которую муж приносил домой уже длительное время. Он не стал оспаривать принадлежавшую ему квартиру, оставив её двенадцатилетнему сыну. Сам же, забрав только книги, перебрался в общежитие. К моменту знакомства с Ольгой Игорь преодолевал третью полосу препятствий. В законных рамках фермерства он организовал поездку в Иваново за тканями. Продажа шла столь медленно, что уходили не недели, а месяцы. Деньги развеивало слабым ветром времени. Их трудно было собрать в эффективный клубок, способный приносить пользу даже в малом деле. Очень нелегко было даже малую толику отстегнуть для личных нужд. Напротив, часто приходилось даже от его пенсии отнимать на дело.

* * *

Чтобы отвлечься, он открыл чемодан и стал вытаскивать свое бельё, рубашки и прочие вещи, побывавшие в гостях у Ольги. Вдруг на дне чемодана мелькнула бумага, не замеченная ранее.

Это был её почерк, это было её послание:

Что там творится без меня?
Как дышится и как живётся?
Чьё отраженье в зеркале смеётся,
Когда ты без меня?

Какие сны ты видишь без меня,
Когда скользит рассвет по синим стёклам?
Склоняешься ты к чьим ладоням тёплым,
Когда ты без меня?

Легко ли тебе, милый, без меня?
Наедине с любимыми, с другими
Уж не моё ли повторяешь имя,
Когда ты без меня?

И если ты сумеешь без меня,
Хочу тебе удачи неизменчивой:
Пусть это будет лучшая из женщин,
Когда ты без меня...

Он ещё раз лёг на диван. Ещё раз попытался заснуть, но в голову лезли самые разные мысли. Причём, как правило, несколько сразу. Воспоминания теснили одно другое и третье. Он додумался до того, что не вернуться ли к Ольге тотчас, не покаяться ли, в чём виноват и не виноват. Но... Как это сделать, если она уходит от разговора и даже от какого-либо контакта с ним.

Заснуть так и не удалось. И только под утро он подремал немного. Встал весь уставший и разбитый. Будто совсем не отдыхал.

Вышел прогуляться и вдохнуть свежего воздуха. Неосознанно двинулся к храму. Бледно-позолоченный купол выглядел довольно мрачно. Не светился, как раньше, совсем не блестел. Его матовая, серая голова совсем не слепила глаза Игоря.

В рассказ включены отрывки из стихотворений Сергея Есенина, Леры Абдулиной, Анны Ахматовой, Юлии Борисовой, Марины Цветаевой, Игоря Шаферана, Михаила Пляцковского.

альманах «КЛАД»

СКАЗКИ

Андрей Чувилин

г. Москва

Член Союза писателей России.
Chuvilin55@mail.ru.

В этой сказке для маленьких рассказывается о том, как любовь Машеньки к своей бабушке творит настоящие чудеса...

Как Машенька чудеса искала

Жила Машенька тем летом в деревне. Весело жила. То с ко-тёнком поиграет, то на речку сбегает.

А бабушка ей тем временем платянице выстирает-выгладит, картошечки вкусной поджарит, молочком напоит.

Так бы и провела чудесно и беззаботно Машенька всё лето, да случилась беда: заболела бабушка.

Лежит и болеет, а вскоре и совсем вставать перестала. Машенька же вначале резвилась по-прежнему. Лишь подойдёт иногда к бабушке, спросит, что для неё сделать, услышит в ответ: «Спасибо, милая, ничего не надо», — и снова бежит на улицу, с ребятами играть.

Пришла как-то тётя Нюра, соседка. Увидела такое дело — взяла на себя все заботы. Совестно Машеньке стало от того, что соседка за бабушкой ухаживает, а она всё резвится да играет.

— Бабуля, — просит она, — скажи, что для тебя сделать?

— Ну, коли очень уж хочется, в лес сходи, — сказала бабушка. — И набери там лукошко чудес.

— А какие они, чудеса эти? — удивилась девочка. — И где их искать?

— Сама увидишь, — ответила старушка любимой внучке. — Возьми лукошко в сенях и ступай.

– Побежала Машенька по деревенской дороге. Дорога знакомая, привычная. Смотрит вокруг – нигде нет чудес. Зашла она тогда в поле. Почти скрывает рожь Машеньку. Раздвигает она колосья – не видит чудес.

Не дошла Машенька до леса, повернула к реке.

А там малина растёт. Только ягод и набрала. Зато – целое лукошко.

– Принесу-ка я бабушке вместо чудес малинки, – подумала девочка. Идёт домой, а ягоды спелые, сладкие, душистые. Сами в рот так и просятся. Не удержалась Машенька. Попробовала ягодку, потом другую... А дорога неблизкая, вьётся и вьётся. Не заметила, как лукошко и опустело.

Пришла она домой и рассказывает:

– Не встретила я, бабуля, чудес. Ягод только набрала. Малинка такая вкусная, да вот смотри, – пустое лукошко показывает, – по дороге сама всё и съела.

– Ну что же, – сказала бабушка. – Непросто чудеса искать. На это талант и терпение нужны...

Не спится девочке ночью. Лежит, всё думает. Наконец решила: «Ведь в лес бабушка посылала, не на реку, в лесу чудеса водятся!». С тем и уснула.

Проснулась она утром ни свет ни заря. Вскочила с кровати, умылась и, даже не позавтракав, схватила лукошко – и в лес.

Вот ходит, ходит Машенька между деревьями, и здесь нет чудес. Только грибы.

– Ну ничего, – решила девочка, – хоть грибочками бабушку угощу.

Идёт она домой – грибами любит. Нет-нет, да рукой даже потрогает бурые шляпки. Прохладные, плотные...

Шла она так, шла, да вдруг видит: лежит у обочины человек. Лежит, травинки кусает, небом любит. Услышал шаги – чуть приподнялся, поздоровался.

– Здравствуйте, – сказала Машенька и пошла было мимо. Но незнакомец заглянул в корзинку и говорит:

– Ах, хороши грибки, ах, хороши... Дала бы мне половину.

– А почему же вы сами в лес не пойдёте? – спрашивает девочка.

– Да лень мне. Вставать неохота, да и нагибаться за ними я

не больно-то люблю. Но у меня конфеты есть. Давай поменяемся, — предложил незнакомец.

Отдала Машенька грибы. Идёт — фантики от конфет в пустое лукошко складывает.

Пришла домой, рассказала всё бабушке и спрашивает: «Ну совсем не даются мне эти чудеса; может, и нет их вовсе?»

— Есть, Машенька, есть, — погладила бабушка внучку по светлой головке, — и должна ты их всё же найти...

Несколько дней не ходила девочка в лес. Но очень уж хочется ей, чтобы поправилась бабушка, которая всё хворает да хворает; да и любопытно немного, что же это за чудеса такие, непонятные...

Пошла Машенька снова в лес. Набрала на этот раз орехов. Донесла их до дома. Протянула бабушке.

— Да неужели орехи? — удивилась бабушка.

— Сейчас я их почищу и тебя угощать буду, — ответила Машенька.

— Ах ты, милая, — всплеснула руками бабушка. И приподнялась на кровати, а потом и ноги с кровати свесила, села. — Чудеса-то какие!..

И поняла тут Машенька, что не в ягодах-грибах дело, да и не в орехах, которыми она и угостить-то бабушку не успела. А дело в том, что любовь к бабушке и забота о ней настоящие чудеса творить стали — хворь прогонять.

— Ах, бабушка, ну до чего же я глупа была!

Ничего не ответила бабушка, только обняла внучку, погладила её по головке да слезинку, выкатившуюся из-под очков, краем платка смахнула

Многому научилась Машенька тем летом, гостя у бабушки в деревне. И поняла многое. И главное поняла — что любовь и забота могут настоящие чудеса творить! Самые расчудесные чудеса! Ведь бабушка вскоре и ходить стала, а потом и совсем поправилась.

Мария Сергеева

г. Старый Оскол

Принцесса Неждана

В одном сказочном королевстве на острове Счастья жили-были красивые и беззаботные люди, а правили ими король по имени Добронрав и королева Любомира. Народ в королевстве был весёлый и трудолюбивый. Здесь проживали талантливые ремесленники, гончары, ткачи, портные, поэты, художники и музыканты. Каждый вечер на острове звучала весёлая музыка, песни и задорный смех. Искусные повара готовили такие яства, отведав которые любой становился добрым и счастливым. Всё королевство сияло чистотой и сказочной роскошью. Но вот беда – не было у короля и королевы детей. И всё королевство ждало наследника. Однажды королева дремала на балконе в красивом золотом кресле, устеленном мягким и пушистым ковром. И никто из служанок, стерегущих сон госпожи, не заметил, как на ковёр заполз мерзкий мохнатый паук и стал потихоньку подбираться к лицу королевы. Но чуткая королева вздрогнула и проснулась. Увидев чудовище, она вскрикнула и лишилась чувств. Слуги изловили паука и хотели засунуть его в прозрачный сосуд, чтобы показать королю и решить участь насекомого. Ведь в королевстве не было смертной казни даже для букашек. Но тут загредел гром, подул страшный ветер, небо потемнело, и страшный голос изрёк:

– Что ж, королева! Зря ты меня отвергла! Я знаменитый колдун Арахнур! И теперь я лишу ваше королевство беззаботности, и вам придётся поменять название острова на остров Отчаяния. Скоро у вас с королём родится дочь, но недолго вы

будете ей радоваться, так как я превращу её в обыкновенный ковёр и посмотрю: смогут ли Добронрав и Любомира спасти свою дочь и вернуть к жизни? Разве сможет простой смертный влюбиться в ковёр»?! И колдун исчез, оставив королеву в смятении и в слезах. Король Любомир только посмеялся выслушав рассказ жены, решив, что это был просто сон впечатлительной Любомиры.

Вскоре королева и впрямь родила девочку. Принцесса Неждана явилась на свет ярким солнечным утром, когда легкий морской бриз и крики чаек приветствовали жителей сказочного королевства с началом нового дня. Это был самый счастливый день в королевстве. Весь народ ликовал. А счастливые король Добронрав и королева Любомира не могли поверить своему долгожданному счастью. Их радость была так велика, что королева забыла страшное проклятие паука Арахнура. Девочка росла красивой, доброй и весёлой. Жители замка и острова часто слышали её звонкий смех, который серебряными колокольчиками разносился по всей округе. Девочка подрастала, превращаясь в писаную красавицу: златокудрая, с большими голубыми глазами и нежным румянцем на щеках, она словно бы плыла над землей, такой лёгкой у неё было походка. Жители королевства любили молодую принцессу и старались угодить ей своими дарами: портные своими нарядами, злато-кузнецы украшениями, музыканты и поэты песнями. Вечерами островитяне приходили на площадь перед замком, чтобы услышать чудесное пение молодой принцессы. Слава о прекрасной Неждане уже давно разнеслась по свету, и на остров то и дело прибывали послы других королевств, просить руки принцессы для своих августейших принцев. Но родители принцессы не торопились выдавать дочь замуж, так как желали, чтобы их дочь выбрала сама себе суженого по сердцу.

И вот однажды на остров прибыл богатый купеческий корабль, который привёз в королевство множество заморских товаров, среди которых были красивые персидские ковры. Таких замечательных ковров никогда ещё не видели ни жители острова, ни даже король с королевой, ни их заморские

гости. Один из ковров купец подарил королю с королевой и принцессе Неждане. Подарок он передал через своего юного помощника. Сам же купец не пожелал сойти с корабля, сославшись на недомогание. Между тем в замке собралось очень много гостей, желавших увидеть принцессу и постараться выторговать её сердце различными дарами и посулами. Каких только даров тут не было! Казалось, весь мир бросил свои сокровища к ногам юной красавицы. Но вот в зал вошёл молодой купец и расстелил перед ногами принцессы ковёр. Все присутствующие ахнули от восторга. Такого красивого ковра никто никогда не видел! А принцесса смотрела не на ковёр, а на прекрасного юношу и чувствовала, что сердце её заливают теплота и нега, и что все дары ничто перед тем, что она испытывала в эти мгновения! Как замороженная она шагнула навстречу молодому купцу и... ступила на ковёр. Вдруг засверкали страшные молнии и загремел ужасный раскатистый гром, и громкий голос паука Арахнура злобно прокричал:

- Ну, вот и настал мой час! Больше нет у вас дочери! Есть только ковёр!!!

Когда всё стихло и зал вновь осветился светом сотен канделябров, все увидели те же дары, тех же гостей, королеву и короля, даже бледного юношу купца, только нигде не было видно ни ковра, ни принцессы. Лишь рядом с балконом лежал тюк с разноцветными ковровыми нитками, который слуги поспешно убрали из зала. Испуганные гости вскоре покинули остров, уплыли на корабле и молодой купец, который даже представить себе не мог, что стал невольным помощником злобного умысла колдуна. А Арахнур сделал так, что все гости и юноша навсегда забыли и об острове, и о принцессе.

Долго горевали Добронрав и Любомира! Со всего света они приглашали умных и сведущих людей, колдунов и волшебников помочь отыскать пропавшую дочь, украденную Арахнуром. Но всё было тщетно. На острове Счастья поселились горе и отчаяние. Даже птицы перестали петь песни и улетели в счастливые края. Только море шумело и выло, словно от сердечной боли, да неутомные чайки с криком ловили свою добычу. Доведённые до безумия король и королева пошли

на высокую скалу, нависавшую над морем, крепко обнялись и шагнули в бездну... Но налетевший откуда ни возьмись сильный ветер подхватил их и унёс далеко-далеко от родного острова, мягко опустив в густую траву. Вокруг цвели прекрасные цветы и росли деревья с невиданными плодами. Порхали бабочки, пели яркие птицы, ласково светило солнце. Взявшись за руки, король и королева пошли по едва заметной тропинке навстречу своей судьбе. Вскоре на живописной лужайке они увидели золотой шатёр. Навстречу им вышел седой длиннобородый стрик и с усмешкой произнес:

– Наконец-то я дождался вас в гости! Своим поступком вы показали, насколько любите друг друга и исчезновение любимой дочери для вас страшнее собственной смерти. Я – бывший колдун Арахнур. Именно благодаря вам с меня снято проклятье быть злодеем в образе страшного паука, и теперь я помогу вам отыскать и расколдовать вашу дочь. Для этого вам нужно вернуться во дворец и найти тот тюк с нитками – это то, что случилось с вашей дочерью. А чтобы её оживить, вы должны добраться до персидского города, в который я вас перемещу и подкину этот тюк тем ковроделам, которые придут в один из дней отдохнуть к одинокой чинаре. Но это ещё не всё – вам придётся превратиться в дождь и ветер. Сказав это, Арахнур хлопнул в ладоши и в тот час превратился в диковинную птицу. Взмахнула птица крыльями – и вместо короля завихрился ветер, а вместо королевы – заплакал дождь.

А теперь начнём сказку ПРО КОВЁР.

В одном персидском городе на берегу моря жили-были два мастера-ковродела. Они были молодыми и влюблёнными и поэтому ткали свои ковры с любовью и радостью. И их изделия, не торгуясь, забирали молодые купцы, чтобы украсить коврами свои покои.

Но вот однажды у мастеров закончился запас ковровых ниток, и ткачи отправились за ними на базар. Долго они искали нужные нитки. Торговцы наперебой расхваливали свой товар, но в этот день словно какая-то невидимая сила уводила мастеров всё дальше и дальше. Наконец, изрядно устав, они

присели отдохнуть в тени раскидистой чинары. И тут прямо с ветки им под ноги упал тюк с ковровыми нитками самых разных оттенков. Оглядевшись по сторонам и не заметив вокруг ни души, только в ветвях чинары какая-то красивая птица пела свои звонкие песни, они подхватили находку и поспешили домой.

Мастера ткали ковёр легко и без особого старания, полагая оставить его себе. На первый взгляд это был обычный ничем непримечательный ковёр, какими пестрили восточные базары. Однако, стоило мастерам вывесить его для просушки на солнце, ковёр словно бы ожил. Он затрепетал на ветру, потянулся к морю и солнцу и замер, словно прислушиваясь к многочисленным звукам: крикам чаек над морем, пению птиц на чинаре, смеху и говору прохожих.

А мастера забыли про своё детище и оставили ковёр на верёвке до утра. Всю ночь над ковром светила луна, мерцали звёзды, дул лёгкий морской бриз. И ковёр впитывал в себя очарование восточной ночи, её сказочные нащёптывания. А под утро резко подул ветер, зашумело и забушевало море, и хлынул проливной дождь. Когда мастера проснулись, ковёр представлял собой жалкое зрелище: мокрый, блёклый, словом, в дом не возьмёшь... Долго мок ковёр. Но вот дождь закончился, и вновь засветило солнце. Под его жаркими лучами ковёр быстро просох. Ветерок расшевелил слипшийся ворс, и ... О, чудо! Ковёр засиял такими лучистыми красками, что невольно притягивал восхищённые взгляды прохожих.

В это время мимо проезжал со своим караваном молодой красивый купец. Увидав мельком ковёр, он невольно им любовался, но так как не мог задерживать караван, проехал мимо, решив по возвращении обязательно приобрести этот ковёр себе. А ковёр, словно живой, вдруг вспыхнул ещё ярче, играя и переливаясь красками узоров. Хозяева быстро занесли ковёр домой и повесили его в гостиной. Но слава о чудесном ковре уже облетела весь город. Увидел красивый ковёр и молодой зажиточный сосед. Он пришёл к мастерам взглянуть на их изделие ещё раз, намереваясь его приобрести. Но в доме ковёр имел простой и скромный вид, и сосед изменил свои

намерения, решив, что со временем подыщет для себя более подходящее и изысканное изделие. Много молодых купцов смотрели на ковёр, многим он нравился, но почему-то они его не покупали. И ковёр по-прежнему украшал стену гостиной.... Через три года из заморских стран вернулся со своим караваном молодой купец. Он не забыл чудесный ковёр, хотя уже и не намеревался его покупать, просто из праздного любопытства решил взглянуть на него ещё раз: чем он его тогда так пленил? Стоило купцу войти в дом и взглянуть на ковёр, как он в восхищении замер. На стене переливаясь лучистыми красками, сиял прекрасный ковёр. Купец протянул руку и провёл по нему рукой, ощущая тепло и податливую мягкость. Долго не раздумывая, купец быстро сторговался с мастерами и унёс ковёр с собой. Он украсил им стену лучшего зала и гордо демонстрировал своё приобретение многочисленным друзьям и знакомым. В доме купца были и иные ковры с замысловатыми узорами, постарше и, как им казалось, более нужные и практичные. Они сразу невзлюбили яркого выскочку и всячески старались ему навредить. То посылали ему свою моль, то поднимали при сквозняке страшную пыль, которая с удовольствием садилась на новый ковёр. Однако все их старания были напрасными. Стоило в зал войти купцу и взглянуть на ковёр, как тот вмиг словно оживал и начинал сиять узорами. Вскоре купец так полюбил свой ковёр, что застелил им своё ложе, и, засыпая, с восторгом утопал в тёплом ароматном ворсе. Всю ночь ему снились чудесные сказочные сны о прекрасной принцессе из невиданной страны, которая пела ему сладкие и нежные песни и под шум морского прибоя дарила ему свою пылкую любовь. Счастье купца было безмятежным, но его любовь к роскоши и желание иметь всё самое лучшее имело губительные для ковра последствия. Купец всё чаще стал уезжать с караванами в дальние страны, покупая новые реликвии и ковры, как будто хотел доказать всему миру и самому себе, что есть и более прекрасные изделия, а его ковёр скоро состарится и ему надоест. Но стоило ему взглянуть на свой ковёр, как его с сердце вновь переполнял восторг обладания самой прекрасной вещью на земле.

Многие купцы неоднократно пытались выторговать чудесный ковёр, но безуспешно. Они даже нанимали воров, чтобы украсть ковёр. Но стоило ворам войти в покои купца, то они вместо чудо-ковра видели невзрачную потёртую накидку и убирались восвояси, думая, что купец спрятал ковёр. Но однажды, будучи у купца в гостях, друзья старательно опоили его зельем, дождались, пока тот крепко уснул, а потом, сорвав с ложа прекрасный ковёр, долго топтали его ногами, заливали вином, вдавливали остатки пищи и фруктов, прижигали его огнём...

Проснувшись, купец долго не мог вспомнить: что с ним произошло и почему он спит на полу, а не на своём прекрасном ложе? Но когда он вошёл в покои и взглянул на то, что осталось от его ковра, он долго горько рыдал, но успокоившись, решил, что нет вечных вещей, и велел вынести ковёр, почистить и постелить на пол в своей опочивальне. Но завистливые друзья подговорили слуг не очень стараться с чисткой ковра, а сушить его не на солнце, а в сыром затхлом, пропахшем мышами чулане. Теперь ковёр лежал у входной двери и об него вытирали ноги все приходившие к купцу гости. А купец положил на ложе другой ковёр, но тот почему-то не был таким тёплым и родным, и по ночам купец ворочался с боку на бок, под утро с трудом засыпал и не видел больше красивых снов. Он стал менять и менять ковры, один краше другого, но всё повторялось сызнова. Купец стал пить, бросил доходную торговлю и часто сетовал на свою жизнь бывшему любимцу. Это ты, мол, исчадие ада, виноват во всём. Нечего было сиять всем подряд. Во что ты превратился? В половую тряпку! И приказал выбросить ковёр. В это время мимо грязного старого ковра проходил бывший сосед мастеров-ковроделов. Взглянув на то, что случилось с ковром, он невольно похвалил себя, что не стал некогда его обладателем. Красота не вечна, одна морока с ней...

Ночью вновь подул сильный ветер, он поднял ковёр и долго нёс его с собой, пока не опустил на ограду замка падишаха. Начался сильный дождь, который лил и лил, пока не смыл с поруганного ковра все слои накопившейся грязи. А выгля-

нувшее после дождя солнце вместе с ветерком старательно высушили ковёр, придавая узорам былую красоту. Вскоре у ограды замка собралась толпа зевак. Дошла весть о чудесном ковре и до повелителя. Он приказал слугам снять ковёр с ограды и показать ему, так ли он хорош, или это просто людская молва? Слуги кинулись выполнять приказ султана, да только не так просто было снять ковёр с ограды. Он как будто прирос к ней. В это время к сияющему всеми красками ковру прибрёл оборванный, грязный пьяница, в котором никто не узнал бывшего владельца ковра. Но стоило ему взглянуть на свой волшебный ковёр, как тот вспыхнул яркими лучистыми узорами. Толпа зевак ахнула. Рядом с ковром стоял молодой красивый купец, по лицу которого текли слёзы. Ковёр мягко, словно пёрышко, слетел с ограды и укутал собой своего хозяина. Когда слуги султана всё-таки забрали ковёр и развернули его перед повелителем, они не увидели купца, но на ковре изменился узор. На фоне сияющих замысловатых плетений ковра можно было разглядеть счастливые лица юноши и девушки, слившихся в вечном поцелуе... Поражённый прекрасным ковром, султан приказал повесить ковёр в лучшие покои, чтобы любовь, излучаемая ковром, согревала всех обитателей и гостей замка.

А на острове Счастья, проснувшемся от забвения, шумела и плясала свадьба. Король Добронрав и королева Любомира выдавали свою дочь Неждану за прекрасного юношу купца. Почётным гостем на свадебном пиру сидел старик Арахнур. Вернув прежний облик королю, королеве и их дочери, чары которой рассеяла любовь купца, он повернул время вспять. И никто из гостей, присутствующих на свадебном пиру, не мог представить, через какие испытания прошли виновники торжества...

Тамара Дронова

г. Старый Оскол

Родилась в с. Огибное Чернянского района Белгородской области. По образованию воспитатель дошкольных учреждений. Наряду с любовной лирикой и поэзией на православную тему пишет стихи для детей, которые вошли в методические разработки для дошкольных учреждений Белгородской области.

Дети матушки Недели

Как у матушки Недели
 В саду яблоки поспели.
 Собирать идёт отряд
 Семерых её рябят.
 Понедельник – старший сын.
 Вторник- брат спешит за ним.
 Сестра старшая среда
 Не отстанет никогда.
 Младший брат Четверг идёт,
 Сестру Пятницу ведёт,
 Эти двое дошколята –
 Очень славные ребята.
 А Суббота, Воскресенье –
 Две малышки загляденье,
 С рюшей фартуки у них,
 И корзинка на двоих.
 Потрудились славно детки,
 Опустели яблонь ветки,
 Дружно все идут домой –
 Крепким будет сон ночной.

Дети матушки Недели
 Все заправили постели.
 Рассчитались по порядку –
 Дружно стали на зарядку.
 Не проснулся лишь один,
 Самый старший «господин» –
 Понедельник – сын упрямый,
 Он вставать не любит рано.
 Не хотел он спать вчера,
 Всё вертелся до утра.
 Долго, стоя у постели,
 Поучала мать Неделя.
 Повернись на правый бок,
 Ты ведь старшенький сынок.
 Если ты закроешь глазки,
 Расскажу тебе я сказки.
 Но ответил ей сынок:
 «Отлежал я правый бок.
 Лучше, матушка, пойди,

«Полежи, дождись обед.
А мы к матушке пойдём,
Ей цветов букет нарвём».
Четверг с Пятницей идут,
Воду в леечке несут.
Не полита одна грядка.
Но на ней всё чисто, гладко.
Мальши несут букет –
Были лилии и нет.
Две малышки улыгнулись
И букетик протянули.
Мать Неделя хмурит брови.
Не поймут, чем недовольна.
Да, букетик очень милый,
Нет на грядке больше лилий,
Чтобы их не поливать,
Будут в комнате стоять.
Ах, Суббота, Воскресенье,
Детки просто загляденье.
Глаз за вами зоркий нужен,
А наказывать не нужно.
Мы на грядке опустевшей
Цветы высадим поспешно
И польём их от души –
Будут астры хороши.
Понедельник в этот раз
Опоздал в свой пятый класс.
Опоздания не редки,
Будут «два» его отметки.
Он в окно глядит уныло:
«Да, денёк сегодня милый».
Потянулся и зевнул,
И за партю заснул.
Слышит он сквозь сон и смех –
«Вещий выехал Олег»,

Шёл с дружиной на хазаров,
Всё горит в огне пожаров.
Понедельнику так жарко,
И хазаров ему жалко.
Впилося вдруг копьё под бок –
Это дружеский щипок.
Понедельник долго спал,
Класс резвился, хохотал.
Шла большая перемена,
Он глаза протёр – «измена»:
Где хазары, где Олег,
Отомщу я им за всех,
Школа только что горела,
И в меня копьё летело.
Класс от хохота упал,
Понедельник оплошал,
На уроке спать так стыдно,
Понедельнику обидно.
Понедельник шёл домой.

«Все смеются надо мной,
Чтоб изжить свои пороки,
Стану я учить уроки,
Буду я овсянку кушать,
И Неделю-маму слушать,
Спать ложиться ровно
в девять,
По утру зарядку делать.
Я исправлюсь, наконец».
Понедельник молодец.

Дети матушки Недели
Все умылись, кашу съели.
Мать Неделя очень рада:
Детки умные – награда.

Константин Стригуновский

г. Старый Оскол

1990 года рождения. Учится на 4 курсе факультета русского языка и литературы БелГУ, старооскольский филиал.

Сказка о страннике

Далеко отсюда, на равнине, опоясанный высокими, неприступными горами, стоял город. Стены его, окружённые непроходимым лесом, были выстроены из золота, а дома из глины. Посреди города возвышался прекрасный дворец из серебра, украшенный рубинами и изумрудами.

И жили в том городе люди, чьи ноги были скованы кандалами, как завещала религия, говорящая, что каждый должен нести свой груз ответственности перед миром и не бежать быстрее всех.

И город тот был огромен, и было в нём всего в достатке, но люди всегда жили бедно, ибо кандалы мешали им работать.

И жили там женщины, самые прекрасные на земле, и у каждой были глаза разного цвета, и ходили они, закрыв лицо, но обнажив ноги.

И жили там мужчины – высокие красавцы, но рождались они почти слепыми. Ходили они в набедренных повязках под шелковыми рубашками.

И был в том городе обычай: ребенок по достижении семи лет отправлялся в серебряный дворец, где ему надевали кандалы и учили всем традициям и устоям этого города. И никто из детей не помнил, как выглядит серебряный дворец изнутри.

Жила в том городе девушка, один глаз которой был алого цвета, а другой чёрного. Уже долгих десять лет она носила на ногах кандалы, и уже десять лет она ходила за ворота золотых стен, что бы собирать травы для своей матери, которая была целительницей. За годы девушка обучилась у неё, и уже сама готовила отвары. Но вот беда, в городе всем натирали кандалы, и всё свое время она тратила на примочки для ног. И так они расходились, что самой ей всегда не хватало. Мать же ей говорила, что быть такой щедрой нельзя, ибо с растертыми ногами её никто никогда не возьмёт в жёны.

Однажды ночью, когда над городом взошли две полные луны, девушка отправилась в лес, собрать трав для отвара. В эту ночь, по легенде, цвели самые редкие травы, и найдя их, можно было сварить волшебные зелья.

Долго она бродила по лесу из деревьев с большими зелеными листьями и покрытыми ворсом стволами. Она давно не боялась местных животных, потому что любила зверей, и они отвечали ей взаимностью. Вокруг раздавалось уханье трёхглазых сов, шебуршали под корнями невидимые ежи, и где то далеко слышался вой двухголового волка.

Бродя по лесной чаще, девушка, наконец, вышла на полянку, где давненько заприметила много полезных травок, и начала их собирать. Вот мох для ума, а вот гриб для спокойствия, а вот ягодка для счастья. И вдруг среди травы она увидела совёнка. Он сидел и смотрел на неё, моргая по очереди каждым из трёх глаз, в которых отражались две разноцветные луны, жёлтая и белая. Девушка подошла к совёнку и встала перед ним на колени.

– Что ты здесь делаешь? – спросила она у птенца, улыбаясь его большим и ясным глазам. Совёнок деловито повозился в траве, а затем пошёл прочь от девушки в лес. Подойдя к краю полянки, он остановился и, повернув голову назад, посмотрел на неё. Девушка встала и подошла к нему. Тогда он двинулся в глубь леса. Она последовала за ним.

Спустя несколько часов девушка уже не знала, где она. Так далеко в лес она ещё не уходила. Но совёнок уверенно вёл её к ведомой только ему цели, временами оглядываясь на неё. Ещё спустя несколько часов лес кончился, и девушка встала у подножия гор, которые окружали эту равнину. Совёнок ещё раз оглянулся, ухнул и взлетел вверх, к одной из скал. Девушка посмотрела ему вслед и увидела сидящего на краю этой скалы старца. Длинная белая борода его лежала на чёрной мантии, а на ногах не было кандалов. На плече у него сидел давешний совёнок. В руках старик держал книгу.

Девушка сначала решила окликнуть старца, но любопытство превозмогло в ней вежливость, и она решила подняться и посмотреть поближе. Подножие гор не было слишком крутым, и она без труда забралась к той скале, где сидел старец. Всё та же чёрная мантия, и всё тот же совёнок со спины смотрелись уже не так величаво. Она подошла поближе. Старец обернулся, и увиденное заставило девушку отступить на шаг от удивления. В чёрной мантии сидел юноша, немногим старше её. Его глаза были разных цветов, один почти белый, другой изумрудный. Он улыбнулся ей добродушной улыбкой и жестом пригласил сесть рядом. Она послушалась.

- Видишь этот город? - спросил юный старец у девушки.

- Да, я в нём живу. - робко ответила девушка, переводя взгляд то на его глаза, то на ноги.

- Он прекрасен! - тихо, и с искренним восхищением произнёс юноша в чёрной мантии.

Совёнок вспорхнул с плеча таинственного человека и встал перед ним, воззрившись на него тремя своими глазами. Человек хлопнул себя по лбу, достал из мантии перо, открыл книгу и начал быстро что-то записывать.

- Что вы делаете? - спросила девушка.

- Записываю тебя в свою книгу жизни, - ответил юноша, кропотливо выводя буквы. Когда он закончил, то захлопнул книгу и откинулся на спину, направив свой взор на полные луны.

– Скажите, почему на ваших ногах нет оков? – спросила девушка робко.

– Я не отсюда. Мой дом очень далеко.

– А почему у вас глаза разного цвета? – спросила она чуть смелее.

– Потому же, почему и у тебя.

– И вы можете писать. Вы видите? Я не встречала мужчин которые видят. – сказала она, глядя ему в глаза.

– Да, я вижу. Потому что я не отсюда. Давай я тебе кое-что покажу. Ложись рядом. – Девушка послушно легла на холодный камень и воззрилась на луны. – Видишь эти две луны? В вашем городе ещё не знают об этом, но на каждой из них есть город. Только совсем другой. Например, на белой луне люди рождаются с крыльями и живут в серебряных домах. И женщины там ходят замотанные в шёлк и цепи, а мужчины не носят одежд. А на жёлтой луне, женщины ходят в чёрных одеждах и бьют мужчин палками, а те на них работают, при том мужчина считается весьма уважаемым и может запретить женщине себя бить, но редко делает это. И живут они в больших каменных домах. Но мой дом гораздо дальше, чем эти луны.

– Где же он? – с недоверием спросила девушка.

– За этими горами, – парень ткнул пальцем в скалы позади себя.

– Разве эти горы больше расстояния до луны? – ошарашенно спросила девушка.

– Нет. Гораздо меньше. Но поверь, пройдёт много столетий, и ваши народы научатся летать друг к другу. Вы будете дружить и со временем станете единым великим городом трёх планет. Но даже тогда вы не перейдёте этих гор. Никому это просто не будет нужно.

– Хотела бы я увидеть, что за этими горами! – восхищённо воскликнула девушка.

– Тогда пошли со мной. – спокойно ответил юноша, делая

вид, что не замечает, как девушка, давно забыв о лунах, смотрит на него.

– А можно? – чуть дрожащим голосом переспросила она.

– Только если снимешь с себя оковы, – спокойно ответил он.

Девушка мгновенно вскочила и начала срывать с себя кандалы, но они не поддавались. Она их дергала, била камнями, пробовала выскользнуть, но ничего не выходило. А юноша сидел и молча наблюдал за этим.

– Я не могу, – упала без сил девушка, когда луны уже почти ушли за горизонт.

– Ты не с того начинаешь, – спокойно ответил юноша, подошёл к ней и снял повязку с лица. Вместе с ней упали и оковы. Девушка ошарашенно посмотрела на юношу, затем на кандалы. Встала, сделала широкий шаг, затем ещё один. И замерла, увидев перед собой совёнка, в глазах которого виднелось её отражение.

– Как тебя зовут? – спросил юноша.

– Я не знаю, – растерянно ответила девушка. – Как-то звали, но я не знаю как.

– Это хорошо. Теперь у тебя тоже нет имени. Пойдём. – Он подошёл к ней и протянул ей свою книгу. – Теперь это наша книга. И писать её мы будем вдвоём.

Она взяла книгу, и они пошли в горы. Красивая женщина, чьё лицо уже тронули морщины, но в глазах которой сиял свет, и древний старец, лихо перепрыгивающий через валуны на дороге.

альманах «КЛАД»

ПОВЕСТИ

Юрий Чекусов

г. Старый Оскол

Родился на Южном Урале. Закончил Свердловский горный институт. Работал в Сибири и на Урале.

Ледяная быль Ермака

Высокий и сутулый, но скорее высокий из-за своей богатырской стати, он смотрел сверху вниз на барахтающегося мальчика, крепко зажатого двумя дожими казаками.

— Беглый, что ль? Аль шпион строгановский? А может, государев ведун... так государь пока плохо ли хорошо не знает о нас...

Ермак грозно зыркнул из своей бороды, порешил:

— Оставьте парнишку. Вроде как молод ещё пакости делать, — и обратился к задержанному: — Беглый? Шпион? Недотёпа? Пришлый? Всяк вылепится... Так кто ты, чадо нестаршее?

— Сирота.

— Но откель? Сбежать откуда - нелепо и недостижимо...

— Что? Бежал аж с Центрального Лаптя... непостижимо, да быть того не могёт.

— Так кто ты?

Атаман зыркнул глазами на своих, и два увесистых пинка враз достались высокому и худощавому незнакомцу, одетому в самую распоследнюю рвань.

— И не ври!

— И не вру, — сплонул тот кровавой слюной. — Ушёл. Сирота я счас. Мои загибли, в Белых Горах, что под Тулой.

— Не очень знамо, но верится... Но тогда как же ты здесь-то теперь, «три» лаптя от Тулы отмахамши, оказался?

Казаки, видя атаманью ухмылку, довольно загоготали: «Свиреп, «казачок», да и скор на ноги! Эт же надо, так далече урыть...»

Прихмурился недовольно Ермак – не до того щас! – кинул скупю: «Покормите его... авось удачу принесёт».

Ермак уже знал заранее, глядя на сироту – принесёт удачу. И хоть суеверие не так сильно клинило его грешную душу – но ведь и не грешно заиметь талисман, этакую глупо-мал родную душу.

Он рано остался сиротой. Стал позднее казаком, что означало «лихим человеком». В детстве брёл со своим учителем через Поволжье, пришёл на Урал. Вернулся на Волгу, воевал и снова оказался на Урале у Строгановых уже как Ермак. Откуда так и почему обозвали?

– Полковник, а полковник, очнитесь!

– Меньше пинать надо было, господа чекисты.

– Ах да, господин полковник! Мы, товарищи из Екатеринбургского ЧК, приносим вам глубокие извинения... Так отвечать будешь, сволочь, почему ты отошёл от общей линии отступления твоего Колчака и почему-то оказался под Пермью?

– Может быть и ответил бы, да язык не шевелится... А про Николая Васильевича вы так зря!

– Это тебе Колчак белый брат, а для нас – та ещё сволочь, что побила кучу народа под Карабашем, в Кыштыме, Челябинске... вот тебя и прихватили здесь, у пермяков, и доставили до нас в Екатеринбург разобраться... Слишком ты странная птичка, чтоб тебя пристрелить зараз и освободить от гнёт земных. Отвечай: где, что и как? Цель? Задание? Колчак что тебе поведал, катясь дальше на восток?

* * *

«Я не могу позволить себе вольностей и ошибок...» — Ермак.

– Ну, ты... – сапог больно ударил в бок юнца. – Беглый? Ай таких я в своей стае не уважаю. Дружу с законом и государем нашим!

Бледный с недокормёжки, но крепкий парнишка бесстрашно встал перед грозные очи атамана.

Серчал Ермак Тимофеевич – не до плачущего дела шла разверть:

— Так ты кто? Беглый? Сирота? Бесприют? Али шпион ромодановский? Халупень боярская!.. Да вроде мелковат на сии ухищрения, скотина младая. Так ты чего?

— Изволь, батюшка, беглый я...

— Пацан? Беглый??? Отродясь не слыхал! Как звать-ведать? Чьей стороны?

— Ярма Тимофея, я - убёгший от центра росси, а звать меня...

— Бушь ты наречен, сиротинушка, мной «Чей-ты». Есть у тебя матушка с батькой? А нетути, так и будь моим сиротой «Чем-мой!»! Годится?.. Али врёшь про своё сиротство?

Кто ты, сирота? Тульская, рязанская аль другая тех крутых, долгих, далёких и крученных лет... Ермаку было это равнодушно, как и его собственная судьба... Ужить бы ажбы!

Но беглый сирота из централов русских аж до краёв Большого Камня необъятных в душу запал Ермаку свет Тимофеевичу, человеку то ж не весьма простой судьбы (это ж «потом» - славили Ермака. И то нескоро).

Как ты вообще попал в эту далёкую и нахально-русскую стаю? Чей был «укус», что ты остался без мамани, да и батяню где-то обронил? И пошлелась судьба твоя горемычная...

— Ты со мной не шути, хлопчик.

— Так кто ж с вами пошутит, Ермак Тимофеевич!

Ермак, статный и хмурый, великовозрастный и красно-бородат, хмыкнул:

— А ну и кто?

Тень набежала на его лицо, угрюм стал. Может, только и таким под стать удержат ватагу? Этакая штрафная дружина царя русского, разбавленная кадрами Строганова-Уральского...

Ермак пнул напоследок юнца, рыкнул куда-то в сторону: «Ко мне его, в мой чёлн! Что разинули рты? По местам! Щиты по местам...»

... И поплыли они, западным солнцем палимы, куда-то на восток, в гости к татар-кучуму, которого уже «не трогали» добрую сотню лет... Не считая Иоанна IV Грозного с его Казанью в 1580-м.

«Там русский дух! Там Русью пахнет», — возвестил Ермак, оглядывая свою рать. Кто «его» знает, может, на самом деле те

знаменитые строчки были сказаны впервые не нашим знаменитым поэтом, а первыми славными русскими землепроходцами.

— Что рты разинули? Гогочете, как эти самые... — прихмурился атаман, будто что наведалось до его памяти.

«Ну, вы, тягловые люди – за дело! А боевым казакам – за щиты к челнам и стругам... Остальным людишкам – для начала особо не высовываться, без излишней потребности не шнырять взад-вперёд! Смотрите... Не ровён час! Кашеварам – вовремя кормить мою рать и прочих; им – пай погуще за их опасность нужную...

... Никогда не суйтесь в монастырь со своими дурным словом и действием! Всегда уважайте закон Рассеи на впредь территориях и иж за ними! Аминь...

Много многоточий... Хватает и при русской грамоте дефисов и прочерков, междометий... И межусобищ, междубитий россос!

... Вроде давно и долго, с 862 года встали, а ан до сих пор не могут встать и становиться на ноги; хотя был Чингиз и Батый, поляки смутные, Наполеон непобедимый... и иже с ними. Много, многие на Русь разевали... со времен славного нашего Князя Ярославского (что, забыли о дважды непобеждённом Александре Невском – ведь их прах лежал у его ног: шведов и тевтонцев).

Но это всё потом, какое дело Ермаку, Ярмо от Причины, до вас до всех?

... Когда после 17-го докатился до этих мест «красный и правильный туман», всё было в Правиле! И иначе быть не должно, не требовалось и не заложено.

... И многие хотели, хотели бы и норовисто встать под длань Русскую... Вот только не так быстро всё пишется и не так быстро «многовековая» сказка рассказывается...

Крепостное право на крестьян ушло в историю, как минимум, с полвека (...минимум – слово-то какое, Др. Рим, сколь ему веков, но все равно минимум, min, «наименьший» на русский вариант). Так вот, когда докатилась красная революци-

онная война до тех нейтральных зон – немало то ж воды утекло. Почему-то и раньше и потом все возлюбили «горбатого» – домогаться до Урала... Чем уж он так люб? Входил ли Урал с окрестностями в состав России времён до Петра и Екатерины II – ну, явно нет?! Припоздал, но уже знаменит стал своим богатством. Но это ведь всё потом – восемнадцатый век.

Так и хочется плюнуть на всё и начать историю сначала. Так и начнём, с той же огромной пост-фактум екатерининской губернии Тобольской, мощью и территорией возобладавшей над «пол-Европой»!

Да, после вихрей враждебных 17-го года божья благодать так и не пришла в древне-графские развалины Данилы. Да он и не спрашивал – почему; служу Отечеству и Царю, коему он когда-то давал клятву младым кадетом.

Тогда он, один из последних представителей своего дворянского рода, полковник царской армии, при орденах и регалиях, находившийся в отпуске на излечении, воскликнул: «Да не за вас ли я «ходил» в Маньчжурии и Пинских лесах?» И почему он не стал предводителем местного дворянства – самому богу неизвестно; видно, больше воевал, чем находился в своём родовом поместье.

Он, многовековой князь, по имени Данил (а звали крестьяне, барышни и купцы его по-свойски – Даниил; для других он был Дан – импозантно, полусветское-полурусское...), ростом 192 см, гвардейские усы, грудь в орденах, весь в дворянстве, богат и странен: не давал своим сибирским люто-угрюмым мужикам разоряться... за то его и радели.

Восемнадцатый год убил в лихости своей его жену и двоих его дочерей, когда он вернулся с Керенского фронта к себе в далёкое Уралье.

И ранее, и потом – всё и все кидались и кидалось под эгиду и сень Урала...

В 16 веке – Урал есть Большой Камень, потом идёт под Демидова и Петра Великого как Каменный Пояс, и только уже потом как Урал. Екатерина II после Пугачёвского бунта указом упразднила реку Яик, назвав его высочайшим указом как «река Урал». Что, вам сего ещё не хватает? Так продолжим под так не спетые и несуществующие песни про Ермака, сына Ти-

мофея... Ведь поют и воют песни о Разин-Степановском утёсе на Волге... А где же «утёс» богатыря сибирского Ермака?

Неуж только в граде Тобольске, ставшем при Петре I и Екатерине II губернией и действием, впоследствии прославившемся только убиенным царем Николаем II...

Сильна и грозна Русь! Даже уже прошедших лет и столетий.

Отметелила судьба своего последнего дворянина из его последних родных краёв. Его предки, Данила-Даниила-Дана, всегда лепились коль не к Москве великой, так к Уралу седому...

К Каменному Поясу шли все, кому не лень было и не грешно, кто хотел жить правильно и безбедно... Все хотели стать его «побратимами».

К Великому и Седому старались и лепились все: Оренбургье, обозванное как Южное Зауралье и так знатное своей последующей историей казачества (...да, говорят у велико-возрастного Данилы были предками оренбургский казак и бывшая выпускница Смольного... да в жизни не поверю!). Туда же шли и имели право Полярный Урал, Приполярный Урал, Средний Урал, Южный Урал. В 1943 году была организована область Курганская, отторгнутая вроде как «сельхоз» от «тяж-индустрии» Челябины - Юга Урала - и признанная в Западно-Сибирской зоне не как горная и минеральная, скорее как «колосись для фронта и тыла» (со сталинского 43-го года) в своих низко-зелёных болотах Западно-Сибирской (большой и огромной, Великой) Низменности... Далее идёт и бурое от тайги Восточно-Сибирское царство.

К Уралу, Древнему Камню, лепилось всё Горбатое, Уральское и Лесистое - края нехоженые, дикие, промозгло-таёжные и мало изведанные. Но вот они: с запада Пермь и народ ихний «пермяки-солёные уши», а ещё туда же Вятка с их потом «Киров», здесь же зыряне, странная кудлато-мудрая «нация»; на северах Среднего Урала - лютоборцы, молокане, единовержцы, старообрядцы (никониане вымерли?).

Но ведь многое потом...

А названия-то какие, наших древних сибирских сторон и стран: Мангазея, Мещера, Югра...

Когда огромная, хорошо организованная по центрам и хрупкая на окраинах Великая Империя Российская начала

трещать по швам (мы «их» много знаем, да: Римская империя, Александра Македонского, Царство Батгя-Чингиза, Железного Хромца – Тимура, Наполеона, и... «?») – вот тогда полковник Данило (приметы: огромный рост, большие усы, лоялен к советской власти) пропал из вида всей бело-красной бытовавшей тогда по «ширшему» Уралу власти. Был Данил, пропал и его клин. И когда даже на восток оттекал знаменитый Колчак с его знаменитым Капшелем (ох, сколько успела бед натворить колчаковская контрразведка на Урале; севернее Урала – ей кто-то помешал...), но и тогда здорово интересовавшаяся Данилом российская ЧК не смогла его вычислить и понять цели его пребывания на его непонятном маршруте. Почему именно на рыжий север хантов и оленей? Остальных «бело» там уже всех перестреляли, либо они помёрзли, или же на «путь далёкий» редкий пехотный капитан колчаковской армии забредал сюда. И след Данилы затих где-то на Югре или, быть может, где-то чуть поближе, в «сотнях» вёрст чуть южнее...

Ну да – уходящий пусть уходит, тоже мне, последний Чекус! И без него сдюжим... тем более в его разорённой уральской усадьбе кой-какие старинные рукописи обнаружил наш рьяный сотрудник ЧК. Не важно, что «лоялен» был Данил и «потакал» серому люду... а почему? Кто он таков, выходец чуть ли не из графьёв образца много веков назад! Что ни говори, всё равно враг трудового народа!

– Ты чьё? Старичьё? – больно и болезненно поддели его под бок. И дружно, гуртом, как минимум в две-три глотки захохотали под берегами неизведанных рек.

Парень смолчал; не стоит ссориться с бой-казаками; были б обидчики из разряда смердов, из коих по-настоящему сам он и есть – уж тогда бы сейчас этим гадам вонючим и вооружённым, от которых несёт кожей и потом, несдобровать. «А пока побреду к кашеварам, не велик мой ранг в дружине атамана».

Ох, далека ещё от Ермака молодая Россия Петра; времена смуты ещё не наступили... Да и Русь счас страшно мутит от внутренних передраг... Уж хочет иль не хочет Ермак, ярмо господне, ярмо государственное – но уж иди! Взятся за гуж – не говори, что не дюж!

Издалека наш путь. И долог. Хлопец слабо «обут» в доспехи по ненадобности. «Пусть варит, но врага зрит и готовится», – буркнул для своего приёмыша Ермак. Дум много, за плечами – погибель лет и дум... был он или же стал Ермак Тимофеевич человеком «угрюм, немногословен»... И ни-ни – из своего прошлого! Да и зачем? Крутые и лихие нелёгкие судьбы для всех у нас. Это ранее говорили гладиаторы, выходя на арену цирка-колизея своему цезарю на высокой трибуне: «Идущие на смерть приветствуют тебя!» Так?

А сейчас как? Через полторы тысячи лет?..

– А это? А энтот чей паёк? Чей кус? – бодро верещал весело-неугомонный приёмыш, как говаривали – САМОГО – крутые и не ведающие голода и страха казаки Ермака.

Девки-поварихи новенького возлюбили; да и сам он любил при своих маломальских доспехах покрасоваться... Затискают его до красноты, а Ермак знай себе ухмыляется да отгребает с морды густую чернь бородатую.

Что их связывало: последнего представителя блестящего княжеского рода полковника, участника Японской и первой мировой (и потом ещё гражданской) Чепуса с его странной фамилией и не менее понятной его северо-белогвардейской эпопеей, когда он чуть ли не один остался живым из последних его двухсот пятидесяти солдат, загнанных под минус за сорок на открытый и хрупкий лёд затона где-то на севере России. Что он там забыл, полковник Чепус? Сейчас сотрудник ЧК внимательно читал тетради из «графских развалин», смотрел в лицо князя, видел парнишку из жёлтых давних страниц «вековых» дальности Чекуса... И не мог понять: а почему нельзя было полковника сразу шлёпнуть. Но приказ был «брать живым», доставить за «тридевять земель» без увечий.

А далее... Это как: «Был Чекус, стал Чепус?» Не беда, и с этим разберёмся, не такое поразгребали у беляков...

... Ермак хохотнул: «Во мальчонка! И полкопейки не берёт. Кругом прикид сиротинушкой. Ну, так берём его охламьё в прикид?»

Старшой Федот лишь головой кивнул в ответ – с царями не спорят... А чем тому быть – Ермак...

Да положится на Бога наша воля!

... Ну и положимся!

Загототала и пошла вольница Рассеи «с центра и до небес» в татаро-сиб неприкасаемый...

Не до шуток стало! Да и время пришло!

... Шёл Ермак, а за ним тяжёлой поступью держава растущая... Русь, будучи молодая Россия!

Ермак дёрнул бровью: «Уважь, мой Федот, мальчика». «А он – ни-ни?» «Уважь, говорю, Федот... говор у него мой... не врёт, пацанишка Чекус... А так и озадачь бойцов и плотогонов – что есть у нас безродный, всеми нами родный «гонца» из Чернобыля свет-паренёк... Не из Тулы?»

Федот в ответ хищно смыкнул.

Гон обещал быть долгий. И Ермак не сдюжил, шмякнул однажды своего Федота...

«Говорил же тебе, паря, не трожь его. Говорил? Ну и получай по мордасам и сусалам». Федот успевал только от длани длинной увёртываться – не дай бог схлопотать по горячке от атамана: злой и неуступчивый, когда дела касаются божьего и российского!

Что-то ещё? Поседел Ермак, видно много знал. Лют стал и злобив, видно – невпопад. Много знает и узнал... Может, не в коня корм злополучный?

Эй, вы, на третьем струге! Щиты и внимание! Оберег. Чуе-ете?

... Откуда и от кого мог знать юный отрок: от Федота или Ермака о своей кличке Чей-кус; от своих больших братьев? Ну приبلудился, ну и ладно, двум смертям не бывать, унесла нелёгкая от родных благовестов... Ну! Но не сдох же ведь сиротинушкой, ан люди прибрали...

Странные какие-то, и на заказ... Пришли и забрали именно его; сунули в «стаю».

... Вот я и мыкаюсь, пацан горемычный, сирота безмосковная, сиротинушка... Подгрести, подпихнули, подобрали для краёв далёких... Аль я и не затем там? Но вот он я пред грозным оглядом Ермака, его сподручных и ведущих плотогонов...

Что он гнал, Ермак Тимофеевич, в ту далёкую зыбь российскую... да и достиг ли он её?

Кинем взгляд, однако же, на именно его: кто он, тот Ермак Тимофеевич?

Тимофей – понятно и ясно, и вроде как ему имя второе по отцу... Так ли?

Но Ермак... нету такого славянского имени, корни которого уходят даже именно в греческую нашу юдоль. Но вот... «Ермак» ближе к славянскому «ясак», «ярмо», «ярмачный».

Подневольный, данью обложенный... Ермолай?

Ермак – истинно не русское. Вот почему-то любят говорить – Ермак, Ермак... с большой буквы. Но и то правильно.

Я – Ермак, и есть у меня отчество: все ли меня знают как Ермак Тимофеевич... Или как знают и обзывают – Покоритель Сибири.

Кого я покори́л? Укротил Кучума? Всё равно бы он сдох перед Орлом – росс... Поздно или рано. А может, я – Ермак, го-нец был впереди идущей нарождающейся Российской Империи? Скольких она сожрала, утроба-Росс, а и сколько кинутся ей в объятья потом, лишь бы обрести толкового хозяина-покровителя.

Так Ермак – покоритель? Или завоеватель, как нам потом будет казаться – «той, мелкомасштабной Сибири»... (Ведь впереди и на века: Крым, Сибирь, Дальний Восток, Камчатка, Сахалин, о-хо-хо!).

Кому какое дело до нас до всех! До нас, смертных, нищих и странствующих, в «бегах»? Да и Ермак не всё тягло привечал – обговор со Строганом заимел в свое время, водил их тягло с Камы до Москвы. А русский царь ценил сие...

Вот таков Ермак. Не прост. Не из лохани вылез... восстал. Ходил у Строгановых на «стрёме» – от Камы до Москвы, «ублажал» крутого Ивана Грозного, что сумел затоптать Великую Казань.

А если Казань пала, сдохла, почему бы не попереть... На то он и Иван Грозный, и не четверть с братиной – типа как потом Иван IV; чернь и густота все етя... едино!

Но да им-то, всем росс-казакам, какое дело было до всего того? Ну, плыли; ну, рубились смахача. Ну потравили хмырь чужеземную, порубили их, постреляли... Но ведь и они, те чмо болотное, достали нас!

Стрелы «татарские» били в защитный заслон ермаковских стругов.

Ермак не хохотал, не смеялся и даже не усмехался, как при начале похода, – он улыбался мимикой глаз:

– Вот мы пошли, Подкидыш. Идём. А хочешь я назову в века твое имя? Созвать сюда всех живущих поселенцев. Все? Как ваша река обзывается? Правильно! Как я назвал – так оно и будет. А нарекаю её, речку, – Чеусова; иль если вам удобнее – Чаусово!

– Ты доволен, хлопче? – Ермак легонько пихнул Чеуса, Чауса, приёмьша своего... будущего: Чек, Сова, Чейкус, Ус, Чикус, Чепус, Кус, Чей, Чекан.

... Да мало ли их будет, имён, почти за четыреста будущих лет? Десять тысяч Кучума навалились на Ермака. Вот такую сечь Ермак при своей прозорливости ожидать не мог... Не смог, не успел.

Казаки роптали, путь их был долгод, неспокоен и неосмыслен для них. Проще – нетути пути. Но Ермак пёр на рога и небеса. Симеоньч его порадел, тот казак, что ходил с ним при Строгановых.

Ермак начисто разгромил хань Кучумовскую на Иртыше. Сильно помогли Ермаку его пищали – огневой бой.

Кучум ушёл вглубь, в свою старицу – Кышлак. Оба поняли – бою не конец, конец не близок.

Вы зря думаете, что Екатеринбургское ЧК шлёпало губами после колчаковского следователя Соколова. Колчак, северный исследователь и ныне нетерпимый враг, ушёл – проблемы остались.

Враг хитёр и коварен. Так думал знаменитый вождь русских якобинцев, поляк Железный Феликс, сын Эдмунда. «Красной революции – нужны...» царские деньги.

– Так скажите, полковник... э-э-э – Чепус? Чекан?

– И так и то правильно.

– Вы – офицер царской армии?

– Полковник генерального штаба, господа чекисты.

– Высокого, однако, полёта птица...

– Да уж! Как-нибудь... Предки мои веками служили Царю и Отечеству...

– А вы преуспели, господин полковник, на службе... Не-не, не думаю, что только из-за вашего высококородия, древнейшей родословной...

(Екатеринбург после отхода сил Колчака; следственный особый изолятор ЧК)

– Но не очень понятно: каковы ж были взаимные интересы адмирала Колчака, омского сибирского правителя, и экс-офицера Генштаба?

– Интересы просты. Российские.

– А вы, полковник, знали Александра Васильевича Колчака? Лично?

... Знаете ли вы лично Адмирала Колчака и почему вы ушли от него в полосе Урала куда-то в глухую Пермщину при общем отходе войск Колчака на восток?..

А, полковник?

– Видите ли, товарищи следователи... Виноват, гхм! Меня не устраивает и я не понимаю Большого Плавания в сибирской тайге... Я понятно выразился?

– Даже очень, го-га-гы! И всё ж, полковник, крупно добавляю – Генштаба, вы резко и непонятно сбились с курса «Колчаковской флотилии»... Кто, что и как? Вы собираетесь нам ответить? Вам разве не интересна также судьба вашей семьи?

Непрост! Ох, непрост был Ермолай Тимофеевич Токмак, какову кличку «токмак» дали ему вольные казаки, некогда ходившие под его упряжью в лихие набеги. Вот так и сложилось, да? Ермак Тимофеевич... Но есть гора Токмак (Такмак) под Красным Яром в Сибири – так это что, куда и зачем... Впрочем, много вольницы в этом мире.

Мы не археологи и не летописцы Древней Руси, даже той, недалекой полутысячной назад...

Ермака будут терзать, изучать, резать по частям... БСЭ – Большая Советская Энциклопедия 1972 г.; БРЭ – Большая Российская Энциклопедия 2007 г.

Непонятно и когда народился на свет бедный маленький Ермачишка – что-то около 1540-го года. И отмеряно ему было и стало... лет! Крутых и могучих!

— Вот ещё вам и интересно, — хмыкнул Ермак, — где я родился, да ещё и крестился. А будто ты, Федот, не знаешь? Ты, прошедший со мной... э-э-э.

Помолчали, Ермак и его ближний сподвижник Федот. Федот скорее смахивал на самого лучшего и преданного друга Ермака, чем на одного из его немногих есаулов-атаманов; может, что знал «о-ране» и ведал «до-толе». Тут же сидел Симеоныч, круто наливаясь пойлом; Симеоныч был ставленником от Строгановых при Ермаке; однако Симеоныч человеком был свойским и винцом не брезговал, но оружием даже в пьяном виде владел мастерски.

Рядом сидели кучно походные атаманы Ермака Иван Кольцо, Иван Гроза, Никита Пан, Матвей Мещеряк, Яков Михайлов. Где-то чуть подале обитал «до того и доселе» неизвестный и лихой казак Иван Глухой.

Казачья верхушка Ермака думу несла. Как быть дальше?

Под ногами атаманов крутился малец пришлый, уже неплохой боец да любимчик Ермака, Чикус.

Ермаку было уже давно плевать со своей высокой колокольни. На всех и на всё. И на крутых братьев Строгановых, «царей Прикамья», и на самого Иоанна Грозного... Он, Ермак, так далеко забредший в своих атаманских вольницах и при своих больших невольных грехах, давно уже не был хозяином самому себе. За ним — скрадывались и тенями крыли его прошлое, и явно не давали шанса на будущее. Ну и что? Человека ведь что гонит вперёд? Не бесстрашие... невольный страх или быть в покаянии.

Прежде чем быть у Строгановых и потом двинуться в немислимо-непонятно-непотребный поход вглубь тёмной Сибири — каким же это надо быть сволочью и святым...

Ермак был и останется... Им...

Издалека была ермаковская потянется. А вдруг Ермак — тот самый Аленин из вотчин Строгановых на реке Чусовая? Но тогда кто до него, Ермака, грабил на Волге (и т.д.)? Ну, а вдруг он родом из-под Тотьмы или из села Борок, что на Северной Двине?

Ермак аж хрюкнул от разговора своих атаманов. Скривился.

— Заскучал, атаман? — Кольцо печально смотрел на своего Тимофеича.

– Да так, Иван, погрезилось. Пить-то, ма-будь, хватит? Впереди не широгон.

Святая и Долгая Русь никогда не будет бесталанной. Так повелела история, наши древние и прекрасные предки – скифы, сарматы, древляне. Так мы и есть...

Первопроходцы, ходоки, переселенцы, иноки, монастырская и боевая рать – ведь ими, исполать, жила и крепла держава от Балтики и до Синего Буй-Окияна.

Вот и Ермак (сдуру?) туда попал. Понимал ли он? Понял? Осознал ли всё же то величие, что сотворил Державе Русской?

То ли ещё будет.

«Страх-то какой», – вздрагивал приёмьш Ермака в ожесточённых схватках казаков с татарами Кучума. Стрелы били в бортовые щиты казацких стругов, но им в ответ рывкал по берегу огненный бой казаков.

А казаки Ермака были тебе не «куча башляй»... Верили ещё в своего крутого жоака, безропотно принимая его приказы.

Так откуда родился этот исторический бедлам – поход Ермака в Сибирь? Кто ЭТО родил и сделал? Нам, Русь – XVI – нужно? Вспомним: Русь тогда была под жёсткой рукой Ивана IV... Не забыли Иоанна Грозного?

Понятно, что на одной чаше весов самодур и круто-мнительный наш Иван IV, а на второй, маленькой чашке болтается... кто бы вы думали? Да, Ермак. Не перетягивает. Как при перетягивании каната. Тогда кинули туда свои силы братья Строгановы.

Братья Строгановы – им честь и хвала. Не забывая чести русской и свои интересы, купцы и промышленники братья Строгановы в 1558-м получили первую жалованную грамоту на «Камские изобильные места». В 1574-м – на земли за Уралом по рекам Тура, Тобол, и также получили разрешение строить крепости на Оби и Иртыше. Вот это Русь, Иван IV и Строгановы! Ермак будет попозже, и он годится, как уже знакомый продавинец братьев Строгановых на неуёмные аппетиты «своя и Руси».

Ермак появился у Строгановых в 1577 году...

В детстве Данила Чекан перелистывал древние рукописи своего рода. Интересно и здорово! Что заново переписано на новые бумаги, а где и старый хрусткий документ, к коим особо Данила и не допускали. Но всегда твердили ему: «Ты... такой-то, издревле... предков знай...»

Он из всего этого детского бреда уяснил лишь одно: всё прекрасно и всё прошло, но вот одна тайна с закавыкой осталась...

Какая?

Да нет, Данил, ты знатен и богат, родословен и корень твой идёт от... Откуда, спрашиваешь?

— Отвечаю, сын мой. От XVI века, в те пред-смутные времена 1612-го. Да, тогда мы получили для своего богатства титулы дворянские... очень высокие.

— А раньше как было у нас? — спросил «папа» неосторожный Данил. За что и получил гулкую затрещину и пожелание «читать надо больше».

«А военные много читают? Им же некогда», — вновь неосторожно поинтересовался у своего «папа» Данил.

«Болван!» — ответ был краток и дерзок. — Офицеры всегда были элитной Россией... и тебе ли, сосунку, рассуждать об этом?! Вольнодум. Марш в кадеты!» И читай поболее нашу родовую библиотеку... (Где-то здесь, в записях нашего первого «пра»-Чекана, и есть «богатый ключ» к отгадке...)

«... Как вроде давно это было», — вздрогнул полковник в сырой камере Екатеринбургского ЧК.

Ермак вломился в ту Сибирь то ли в 1579, то ли 1581 г. (из БСЭ). Но уже и всё равно — пусть даже торопят нас эти даты — он уже шёл...

Кто ж его, Ермака, так поторопил, этакую туру — шахматную фигуру (у арабов в шахматах — тура, башня, у славян — ладья)? В любом случае Ермак на выше не тянул, не позволяли правила игры и его ранг шахматного игрока.

Но... а... Ермаку было чем похвастаться, было что вспомнить! Ермака в одно время звали Поволжским, ибо возглавлял он отряд волжских казаков. Рослый, широколицый — он

внушал своим и чужим панический страх своей согбенностью и бородой. Черноволос. Крут. Чужого мнения не имеет. Плечист. Этакий... уже готовый к бою! Что решил – других мнений не терпел.

Как он попал к братьям Строгановым? Великие и заметные люди всегда нужны, требуются и необходимы; тем более Поволский умел держать своих соратников по делу в узде. И в 1577 году Строгановы «пригласили» Ермака с его отрядом для охраны своих владений от нападений сибирского Хана Кучума (БСЭ). Дубль II, БРЭ: и в начале 1580-х Строгановы, знавшие Ермака (по его, что ли, «прежним делам» - неясно), пригласили его отряд для обороны городков Пермского края от набегов татар и вогул.

Ну вот уже ближе к истине... Пермский край, эти «непобедимые» вогулы, ужас наводящие на русских своими цветными божествами и древними урочищами... в пещерах, в камнях, в лесу...

Небезгрешен был Поволский с его ватагой. Казачий отряд Ермака Тимофеевича долго действовал против татар в Поволжье. В 1580 и 81 гг. отбивал табуны лошадей у ногайцев на Волге. Занимался грабежом царских судов, иноземных послов и купеческих караванов. (БРЭ – 2007 г.)

Опосля чего в 1577-м (БСЭ-72 г.) стал у Строгановых «сторожем и охранником».

В 1580-м (БРЭ-2007 г.) стал у Строгановых оборонщиком городков Пермского края... который опять же богат лесом, приключениями, пещерами.

Братья Строгановы для охраны обозов держали отряд в 500 человек, возглавляемый Ермаком.

Всё же когда ушёл Ермак в Сибирь? Когда был у Строгановых? Что и где он делал тогда, в его свободное от «славы и подвигов великих» время?

Не было во времена кадета Данилы всяких там БСЭ и БРЭ, тем более рано им было быть во времена капитана Даниила Чекана... Но он, листая родовые документы и свитки, начинал понимать, что их далёкий предок Чекус и знаменитый Ермак в чём-то взаимосвязаны...

Ведь вроде всё просто. Должна быть видимая или неосознанная незримая связь: родственники, партнёры, однополчане... Это то, что очень плотно связующее двоих, пусть даже где-то «далеко». Но! – верно. Родственники – нет, обормотства и допустимости ровно в пол-устава; партнёры – гм... Однополчане – с натяжкой, но годится, и – а если они «до-партнёры»... Это что ж?

... Значит, малой Чикус знал тайну Ермака? И, быть может, даже «зафиксировал» её в своих: картах, мемуарах, тайниках, схемах, рукописях, библиотеке und so weiter! Немецкий язык Данила знал в совершенстве.

... Чёрт знает что! Donnerwetter (чёрт побери), дословно – плохая погода и ветер.

Мы плоховато знаем политическую жизнь того, давно ушедшего в небытие, XVI российского века. До того ли нам, светлым, всё в трудах и заботах, при хлебе насущном...

Так какая же заумь сказала забыть о предках?!

– Я вот щас восстану из своих могил, да как вам тресну, – громыхнул Ермак.

– Не-не, не надо, не требуется... Да и без тебя тошно!

«Н-да, – чекист продрал сонные глаза. – И пригрезится ж такое... дурное! Тут о революции думаешь, а пытаются пролезть к нам всякие буржуазные выродки типа Ермаков.

Тому чекисту Родина-Россия давно бы сказала: «Большое спасибо, будь вот у нас Ермаков побольше, а вот вас от-ермаковщины дабы вообще не было...» Но не сказала! Не успела.

Сам ли Ермак... Братья ли Строгановы... А может сам Иоанн-царь...

Но вроде идею похода в Сибирь «предложил» сам Ермак. Братьям Строгановым. И те её «горячо» поддержали. Знал ли наш могучий «Четвёртый» (Иван Грозный) о будущем покорении Сибири? Конечно, потом эту долгожданную весть от разбитой ермаковской рати царю донесли... обязательно!.. скорее его – порадовали; и так долгожданно порадовали скорее Строгановы... а как же – возвеличим Русь! Царь остался дово-

лен, весьма; вознаградил всех ратоборцев, может и казаков с Ермаком не забыл?.. Забот-то у царя много!

Ну, тогда, значит, и в поход пора собираться Ермаку. Час настал. Строгановы подмогли. Крах Кучуму шёл.

— Ух ты! Ах ты, — шумел молодой Чепус. — Во как бьют.

— Прикрой башку. Вниз, — осипел злобно Федот и треснул подзатыльника парню. — Мне за тебя атаман голову свернёт, если не сберегу.

— А ты как же, дядька?

— Ложись, придурок! Стрелки отобьются... мы им не подмога.

— А куда ж ты сам, дядя Федот?

— Ух-х, ну обормот ты наш... Дай бог отбиться, Ермаку тебя сразу «заложу», а от себя дам пару затрещин...

— Но они же, татары... дядя Федот! Я же так хорошо стреляю из лука и умею пищали перезаряжать. Скажите, я побегу казакам помогать...

— Стоять. Молчать. Лежать! — Федот багровел. Татарская стрела слямзила в сторону от его шлема.

Чепус прыгнул на Федота и завалил его на дно. Матёрый казак зашебуршал под мальчишеским телом, зло заругался: «... всякие тут...». Над ними пропели две стрелы.

— Федот! — рычал Ермак. — Да куда уж твои береговые ушкуйники смотрели! Прокутили такую мразь... оплевали наш караван стрелами как щенков...

— Виноват, Ермола!

Вскинулся Ермак, повёл взглядом тяжёлым вокруг — не слышал ли кто? А и да слышал если вдруг кто — должны смолчать.

— Хорошо, Фе-е-едот... знаю тебя, ходил ты со мной от Камских до Волжских, друг ты мне, но ныне-то я ж Ермак.

Чтобы вломиться в Сибирь, чтобы ее завоевать, чтобы покорить Кучума:

Ермаку: дано — казачья дружина при численности в 540 человек; плюс 300 военнопленных литовцев и немцев от Строганова; были с ним жинки и вольнопоселенцы, кои захотели идти в поход на худых условиях...

... вот такие вот дела...

В конце августа – начале сентября 1582 года вверх по рекам Чусовая и Серебрянка (Пермщина) отряд Ермака ушёл в поход. Отряд волоком преодолел Урал, прошёл по рекам Баранча и Тагил (Ср. Урал), а затем вниз по Туре и Тоболу.

«И где ж здесь река и местность Чеусово? – спрашивал себя офицер Чекан. – Я заблудил? Или они чуть приبلуднули... И всё-таки – что такое исходный пункт для похода «именно Пермский край»?.. Или тот же пункт окончательного пути ватажника Ермака?..»

Отряд Ермака разгромил «врага» в урочище Бабасан и у Караульного Яра, овладел улусами мурз Карачи и Атика. Октябрь 1582 года (конец месяца) стал страшным месяцем для Кучума... В трёхдневном сражении 23-25 октября на берегу Иртыша на мысе Подчуваш Ермак разбил главные силы племянника Кучума – Махаммеда-Кули.

Но тогда русские казаки были настороже... всё сработало! Береговая и речная разведка, сигнальная служба, аварийные службы на челнах, «контрразведчики» Ермака тоже поотличались – повязали десятка два виновных и невиноватых.

– Суди, Ермак.

– А что такая куча лазутчиков?

– Да они так и шастают по обоим берегам. Кучум хорошо платит им, видно...

– А кормит как? Если они «за так» готовы души отдать Богу... Разберись, Симеон... у половины морды далеко не бойцовские, да и слишком хитромудрых рож тоже не вижу. В чём-то, в чём-то... откуда знавает Кучум о нашем приближении... маршруте нашего движения. Ты спишь, Симеонч... Ты на кого, гад, робишь: на нас, на татар или на хозяина???

Ведь как бывает в природе? Два разных человека садят в один и тот же грунт одно или другое... и получается поразному. Нет, здесь причина не в разнорядье и разнополье, и мало дело в тех удобрениях... Всё надо для природы-матушки! Вот только...

Да, нет полива, внимания, точновременной посадки по лунному календарю... всё правильно?

Если ты не вложил душу в это... любое другое дело... значит, ты – не русский, и душа твоя поганая, исполать от тяжкого XII века...

Русским – поганый закон не указан.

Чикус понял – не надо вечно болтаться и под стрелами татар и под внимательным взором Ермака. Не мешай, без тебя «Будь» проблемы; не забывай, щенок, кто пригладит?

Так и «катился» приبلудный Чекус. «Что он без дела ходит? – сказал как-то Ермак. – Под ногами шарахается, плыть мешает, прослыл попрошайкой у коштваров. К делу его, к делу! Симеоныч, хнырь строгановский, хоть и при памяти мы с тобой обои – сделай из Чикуса... отблагодарю!»

– Да как скажешь, Ермак. Убивца мне готовишь... я-то у Строгановых человек подневольный. Чую, да и замена ТЕБЕ из него... не будет – мелковат, маловат, чудо.

– Нам с тобой, Симеоныч, – вдруг «потянет»? На Строгановых и ИОНа у-сунем, вдруг...

... Ну вот и ладно. Сделай, Симеоныч, бойца.

Ох, как казак Симеоныч бил юного, страшно было! Колол боевым, бил плашмя наотмашь, познакомил «в-друж» с российским чеканом – смесь чего-то гремучего от россов: секира, кистень и копьё... сдохнуть проще...

Не любил Ермак, когда его выкормыш и любимец шарахался без дела и слонялся пред глазами. Не щадил... а в глазах его стоял тухлый огонь.

Не прост, ох, не прост был энтот самый покоритель Сибири! ... Да и кто говорит, что всё так просто; не верьте, плюньте в глаза.

... Откуда столько злости, удачи, удальства и бес-башенства к своей личной персоне? Да и хозяин ли он был сам себе, Ермак, ПОТОМ, не захотев и не вспоминая других... и себя – из станицы качалинской, что на Дону; впрочем...???

Крут был Иван (И-О-А-Н... россы – «потомки» Византии и Греции, да? Да!). Но... гнал своё, по Руси обездоленной, укрупняющей, ещё тупо-боярской, вечно-мнимый и вечно-воитель...

что сына убить; что непокорную Казань брать; что седьмую жену взять... всё едино!

«Чем и сильна – присоединением. К НАМ всех дружке и недружке» (откровения Иоанна Святого; не путайте с у-«ГРОЗОЙ»).

Иван IV Грозный (на то он и грозный), при всей пока его малогрозности, успел... успевал кукишем грозить...

Хотя бы на Восток! Про Запад Ивана IV Грозного вы знаете и без того...

Ермак вписался в... XVI век России. Не был забыт, не был «обут», потом привечён посмертно... да и грехи его...

Это только кажется, через века, что всё-то так и просто. Пришёл, увидел, победил. Грязный, мудрый и тяжёлый был тот век наш с противной, западной стороны от Руси. Всё-то там было, не нам чета...

У-помним, христиане!

В году 1453-ем Византийская империя (а и наши, русско-греко-корни, то есть – «утеряны») прекратила свое существование, став далее Османской империей. Но это – давно; а что при Ермаке в 1580-м?

... Всё уже «чуть позади» – Колумб, Магеллан... Но в 1588 году англичанами побеждена «непобедимая армада» испанцев в проливе Ла-Манш... В 1600 году был сожжён Джордано Бруно. Вот, значит, как! Ермаку, однако, наше благодарное потомство поставит монументальный и неплохой памятник-стелу в сам-граде Тобольске, и виден он «был и должен издаля», – как и есть на самом деле!

Трудно ли жить и быть волком-одиночкой в этой наше-ныне идущей жизни? Да как сказать. Всё зависит от самого человека. От – Самого. Один человек нарасхват и одинок, другой – всем нужен, но опять же одинок. А если и сторонится других, своих ли чужих, уже заранее не доверяя и не ища дружбы... страшно! Ну и что? Ну и кто они, «волки-одиночки», по своей долго-ли-короткой, ярко-рыскающей жизни?

Остатки Кучума откочевали после разгрома в степь, и 26 октября 1582-го отряд Ермака занял столицу Сибирского ханства – Кашлык...

Что в 17 верстах от Тобольска.

Удача, судьба – слова русские, означают пункт и точки жизни, линию удачи. Никто не погрёт из русских супротив, ибо они знают значимость этих слов. Однако у русских упрямец – первопроходец, старатель и изыскатель, знают и ещё одно понятие: «Прорвёмся!»

И именно – я, и никто другой.

Если не Я – то кто... другой???

Прорвёмся, погрузимся, восстанем твердыней там, где нас ожидали, и там, где мы будем, есть и должны БЫТЬ.

В начале 1582-го Ермак вновь разбил Маметкула, ставленника Кучума, взял его в плен на реке Вагай... И начал приводить к присяге местных на верность царю Ивану IV Васильевичу Грозному.

И отправил в Москву пленного Маметкула. То был знак высшего пошиба тогдашней Руси – и Иван Грозный уже целенаправленно впёр свой взгляд и антиресы российской земли исполать вглубь: «А не пора ли, да и узримо, приблизить те земли дальние до благодистой Руси?» Пора.

Хрен с редькой вам... Кучум может и не знал в своей глухомани северо-сибирской такого «овоща», но был и не менее крут казачьей вольницы и разносброда Ермака. Кучум бился и воевал, ратовал за те же «жизнь и волю», что когда-то отбил у других.

– Что, попало Кулям! – ухмылялись казаки. Вместе с ними смеялся и поумневший подрастающий парнишка родом то ли с Белых Гор (– и на Каму!) или же бегун от ярма Строгановых.

Довольны казаки славного атамана Ермака: сыты, в день кашевары готовят на плотах и стругах, на ночь глядя притыкаются к берегу для ночного отдыха; пищальный бой и береговые разъезды разведчиков охраной верной несут покой рати ермацкой... всякие там мелкие и глупые стычки – не в счёт (не в счёт).

Ермаку неймётся, да и казаки в бой рвутся. Уверены в своём бое, непобедимости и непогрешимости. Свят, свят! И вера наша с нами, христианами, понесём её местным чумам, кышлакам, татарам, долганам, вогулам и иже с ними...

И присягал Ермак местное население на верность царю Ивану IV Васильевичу Грозному, царю Всея Руси... взимал дань (ясак) в пользу русского государя, за что было ответно помощью всегда в поганых случаях, защита от поганых татар и ворогов российских, мирная маета.

Идиллий было мало. Для Ермака. У Руси той поры и у Ивана IV хватало забот – ...полон рот непокорных и бестолковых даже в своих землях. Хоть и мнителен был Грозный, но Русь сколачивал крепко и надёжно... хотя и Русь при нём была страшно разорена его извечными походами и страстями; но да когда Русь была едина и не твердолоба...

[Вот только после ЕГО СМЕРТИ, великого и грозного ИВАНА, «вдруг» вступила на Русь Великая Смута, долгая и беспрецедентная для Руси – ...вплоть до далёкого 1613-го...]

Страшно; непонятно... горечь берёт!

Ни Царь и ни Герой, слава Богу, не дожили до своего извращения...

В 1583 году, во время похода по Иртышу и Оби до Назимского городка, Ермак со дружиной подчинил обширную территорию, обложил ясаком.

... То ли Токмак, ти ли Ермак? – имя греческое, «ждущий» или же «уважающий бога»... Ах да, это же к «Тимофей-имени» относится.

То есть – к отцу Ермолая Тимофеевича Токмак... к отцу Ермака???

– Скажите, полковник, Вас же должна заботить судьба вашей семьи? – голос чекиста был сух, без эмоций и раздражения.

И откуда таких только взяли? Из бывшего сыскного отдела Империи из пламенных и интеллигентных революционеров-народовольцев.

— Что вы хотите этим сказать? — голос царского полковника-генштабиста не дрогнул... не то он ещё видел... видел то, что и другим не снилось; невольная и пакостная измена, бездарность и безвольность «граждан в сюртуках» 17-го при юрпни-дегустации.

[Да, «мы», великородные дворяне древнего рода Чепус-Чекан всякого навидались... знакомы-с были со многими, знавался и в Питере во времена Первой Европейской войны – «Потом её обозвали I Мировой Войной»... Так вот, знавал многих, нечасто видясь, по штату и роду работы не лежало; но «знавал» и Александра Васильевича, он мне понравился и я ему почему-то вдруг подарил золотой портсигар моего далёкого предка... толком и не знаю его историю, этого портсигара – тяжёлый, много золота, с непонятными филигранными вензелями и инициалами, в мелких фигурных нашлапках, так странно отдающих стародавностью и велико-непобедимым русским духом...]

[Пройдёт чуть «немного» времени и «расстрельный» Колчак бросит под ноги чекистов где-то под Иркутском золотой портсигар: «Пользуйтесь, для будущей нашей России. Свою я потерял».]

То, что в квадратных скобках, об этом никто не знает.

Но Тот ли «это» был? У Большого Адмирала... как говорится? У большого корабля большое плавание... «сувениров» под подарок и отвагу много.

Откуда знать и ведать тогда было блестящему офицеру генштаба, брэнчащему медалями и орденами (но, однако, – Российской Империи), что ЕГО, ИХ и НАШИ «гнусные» потомки возрешатся поставить наконец-то памятник северному исследователю А. В. Колчаку, атаману Каледину на Дону, Большой Крест для Романовых и будут умно говорить о Капшеле и бароне Унгерне.

... Что? Свято чтят ушедших и отмахиваются от своих (Сахарова, Солженицына, Рубцова, Высоцкого... кого ещё там рубили под горячую руку в последней четверти XX века...)

— Я очень плохо осведомлён про судьбу своей семьи. И своих имений. Известно, что моё Белогорье разрушено, а Уральское вроде как при памяти...

— Да. О судьбе Вашего Белогорья вы осведомлены очень даже неплохо...

— Да, там погибли в вашем огне, развязанной вами гражданской войне, мои дорогие женщины – жена и две дочери.

— Не мы ЕЁ ВАМ навязали... И, кстати, Вы же бились на стороне тех... что потом снесло всё и тысячи ненароком. Дорогая цена?

— Не я её навязал...

— Но кому-то надо расхлебывать.

[Екатеринбургское ЧК.]

— Скажите, вы понимаете, что Россию надо спасти... Золотой запас России ограблен... Если мы, молодая Советская Россия, не найдём выхода, мы будем вынуждены издать в обращение ГОС-ХРАН. Вы нам в ЧЁМ-ТО поможете...?

А в чём?

— Где-то есть ваши родословные богатства... которые, скажем, находятся «под спудом». И вы их нам даёте, молодой Советской Республике... так? Да? Или же помогаете нам найти их. О чём очень просят наш Феликс и Ильич.

Вы понимаете – о чём я говорю? Я – вам – что-то – говорю, а вы в трансе, да?

Транс? Чей? Когда, как и где...

— Вы были здорово обморожены, контужены, при... полковник! Очнитесь.

Дворянин наконец очухался, недремлющий чекист был на посту... пол был залит кровью, разбавленной водой.

— Соколов сказал, что после Екатеринбургского ЧК на Урале, да и в России, всё бледнеет...

— А вы что, были представлены Николашке... — поправился круто, — Николаю П?

— Он, возможно, и не знал лично про меня... но про Генштаб свой ведал и разведку свою уважал.

— О, так вы, получается, из колчаковской контрразведки, которая уничтожала везде десятки пролетариев, несогласных и подпольщиков...

— Я к этому отношения не имел.

— Правильно. Полковник Чекан при штабе Колчака имел

отдельный статус... неприкасаемых. И даже сам Верховный с Вами обращался только на Вы...

– Что поделаешь, старые знакомые.

– Отнюдь.

Отнюдь – что? Почему Колчака и СовРеспублику здорово интересовала судьба и маршрут последнего похода... завораживающегося почему-то именно в Пермский Край, таёжный, ледяной, негостеприимный.

– Скажите мне, господин следователь...

– Гражданин следователь! – поправил аккуратный чекист. – мы для Вас, Чекан, давно уже не товарищи, да и дружьями почему-то не становимся.

– Скажите, где мои сыновья... которые были ещё живы при мне?

– Вопрос разумный. Но стоит ли на него отвечать, если ВЫ не хотите ДАТЬ главного ответа – зачем ВЫ на Пермщине...

Там полёт в глуши

и стуже ни в чем не

повинный ВАШ батальон

отборных царских вояк...

[Про ваших сыновей мы посылали запрос. Вы, господин Чекан, может... и, видно, плохо следили за их воспитанием, коль оказались все они странными и разными... Быть может, вы не успевали за своими вольнолюбивыми чадами... а что жена и мать – сыновья всё равно сильнее и круче матери, на том и стоит человеческий род.]

Квадратные скобки – они и есть квадратные... – никто не знает, чужой не ведает:

– Где-то, быть может, в это время или потом скакал белоказак в Оренбуржье, дутовец скорее всего, из-за известия, что его любимая жёнка сделала ему первенца – а его уже ждала на окраине засада ЧОНа...

– Где-то гулял и недогулял в степях России малой придурок и анархист, оторвавшийся от бабки и мамки, да вечная память революционной молодости!

– Ну а третьему?! Как на развилке; и конь сдох, и жена

пропащая, и богатства нема... зато всё есть – и химера красная, и мечта необъятная в несусветное.

Я не знаю, слышит ли ПОЛКОВНИК Чекус (или Чекан) через годы гражданской и застенки ЧК:

У вас только один сын,
чудом оставшийся в живых
ДЛЯ «ПОТОМ»...

ЕГО – куда «совать»? Убить как «двадцатипятипятитысячника» в будущих колхозах? Заставить погибнуть на гиблом фронте 44-го под Ленинградом?

... И зачем и почему маленький Чей-кус тогда оказался в стане Ермака? Чтобы стать «едино-непобедимым потом в веках» коммунистом-большевиком...?!

Ермаку было не «сладко». Ждать и догонять – удел не для слабых. И хоть знали Ермака по его прежним ватагам и подвигам, но ведь время – вещь несоизмеримая...

Страшна, паскудная блудо;
Неправило... кто – оно?

До подвига и греха доводящее?!

Ермолай не был из «чердачных», да и атаманы его, бывшие чуть вздыбатыми, понимали: назад броду нет, погибших заранее и ранее мир наш христианский не..

Так как они жили?

Без покаяния... оно им нужно было?

Да разве все они не верили в Христа?

Верили. И крест нательный имели.

Что, Ермак, басурманов бить идём? Идём. А ранее-то – кого бил?

Сломалось что-то в твёрдом Ермаке.

Гулял и брал ясак как во сне, при-дуру, зазря. Но страшно не становилось – сильна была разбой-закалка, а ей-то всё дозволено... Эх, где мои ступари и чеканы, где мои битые челны среди иноверцев – ВСЁ МОЁ!

Ну что, Ермак... ты разве ж не понял, что от себя-то никак не уйдёшь! От судьбы не уйдёшь, не закосишь... вот оно...

И Ермак двинулся по Иртышу. Тяжко было раздумье Ермака – погиб его отважный атаман Иван Кольцо с его отрядом – был бит Карачем.

Кучум – он и есть Кучум.
Ермак – он и есть Ермак.

Однако Кучум всё ещё сохранял значительные военные силы.

Однако Ермак, казак рубленый и человек неподножный, отправил казаков с отпиской о завоевании Сибирского ханства. Шансы: один – по нулям.

Так царь наградил ерма-кольцев за Сибирь? И подарил Ермаку два панциря, что потом его «утопили»...

Утонуть в холодных сибирских водах можно запросто даже при обычной кольчужной рубашке... Если ранен, при крови; и добит... А добивали всех подряд, ТОГДА, в тот далёкий и жуткий день для Ермака – всех и подряд, когда они «нарвались» на 6-е августа 1585 года, что будет чуть позже... Враг хитёр и коварен! Огонь...

Пищали не спасли казаков Ермака. Пахло чем-то и здесь явно нехорошим. Симеон вражий, Строганов блуд, он подкузьмил??? Но Симеон, защищаясь при падении, погиб одним из первых... того же не может голова квадратно-пустая, ... как у тех, Строгановых на Каме, у-ками, о-ками...!

Страшно! Сотни человек...

Что порублено... зарублено... ну ин и на него...

Был мудр Ермак. Не нам чета. И не стояла тогда бы его голова... стела под Тобольском – большим небоскребом Кучумской татарвы... Русь на нюх плохо переваривала татарское азу, чухню и ддр... Плохо ли – но стоим, после монгол и татар...

– Слышь, ты, недокормыш, батька взывает...

«Недокормыш» встал, крепкий и плечистый парень, хмыкнул. Пошёл... Давно он уже перестал быть у Ермака мальчишкой на побегушках, который верещал со щенячьим восторгом

что-то глупое типа «Чей кус?»... владение старинным русским оружием типа чекан само по себе уже что-то говорит о человеке – ещё не муже, но уже далеко не мальчике.

Карфаген должен быть разрушен. Вряд ли, однако, знавали эту древнеримскую мудрость на Руси шестнадцатого века. Где-то и когда-то Пунические войны в Северной Африке – и где-то и зачем-то татарские войны в Северной Евро-Азии.

Но всё равно – Кашлык должен быть разрушен...

Погиб в неравной схватке атаман Иван Кольцо, сподвижник Ермака в его тяжёлых нелёгких походах. Вместе со своей ватагой. Но вот почему, говорим мы, он ушёл из жизни от подлых рук тупых сибирских татар... – может и последние тоже жалуются на русское вероломство...?! В войне нет праведников и правильных слов – доказано давно первыми и последующими цивилизациями мира, будь то Рим, Египет, Урарту или даже Скифия... Но – горе победителю и смерть побеждённым!

«Кукушка, кукушка, сколько мне прожить лет?» – так может спросить только уверенный и упрямый русич. Ермаку, к примеру, она накуковала сорок пять долгих лет; впрочем, атаман слава богу, не знал сего, не ведал про своё 6-е августа 1585-го... кукушка-то – птица пустая, подбрасывающая свои яйца в чужие гнёзда, однако при всём при этом кукушка – птичка святая на Руси, ан гляньте на какое-то старорусское поселение Кукуево, или на эту же птичку в старых механических часах с окошечком (заметьте, там не ворона каркает, не соловей «коленца» ломит, не жаворонок заливается, да и дятел тупой не отстукивает вроде как по стволу). А такую несуществующую науку как «ждать и догонять» мог придумать только и обязательно мудрый русский, да? А непревзойдённое «мордой об стол», этакая ипостась передачи молодым опыта и знаний... – знаете, довольно толковая правильность. Вот только по жизни у русских всегда почему-то «тройка» (удовл.) по философии; ну да это издержки всякие там разные (какие – догадайся сам...).

... Ну вот и ладно – святое дело казачьего атамана Ермака и святое дело золотопогонного полковника Чекана катилось под развязку (конец – делу венец?)...

А и хрен с ним! Вот так выразились бы россы на все уда-

ры судьбы. Э-э, а вдруг «хрен» – это нечто византийско-греческое или индейское? Э-э, не так прост русский, чтобы за свои долгие века понять истину и сказать, врубить каменные слова типа «хрен редьки не слаще». Вы, их великовозрастные потомки, знаете ли чем кормились наши предки по тем временам – каши, овощи, разносолы, рыба, мясо, медовухи... до картошки и алюминиевых ложек тогда ещё ой как было далёко.

... И Ермак, побивший Кучума и увёдший его подневольных жителей «под длань Российскую – с присягой и ясаком (а как же иначе?!», порешил отослать наконец вестюшку Государю о «прибавлении семейства русского»...

«Пора, ох как пора, – думу думал горькую Ермак на краю Земли Русской. – Зря я что ли попинался об твердь земную...»

«Да и грешил... много! На кого, зачем и почему я оставлю «СВОЁ»? Ох ты, ты хрень собачья, гадалка волжская из булгар... мягко стелила, да удачлив, мол, буду, да счастлив и богат, да тебе... пожалел, с-сулил «копъё» богатое, а она и-ан рада, давай дальше верещать!..»

«Судьба у тебя, мол, удачная...»

А что такое – «удачная»? Ответьте, геть!, мне мои ушедшие в тот неведомый мир мои казаки и братьовы... С коими мы заложили богатства несметные, от грабежа и удали волжско-камской, ногаев пощипали, далёко и жёстко ходили... Мало кто выжил... остальных глупых пришлось успокоить навеки – глаза шибко оказались разнузданными и норов неспокоён, мором золотым побиты...

Дык, кого ж услыть в Московию, под грозные очи Иоанна? Ведь не воспримет сурового казака... О подаяти и подарках – соболях и прочем для царя, ясаке тоже – позаботимся. Но ведь не стоит забыть и «СВОИХ», братьовъёв Строгановых, которые своё не упустят, пусть даже идёт Ермаковское посольство к государю... – но ведь мимо «них»..., а кто ж пропустит пусть даже государственных, но ермаковских лиходеёв чрез свои владения... Каждый жить хочет, и живёт как может.

Ермак дышал тяжело, плох был, пробила простуда.

- Слушай ты, отрок мой Чибис или как тебя там...
- Чикус дали имя. Вы сами, Ермак Тимофеевич.
- Имечко какое-то странное.
- Сами нарекли.

Угрюм-Ермак хмыкнул в свою густую россошь на лице, потом ещё раз хмыкнул, процедил:

– Да ну, сам тебя и обозвал? А ты уже и привык к новым пачпорту, да?! Ну хитёр-бобёр.

И они оба, Ермак и рядом находящийся его приближённый, загоготали, хрипло и надрывно.

Парень не обиделся.

– Что зенки вылупил? Смотришь на меня с Семёном как на придурков? Иль волю взял?

Чикус пожал неволью плечами. Однако дрожь пробрала под хмурым взглядом атамана; он поёжился и даже обхватил плечи руками... впрочем, быть может, это был предрассветный туман.

– Пойдёшь, друг мой... знаю, что мал, но зато и смышлён – гонцом во главе моей миссии до государева ведома. Докладать бум надо – Сибирь у ног, чуть обуздаем ею... и владей, государь! Прорвёшься через Каменный Пояс, Волгу, чрез дворников Кремля – падёшь ниц и скажешь ЕМУ: Сибирь с Ермаком у Ваших ног, государь!

– Путь долгий, мой маленький и мудрый старичок. Сопровождать моё – ТВОЁ – посольство пойдёт Семён, мой лучший брательник и артельщик... да ты поди так и не понял, кто таков он – Семён Семёнович мой, если короче и по-древне – то Симеон. Что, Семён, ноздри зачесались, да? Чикус: если у меня судьба интересная, то у нашего Семёна она вообще странная... – чуешь, он всё свои ноздри ощупывает; да ещё не вырвали тебе их, Симеоныч, не успели, долго мудрая...

– Спасибо, Ермолай!

– Не смей!..

– Спасибо, Ермак, твоими могутами...

– Вот так уже лучше. Даю вам боевой струг, при полной памяти и наборе; гребцов – татар и чурок пленённых; пороховой запас, харчи – выгребайте до Москвы-матушки.

– Погребём.

– Надо чтоб Слово моё дошло до Государя и стало Делом.

– Гребём, Ермак! – И Ермак всех выгнал.

– А по пути «загребёте», когда пойдете Туда, – только без любопытных – к пермякам... полюбоваться одной ледяной пещерой. План и наказ дам. Верю. Единю ничто мне не остаёт-

ся. Аа??? Завезёте Стругацким, Строганам, на реку Кама дары мои – соболей, оружие... должен я им, крепко обязан... дабы порадовались они... да вдруг и своего пороха для наших пищальников подкинут. Я человек не брезгливый; да и они должны понять, что в проигрыше не останутся. Так что у них большой интерес: сдать вас дальше на эстафету до Москвы. Вот только ход в мою «Ледяную» – тут брякать языком не треба. Уловил, Федот? Ты у меня един, кто ещё знает тайну Ледяной Пещеры. И вот ещё будет этот гусь-недомерок Чейкус...

Сопровождал «посольство» Ермака в Москву, шедшее под «Государево Имя», не Семён, Строганов сын, а Федот – верный от Камских до Волжских болотин Ермаку лучший друг... последним «kozyрём» рискнул великий сибирский атаман.

И... проиграл?

... Ермаковское «великое сибирское» посольство шло и плыло из Сибири через Камень-Пояс до Пермь-Строганов... и вдруг-де стоянку бо-ольшую и лихую сделали близ Перми, да и налетели на них тогда лихие пермские небожители.

– Пришли? – зачем-то шёпотом спросил Чекун Федота.

– Почти. Своих казаков посольских ставлю на постой, временный, пусть караулят ермаковские соболиные дары для Строгановых, старшого я назначил – надёжный малый... Ну а мы – от Перми до Кунгура, до его ледяных пещер, ну-с-сотню старинных вёрст.

... Смотри, Федот с Чекуном – не «приржавели», не обледенели ли «дары божьи от Ермака» в одной из знаменитых тех ледяных пещер... Ермак повелел проверить... для отходняка ли их САМИХ, грешно остающих тогда в жизни, или –

«Заберёте часть. Годится для долгого пути с Камья до Московии... горя в пути знать не будете, лишь не забывайте чеканом и кистенём помахивать в дороге, – напутствовал Ермак своих концов. – Верю тебе, Федот...» – а тебе, Чепус, верил Ермак, что «такое» вверил?!

... Дело даже не в мыслях, в действе; идущий опережает дело?

Вот так и делалась знаменитая потом – нынче и ранее Российская Империя, сожравшая и слившая в себя десятки народов, наций и национальностей, этносов и малых народностей, возродившись от Камчатки, Сахалина, Аляски и Калифор-

нии до Польши, Карпат, Крыма и Приднестровья, от Фин-Карелии до Иран-Пустыни... Велика Россия! Но отступить НАМ некуда...

... Ну что? Казаки Федота где-то встали на постой, довольные славно... как псы перед кормушкой, караульте дары персейские (ну уж кто-кто, а казаки знали персов, не единожды их усугубив на караванах).

А в сторону ушли разезд казаков с Федотом и Чепусом в сторону Кунгура!

«Тпру», — тихо-молча отфыфурился малый казакий. А двое ушли куда у-в-темь...

Темнота — друг тайны? Ну, может, не всегда... когда возвращаешься и знаешь, что и где искать — да, тогда темнота твой дерьмовый и лучший друг.

Но вообще-то, когда ты делаешь серую пакость непобедимую, тебе не помогут ни свет ни заря.

... Извините меня, — разбой-казаки знают...

* * *

Страшно стало Чепусу-Чекану! Когда перед тобой не обязательны русские придурочные сундуки, но когда пред тобой...

— Видишь? — вдруг прошипел над ухом Чепуса голос верного ермаковца Федота. — Нам хватит этого? И стоит ли идти куда-то, судьбу испытывая, до Москвы? Может...

Страшно стало изгою русскому, казачку Чеп-Чекану...

— А ты что думал, хренов казачок, прилюбыш Ермака... — владеть сим будешь...

— Оно мне, Федот, и не нужно, нетребба...

— Все мы так думаем, оп-пока...

— Так это ж не я «заработал»!

— Все так думают... Ну и получай! Ты последний, кто знает тайны кунгурских ледяных пещер... А Ермаку...

— Что с батькой Ермаком?

— А ты не понял, его приёмьш... Батьке жить не долго... доконает его «хань», пальцы даю на отруб...

... Ну что, гадёньш, приёмьш сучий и неведомый, Ермака знаю — а ты кто, не должен ты владеть НАШИМ, не имеешь права...

Они сошлись где-то среди льда Кунгур, старшой и младшой, завершая дело Ермака, его «Ледяную Быль»...

А если честно, то всегда холодом несёт от судьбы многих наших российских – да не забудьте братьев Лаптевых, Челюскина, Хабарова, Атласова, Беринга, да?..

... Да не волнуйтесь вы, прошёл «посольский» Ермака через Хребёт, не застряв и в Каме, одарив «последних» серебром соболиным... а заодно и золотом натурным... вот только откель оно, мало его чтило (опадало) в тех местах, но было оно не весьма скромно – «для Строгановах!»

И посольство Ермака с Богом и при Прицепе пошло «куда надо». Строгановы благословили, Русь должна принять.

Дошёл до Иоанна призыв с Сибири, нашёл он на него время и глас... но велика Рос-с-и-я... пока тянется да достанется...

Пал посол ермаковский пред Великим Государём; остекленевший (и не знающий «быть или не быть»); ждал отрок «Чепас» (так прошёл по канцелярии Царя) милость божью российскую, дары пушные и золотые преподав Государю нашему Росси, в чём и одобрен был...

И ВОЗВЕЛИЧАВ.

Помощь пошла Ермаку указом царя. Вот только... правильна ли была и своевременна?

Ну и почему бы и нет?

У Великой Руси что, не хватает забот об «окраинах»? А края империативы всегда есть...

Отряд в 300 человек под началом князя С. Д. Болховского «пришёл» на помощь, дабы поставить Сибирь на по-колени... В помощь Ермаку? Чьё тогда казачество мучилось голодом и не-величием порохового запаса... Велико ли страдание (старание) нашего Великого Гос-сударя?!!

Ну-явно: «дошёл» Ермак?

... Вся царская рать, присланная подмочь, вымерла от голода в том самом Кашлыке.

...Всё-то мы знаем, о многом понимаем, стараемся не забывать.

Но профи у нас будут – те же Ермаки и Кучумы. А гляньтека, у них и имена историко-музыкальные:

Ермак и Кучум!

Одно из них потом необязательно будет для жизни. Горе – побеждённым, зачем нам Кучум... а с Ермаком что делать?

Так вы кто? Потомки Сибири.

С той полуголодной легендой – а Ермаковщина на самом деле чуть голодовала, – для них, казаков Ермака, в ту пору весть пришла вдруг, что господарь изошёл для них припасом, огненным боем, сукном, оружием, медовой, ... – в общем, всем тем, чем чёрт приспособит для военного только человека... И никак не иначе; звонкой монеты и серебряных царских «ефимок» не последовало.

А какого... кто ждёт... Чудес... на Севере?

А стоит ли ждать. Чудес на Севере. Кто не был там – тот пусть и ожидает. Север чудес не любит, для дурных и экскурсантов; он, вообще-то, сам поможет курс и маршрут вам проложить...

Север – страна. Особо – если ты для него не знаком. Вот и гуляй, чучело, направо и налево, а Иван-русский напрямую – там фарт, судьба, удача, там хрень и спокойно умереть не дадут... Там всё...

Но мне туда не надо?

Голодной рати Ермака уже не было куда сунуться, как куда-нибудь к югу, на юг, откуда чалили восточно-хитрые купцы в эту «степь»...

... Где-то там умирали ратники князя Болховского, в чужом далёком и разрушенном им не нужном Кашлыке...

... Привезли Ермаку не панцири золочённые и не шубу с царского плеча, и не кубок позолоченный...

Вы поняли? – дурь никогда не стояла над Русью... другое – да, быть может...

Ему, дальнему Ермо, отдали, пасынку, – припасом и сукном. Лучше бы порохом и людишками...

Всё-то вы правильно говорите... и правильно! Любо вас слушать, но вот только стоит нашему «россиянину» где-то чухнуться...

Судьба и смерть Ермака нам известны. Мы – сыты. Как и что – знаем историю. Уж-ну-уж, в чём-то мы здесь не промахнёмся; не лоханёмся, по-иному... а жаль вас, учёных последышей, историков и мнительно истеричных.

Вы же кто? Ба-а... вы суть земная... и чья же?

Ермак двинулся по Иртышу. И попал в ночное нападение. В ночь на 6 августа 1585 года опять же тот Кучум напал на отряд Ермака и... уничтожил его (!). То случилось на притоке Иртыша р. Вагай. Не спасли и утопили его царские «панцири»? И так ли это было для вечно-стороженных казаков – неожиданно? И куда там раненому Ермаку (легенда) переплыть Вагай...

Так всё ж утонул – наш, мой, ваш – Ермак на притоке Иртыша... Утонул.

Не воскресить героя! Своего и такого; Югра, вогулы и долганы (ханты и манси) потом, быть может, всё ж склонились «за ним»...

(Мы видели ханты и манси наших времен – ну и?..)

Ну вот и всё! Остатки дружины Ермака под командой М. Мещеряка отступили из Кашлыка. Часть отряда Ермака осталась зимовать в Обском городке... Потом его отряд в 90 человек с Иваном Глухим через Урал ушёл на Пермь.

... Хоча сказать, на прощанье, напоследок, дайте слово: что бы делала Русь без великого и безымянного своего Ивана...

***

- Здравствуйте.
- Здорово, коль не были!
- Как почивали, Данило Чекан?
- Прекрасно, господа чекисты.
- Сидишь передо мной, дворянчик... ведь всё равно расколю, где твои подпольные чудеса и богатства.
- Ты что-то хотел, чекистный холуй? Расстрелять?
- Да хоть с-щач...
- Ан не получается, кусок дерьма! Ведь государству, даже такому, нужны золото и бриллианты... золотой запас России, который про-с-спали, и который вы...

– А вам-то, полковник, что до того? Имеете шанс?

Полковник затих сразу, не горячась.

– Слушайте, – задумчиво повёл беседу следователь, – если вам – 50, а вы мне то ж, да и на свободу вас...

– Понял вас! – и полковник Данила Чекан врубился в чека-казуистику.

– Зря вы так, полковник... Вы ж не просто бело-герой и царства-идол, вы – «золотой»... Так где сокровища на Среднем Урале?

– Где? А вот вам... Не понятно, но здорово! Двести пятьдесят человек – это здорово, собранные под эгидой и зовом бумаги «секретно и важно» – это он тоже здорово... двести пятьдесят «отборных» рыл из казаков, офицеров, кадетов, дутовых, календиных, каппелей – это же сила несдаваемая и явно непобедимая...

А между Пермью и Кунгуром, зачем-то, есть где-то чуть на юго-восток какие-то древне-ледовые кунгурские пещеры... Ну, ледяные они и ладно, вовек их не видать, красиво и глупо, кому нужны...

Туда шёл полковник Чекан.

И здесь почему-то его ждала засада ЧК и ЧОНа.

Все друг друга ждали, «по тем смутным временам...», очень ждали и желали встречи.

Приказ по ЧК и ЧОНу: «Офицеров брать живыми; обратить внимание на полковника, который может быть «иным» – его взять и обязательно живым...

Взять.

Живым.

Доставить в Екатеринбург.

«Задание особой важности. ЧК.

... повторяем – полковника взять живым...»

Да откуда же знал и ведал полковник Данил Чекан про свою сволочную известность высшим карателям, когда его двести пятьдесят...

Бой длился настоящих четыре часа. И обложили батальон Чекана – настоящий полк красноармейцев. Чекан уже успел рехнуться мыслями... Ну-те, на-те...

Кого он отобрал с «согласия А. В. Колчака» в свой спец-батальон для святого дела... Те были бойцы закалены. Кто предал? Знал?.. Но золота без звона не бывает...

Бойцов, тех закалённых под «Георгий» и при Добр-Армии у Каледина, тупых и идейных «дубов», молодых – всё это было стёрто после умной четырёхчасовой атаки силами красных! Всё насмарку, всё коту под хвост! Чекан видел «свою Россию» в деле, ещё в ту свою Большую Войну: «болота», «прорыв», и было уже понятно...

... А вы знаете... я засмотрелся, в пылу боя... и даже не туда. Поверни морду на три с лишним сотни лет назад! Да на Восток! Вот то от правильно... по-русски!

И не успели охнуть «георгиевские кресты» и унтера из отборного... (тех, кого забирал «для святого дела» полковник Чекан – для совершенно секретного дела).

Извините меня, я – человек военный, не с паркета и не втихаря... знаю многих по окопной 15-го. Брусилова знаю, сильно уважаю – человек! Он на вас ВСЕХ... круто получилось, бог на его стороне...

Слушай, Ермак наш любимый... Недотёпа сибирский. Жизнь взаимы – штука тяжкая; не менее тяжело ожидать боем Кучума и играть с ним в догонялки. Ты это смог, Ермолай Тимофеевич Токмак. «Мы» тебе подскажем немного из курса истории (а её ведь слагают не только отдельные люди, пишущую историю потом, а и люди, живущие ранее). Как русские в XIII веке остановили татар, чем спасли Европу; как сербы в XIV веке остановили турок и спасли Европу... остальное – ВСЁ потом!

Вот и сказке конец. Кто слушал – молодец. Холодной водой и ледяным прошлым закончился Ермак.

Досказать надо, однако. Судьбы Ермака, «малого» его царского посла и Полковника Чекана, – а были они почти ж ед ины, разны по времени, но крутые, и даже чуть вдаль немного удачливы... было там всё! Кланяемся им почтимо...

На том и стоим.

И стоять у-будем.

Во второй половине XX-го века одного из потомков Чекана неплохо поносило по тогдашнему и великому СССР – дитё Великой Российской Империи. Полковник Чекан, как оказалось, был богом и памятью забытым для своего потомка – и всё же неизвестным и славным прадедом... И даже вероятно знающим Великую Тайну Возрождения их рода – из мрази в князи... И даже более... наверное!

По преданиям имения полковника Чекана числились в Чаусово Зауралья, в Белогорье Черноземья... И вот этого, ЕГО современного потомка, кого «носило» на Урале, в Сибири, в Зауралье, Тобольске и т.д. – наконец, «вынесло» на истор-родину.

Есть такой город – опора и край Державы. И имел «виды» на судьбу «губернского»... – но да видно не судьба... так и остался вместо 700-тысячного облцентра обычным городом – но не местного масштаба... всё ж это – КМА (Криворожская магнитная аномалия). Одним словом – железо, руды, металлургия. Карьеры, заводы, промышленность и производство.

И дёрнул чёрт меня податься в горный институт...

Город ждал и требовал горняков и металлургов со всего Союза, был ненасытен в своей «утробе» – горно-обогадительные комбинаты, электро-металлургический комбинат, предприятия по их «обслуге» – все и всё требовало сразу спецов-профи... И город рос, как на дрожжах, превратившись в шестидесятые годы в монстра, утопив в своих недрах новостроек тишь и благодать некогда уездного малого городишка, так знатного на Руси своей историей, реками и малыми делами.

Славный городишко под названием Старый Оскол (не путайте с Новым Осколом, что значит позже) должен гордиться своей историей...

... куда я и прибыл, как представитель Ермака и Чекана...

А зачем?

Все коренные местные жители Старого Оскола любят «до ненависти» любых пришельцев от СССР...

Ну вот и ладно – я такой же, пришелец. Не успев заехать и чуть познакомившись со своей попутчицей в автобусе, я уже узнал (она – с Урала, со Свердловска... любезно – не как в Мо-

скве... а как любезно в Ленинграде! Не путайте потом Питер... – как там сейчас – не знаю, дай бог не обломиться! А ведь бывал и видал ту Москву и Ленинград... Но да ладно...)

– Вы что, будете жить в Старом Осколе?

– Буду.

– И вы не местный...

– Вроде как нет...

– Вы знаете эн-тот народ...

– Не знаю... знать не хочу... и наплевать я хотел... – я приехал помимо их желания и буду здесь жить.

– Удачи вам! – и я очень хотел именно этого услышать от своей землячки с-от-Среднего Урала...

Хитер и мудр град Старый Оскол, в чёрном-благодатном Черномезье.

Городишко древний и хилый, незаметный, от 1593-го... Чудете?

... И если «прыгнем – в Россию», то он один из сорока городов Российской Военной Славы XX!

А всё ж уютный город-град-городишко: речки неплохие, земля и божья благодать...

Живи – не хочу!

Я плохо понимаю Старый Оскол...

Но!..

Но послушаем, что нам шепчет история. По Древнему моему Старому Осколу.

В 1571 году там прошёл огненный «пал» во избежание набега крымчан Давлет-Гирея на Москву.

Потом рубили леса и рощи в XVIII веке. В остатке ещё бегают всякое зверье... остался силён класс птиц. И – не забудьте сюда: ястребы, вороны, грачи, соловьи, ласточки, чайки, и в воде живность есть!

В Староосколье есть всё: рудное и нерудное...

В документах 1570 года за два с лишним десятилетия до основания крепости Оскол появляется термин «оскольские казаки». Царские книги показывают нам город-крепость Оскол с 1593 и 1596 года. В 1601 году Оскол уже был в 6 тысяч человек. Далее идет тяжкая история борьбы сторож-Оскола с татарскими набегами. В 1628 году город сгорел. Татары ещё давили.

Оскол был тесно связан с казаками Дона; оскольчане участвовали совместно с ними во взятии Азова.

В 50-е годы г. Оскол стал Старым Осколом (XVII век). От Степана Разина город Бог сохранил.

К концу XVII века Ст. Оскол «ужо» не военная крепость; скорее – ямкое (почтовое).

... Позвольте «отступ от времени». Каков уж он есть. Знайте: из Курской «губернии» выделилась в свое время Белгородская область (Белгород – Белые горы, меловые), как в свое время – в 1943 году из состава Челябинской области выделили (отделив) Курганскую область – шла Великая Война и незачем было Южному Уралу – «опорный край державы; танкоград; металл и недра» – отвлекаться на будущую сельхоз Целину (с 1954 года).

Почему параллель Центра России и Урала? Так ведь и то ясно – один из сейчас живущих потомков дворянства, родовитого со времен Неустоявшейся России, из рода-племени Чикус – отвечает ВАМ! Да, я родился и жил на Урале, странствовал по Сибири... но переехал жить всё же в Центр (ныне Центрально-чернозёмный регион) и осел в городе Старый Оскол, откуда и возможно был родом маленький бродяга, мой дальний пращур, сирота-беглец, названный в последующем «чей-кус».

Много и хорошо пробродяжничал я по СССР. И судьба занесла меня в Тобольск, где стоит стела для Ермака и был предпоследний приют царского дома Романовых. Тобольский Кремль теперь им друг и волк... и скажите, все ли мы знаем, что Ермак есть Ермалай Токмак на самом деле?! А ведь и под Красноярском есть гора Токмак (скажите, вам встречались такие слова «ухайдокались», «ластик», «вихотка», «шайка» (да не бандитская), «цыпки»...). См. словарь В. Даля!

– Здравствуй, Ермалай Токмак! В моём лице кланяются тебе и твоей суровой судьбе твои потомки... уж какие они ни есть – не хуже и не лучше твоих соратников.

Молчала в ответ сурово тобольская стела Ермака. Молчал и вековой Ермак.

– Уже мне понятно: что не хохол, а уралец – упрямый; хохлы – хитрые, костромские – люди заблудшие или же наоборот вышедшие из глухомани; опять же: поморские – надёжен люд, курские – могут и соловьём залиться... побойся и их, – так говорил один из последних ныне живущих Чикус. Судьба его

одно время долго таскала вокруг да около знатного Тобольска, пока он наконец не впёрся в стелу Ермака. На том и стояли – люди Чикус, фамилией странные. Бывшие и есть сибиряки, и с Урала, а родом с далёкой центрально-лапотной Руси.

– Ну, здравствуй, это я!

... Старый уже стал, последний из благословенного дворянского рода Чикус; его, однако, младший брат обитает в Сибири, старшой доживает ныне на родном Урале... а я вот здесь, на Центральной России, так безвременно рано затих и угас... а за стеною так громко, так отчётливо слышно, будто в бой подымают последних солдат...

Чикусы – воины, прошли все войны – все подряд; знамо и мне, что во все российские войны ХХ-го – и они там были! Гребли, карали, били всех – англичан, японцев, немцев, австрияков и других – сталкиваясь с ними не раз на полях сражений в разные годы.

... Я вот глажу свои вислоусые усы, на хохлацкий манер (и откуда такая «прибудь» у уральца?) – и всё же не могу отгадать Ермака: ну, ладно – Ермолай, центральная Лапоть, быть может даже казачья, но почему Токмак?

... Я уже говорил – под Красноярском есть гора Токмак... или ещё где и что? А причём здесь мы?

... Я залез на ту гору, под Красноярском – на гору Токмак (потом, когда фото-красочные картины вошли в моду, старший братан привёз мне ЕЁ!).

Тогда я еле спустился (еле-еле душа в теле) с горы Токмак, «не сорвался» и висел на волоске – конечно, это не Пик Высоты на Кавказе... Но ведь и я не верхолаз совместно со скалолазом и альпинистом, и даже – не особо моряк.

Просто геолог, бродяга, историк и «und so weiter!» («и так далее», как нас учили в нашем СГИ!)

Но опять же! Ближе к делу! Ближе к телу... народному.

Или инородному? ...Ермак – вторгся? Победил?

Потомки его торжествовали. Царь приветил героев...

... «Старый Оскол» в составе русских полков воевал в 1677 году против турецко-татарской армии. В конце XVII века участвовал в осаде крепости Очаков и бился с горечью под Азовом.

... Всё далее и круче берёт история и уходит от Ермака... и ин – дальше сами... с Богом!

Но всё ж – поможем вам, грядущим! Всего до революции звания Почётного гражданина города Старый Оскол удостоилось шесть горожан. Из военного Ст. Оскол становится промышленно-гражданским, в 1910 году число жителей составляло 8930 человек, в 1913 вместе со слободскими – 26500 жителей (всего!).

Откуда и зачем Чикус – Чикусы порвали своё чужое время...

Так что ж там далее, в Осколе? Любимчик Петра I Меньшиков имел в Оскольском крае обширные земляные надель – плодородный шикарнейший чернозём. Во время Северной войны оскольские жители были «работными» на строительных работах в Петербурге, Москве, Воронеже, Кронштадте и др. Жители – русские и украинцы. Умеренный климат. Земледелие, скотоводство, огородничество, пчеловодство. К концу XVIII века росли слободы: Панская, Рыльская, Новоселовская, Холостая, пригородные – Казацкая, Гумны, Стрелецкая, Пушкарская, Ламская, Ездоцкая, Троицкая. В 1780 году утверждён герб города: дань Курску-губернскому и себе – ружьё и соха. В 1784 году, при Екатерине Великой утверждён план города Старый Оскол... в 1795 году возводится новое каменное здание тюрьмы. В начале XIX века работают здесь салотопенные, крупорушенные, пивные заводы.

Старооскольцы вновь приняли участие в боевых действиях – против наполеоновской Франции.

Во второй половине XIX века на Ст. Оскол обрушились пожары, холера, недород.

Крупных волнений в уезде после отмены крепостного права в 1861 году – не отмечено.

Но опять же, тогда, активизировалась местная перерабатывающая промышленность – кожевенная, маслособойная, канатно-прядильная, кирпичная, местно-сырьевая...

Весть о февральской революции в Петрограде и свержении

самодержавия была получена в Старом Осколе 3 марта 1917 года. Осенью 1917 года население Старого Оскола, по данным Курской губчека, увеличилась на 10 тысяч человек из-за притока буржуазных элементов с севера страны.

Подходил вал Гражданской войны. В апреле 1918 года начал формироваться первый партизанский отряд. Вновь Старый Оскол становится приграничным городом. 21 сентября 1919 года Старый Оскол был с боями оставлен частями Красной Армии. Победа под Касторной и дальнейшее наступление Красной Армии в ноябре 1919 года внесли коренной перелом в ход военных действий и стали прологом освобождения Старооскольского края.

В 1920-м создаются новые ячейки комсомола.

В 20-е годы велись с успехом изыскания КМА – Курской магнитной аномалии.

Грядёт черёд Центрально-Чернозёмной области, куда войдёт Старооскольский округ.

Затем грянула Великая Война для всех жителей Староосколья. 24 октября 41-го наши войска оставили Белгород, в ноябре Курск.

С 3 июля 1942 по 5 февраля 1943 года территория города Ст. Оскол и район находились в зоне оккупации.

После тяжкой войны Старый Оскол становится металлургическим центром.

...Вспомним кое-что из летописи старого-престарого Оскола: в 1606 году убит оскольскими и служивыми людьми воевода Бутурлин... в 1635-37-38 гг. правили новые Бутурлины... в 1666-1667 гг. Кирилл Петрович Чаплыгин... в 1754-58 гг. воевода Чаадаев и многие многие другие!

Сколько же и когда жило в Ст. Осколе?!

Есть данные:

1601 год – 6308 жителей.

1710 год – 11611 жителей.

1797 год – 10242 жителей.

1861 год – 17566 жителей.

1913 год – 26500 жителей.
1926 год – 29190 жителей.
1948 год – 10639 жителей.
1963 год – 31000 жителей.
1966 год – 47000 жителей.
1975 год – 71000 жителей.
1979 год – 117000 жителей.
1982 год – 137000 жителей.
1989 год – 178000 жителей.

Ко мне есть вопросы от Комитета Гос-Безопасности СССР?
От Ермаковских потомков Великой Российской Империи их нет. Ибо если не я – то кто? Прорвёмся; погрузимся...

... Неужели я не пойму своего золото-полковника и его хитромудрую библиотеку зауральского имени... Да быть того не может...

Ермака я сильно уважаю.

Николай Цыкаленко

г. Бирюч

Родился в селе Весёлое Красногвардейского района Белгородской области. После окончания школы работал забойщиком на одной из шахт города Ново-Гродовка Донецкой области. Служил в рядах Советской Армии. После увольнения в запас продолжительное время трудился проходчиком на шахте в городе Краснодон Луганской области. Более сорока лет является сотрудником редакции газеты «Знамя труда» Красногвардейского района Белгородской области. Член Союза журналистов России.

Тревожное небо

*Посвящается сыну,
военному лётчику
Евгению Николаевичу Цыкаленко*

Господа офицеры, я прошу вас учесть,
Кто сберёт свои нервы – тот не спас свою честь!

«Поступил. Денег нет. Приезжайте». Вот такую лаконичную телеграмму мы с женой получили от сына из Борисоглебска, куда Женя уехал после десяти классов пробовать силы на экзаменах в тамошнее высшее военное училище лётчиков.

Наш приезд совпал с каким-то праздником. Все торжества проводились на стадионе и в прилегающем к нему небольшом парке у Дома офицеров. Там мы и увидели Женю. Увидели – и не узнали. Очень сильно изменился. Форма сидела мешком, худой – кожа да кости. Так же выглядели и другие ребята, выбравшие одну из самых трудных профессий.

– Вас что, не кормят? – глаза жены были полны слёз.

Сын ничего не ответил.

«Когда же они станут лётчиками? – помню, невольно подумал я. – Неужели наступит тот час, когда эти желторотые юнцы поднимут в небо грозные боевые машины?»

Как это было давно! И в то же время – совсем недавно...

1

Женя с Колей Назаровым нагрянули неожиданно.

Колю мы не видели целую вечность – более семи лет после выпуска из училища. С того памятного дня он почти не изменился. Только ещё более непоседлив, общителен, сменил курсантскую форму на офицерскую.

Торжественное собрание по случаю выпуска из училища проходило в драмтеатре имени Чернышевского. Когда мы с родителями Саша Кузнецова прибыли туда, до его начала оставались считанные минуты.

– Дядя Коля, тётя Катя, сюда проходите! – послышался откуда-то сбоку знакомый голос.

А мы никак не могли прийти в себя. Были покорены, удивлены и восхищены залом. Ничего подобного в жизни ещё не приходилось видеть. В нём преобладал синий цвет с золотистыми вкрапинами. Будто это был вовсе не зал драмтеатра, а огромное васильковое поле.

Перед нами были вчерашние курсанты Борисоглебского высшего военного училища лётчиков имени В. П. Чкалова, одетые в новенькую офицерскую форму. Знакомые и в то же время незнакомые лица. Ребята как-то вмиг изменились. Стали взрослее и много красивее. Моя жена, протиснувшись к Коле, так и сказала: «Ой, Коля, какие вы хорошенькие!»

К Коле Назарову мы относились с особой нежностью. Любили его ничуть не меньше, чем своих сыновей (думаю, они не обидятся на нас за такое признание).

Коля и Саша были родом из соседнего Алексеевского района Белгородской области. У Коли родителей не было. Мать умерла в раннем детстве, а отец неожиданно скончался спустя несколько дней после того, как сын поступил в училище.

Сначала мы как бы считали своим долгом заботиться о нём. Наверное, Коля это чувствовал и был с нами сдержан, немногословен. А потом мы полюбили его. И когда приезжали в училище, тут же интересовались у сыновей, где Коля?

- Здесь он, здесь! Сейчас прибежит! - дружно отвечали те.

Привязался к нам и Коля. Чувствовалось по всему, что и мы для него значим гораздо больше, чем просто родители его друзей.

Катя обняла Колю, поцеловала. Затем несколько отстранила от себя.

- Дай я хоть разгляжу тебя!

- Что, изменился? - спросил Коля, несколько польщённый таким вниманием.

- Очень!

Подошёл Женя. Он будто стал выше ростом, стройнее. В новенькой, ладно сидящей на нём голубой форме с золотыми погонами, на которых красовались две небольшие лейтенантские звёздочки. Сдержанно поздоровался.

Помнится, в один из приездов в училище за нами долго наблюдали у Дома офицеров двое пожилых мужчин с орденскими планками на лацканах пиджаков, видать, бывшие авиаторы. Один из них не утерпел, подозвал меня.

- Ваш сын? - кивнул он в сторону Жени.

- Да.

- Стоящий лётчик получится! - произнёс убеждённо.

- Посмотрим, - уклончиво произнёс я. - Ещё курочка в гнезде...

- Причём здесь курочка! - обиделся мужчина. - За свою жизнь я их столько перевидал... Так что поверьте уж мне.

Пожалуй, ветеран оказался прав. Прав в том смысле, что в училище, а точнее, в небо всегда стремятся особого склада люди.

После торжественной части состоялся концерт. Закончился он незадолго до отправления поезда. Впервые за долгие годы учёбы в училище мы отправлялись домой не сами, а вместе со своими ребятами.

Коля и Саша побежали в училище за вещами. Коля после отпуска отправлялся в Белоруссию, а Саша - на Дальний Вос-

ток. Женю оставили в училище в качестве лётчика-инструктора, чем он был премного доволен.

– Не понимаю, чему ты радуешься? – как-то спросил его. – Возиться с курсантами. Бесконечные взлёт да посадка. Не лучше ли летать без этого балласта, одному?

– Конечно, лучше, – сказал сын. – Но я не могу забыть ребят, мечтавших о небе. Но так и не покоривших его. И виной тому не они, а люди вот с такими погонами, как у меня. Зарубили их мечту.

– Но мечта – это одно дело, а призвание, умение – совершенно другое, – возразил я. – Не каждый способен управлять такой машиной, как современный истребитель.

– Не каждый, – согласился Женя. – Но из многих, кого отчислили из училища, вполне получились бы первоклассные лётчики.

– Почему же их списали?

– Так проще было. Не захотели возиться. Все мы разные. Одни всё схватывают на лету, другие – несколько медленнее. Глядишь на иного, кажется, уже всё получается. Есть лишь отдельные шероховатости. Ещё вылет, два – и всё получится. А его – бац! – и на гражданку.

Забегаю вперёд, скажу, что Женя оказался верен своему слову. Не загубил ни одну юношескую мечту. За все годы, что проработал лётчиком-инструктором, не списал ни одного курсанта. Сейчас его подопечные служат во всех концах нашей необъятной Родины и, наверное, с благодарностью вспоминают человека, давшего им путёвку в лётную жизнь.

***

Тройка новоиспечённых лётчиков появилась на перроне вокзала перед самым отправлением поезда. Заняли отдельное купе.

– Немного тесновато, но зато весело, – решительно снимая шинель, провозгласил Коля на правах старшего среди своих товарищей.

Аккуратно положив шинель на вторую полку, он неожиданно извлёк откуда-то бутылку «Столичной», водрузил её на стол.

– Все годы учёбы мы не баловались этой штукой, – заметил он. – Но полагаю, что по такому случаю не грех и выпить.

– Конечно! В такой день сам Бог велел! – засуетились мы, доставая из сумок свои припасы.

В беседе пролетело время незаметно.

– Подъезжаем к Острогожску.

Не знаю, кто произнёс эти слова. Коля с женой Танюшей ехали к какому-то родственнику, проживавшему недалеко от этого города. Они быстро собрались. Мы помогли им сгрузить вещи, а их оказалось не так уж мало, накоротке простились. Поезд тронулся. И тут мы увидели, что это не Острогожск. Поезд остановился у какого-то полустанка.

– Как же так! – всплеснула руками Раиса Захаровна, мать Саши. – Ночь – и какой-то полустанок. Как же Танюшенька?

– Ничего, – резонно заметил Иван Петрович, отец Саши, который после выпитых двух или трёх рюмок водки был особенно рассудителен. – Она не одна, а с мужем. А с таким, как Коля Назаров, не пропадёшь!

Сашу Кузнецова после той поездки мы видели много раз. Отгуляли у него на свадьбе. Со своей будущей женой Наташей он познакомился на выпускном вечере в училище. Решили свадьбу не откладывать. Сыграли её во время отпуска. Так что в пункт своего назначения он отправился с молодой женой. Потом мы не раз гостили в Алексеевке, не единожды во время отпусков Саша бывал у нас. А вот Коля появился впервые за много лет. Случайно как-то завернул к нам, угодив на свадьбу к Жене, состоявшуюся спустя несколько месяцев после описываемых событий – и как в воду канул. Поначалу от него приходили письма. Из Белоруссии. Затем из Германии. В последнем сообщал, что готовится к передислокации. Куда – об этом ни слова. На этом всякая связь с ним прекратилась. Коля был не из таких, чтобы зазнаться, забыть. Знать, на то были другие причины...

След его отыскался лишь через несколько лет. Однажды ночью в Бутурлиновке, где Женя нёс свою службу, настойчивый телефонный звонок поднял его с постели. На другом конце провода раздался возбуждённый мужской голос.

– Кто говорит? – спросил Женя, ничего не понимая.

- Я! Я, Коля Назаров!
- Где ты? Откуда звонишь?
- Тут я! Совсем рядышком. В Азербайджане, недалеко от Баку!
- Ничего себе, рядышком! – невольно вырвалось у Жени.
- Конечно, рядом. В Союзе же!

Между прочим, когда звонил Коля, уже никакого Союза не было. Сказано это было по старой привычке. Азербайджан уже был провозглашён самостоятельным государством. Его раздирали внутренние противоречия, лилась кровь у границ. Да и не только там.

Очень нелёгкие дни и ночи выпали на долю ребят. Так уж получилось, что лётный состав остался почти без «обслуги». Приходилось самим нести караульную службу, готовить к полётам самолёты, поднимать их в неприветливое небо южной республики, ставшей вдруг суверенным, а значит, чужим государством. Тяжёлые армейские будни, спасибо, хоть как-то скрашивали жёны и дети. Но вскоре их пришлось отправлять на родину: Азербайджан всё больше и больше походил на клочущий вулкан, и оставаться им там дальше было небезопасно.

А спустя какое-то время они тоже в последний раз подняли свои грозные боевые машины в южное небо и взяли курс на север, в родную Россию. И приземлились – надо же такому случиться! – прямёхонько на бутурлиновский аэродром, где нёс службу Женя, другие друзья-однополчане Коли.

Встреча. Радости нет предела. А когда страсти несколько улеглись, Коля вдруг признался, что очень соскучился по родителям Жени.

- Можем переговорить, – потянулся сын к телефонному аппарату.

- Нет, не то, – остановил его Коля. – Увидеться бы...

- Можно и увидеться, – сказал Женя. – Впереди выходной – айда на поезд!

Вот так они оказались в нашем доме.

Начался оживлённый разговор. Вопросы, расспросы.

- Ой, что же это я баснями вас кормлю! – спохватилась жена.
- Вы же с дороги, проголодались, наверное?

- Есть маленько, – не стал скромничать Коля, направляясь за ней на кухню, на ходу закатывая рукава расписного свитера. – Женя! – позвал друга. – Поступаем в распоряжение тёти Кати!

- Никаких распоряжений! – запротестовала жена. – Я сейчас сама быстренько что-нибудь соображу.

- Тётя Катя, вы зря сомневаетесь в наших способностях, – не унимался Коля. – Мы с Женей всё умеем. Картошку чистить, пельмени лепить. А может, у вас есть свежая рыба? Шука, к примеру? Нет? Жаль! Мы бы с Женей такое блюдо вам приготовили – пальчики оближешь!

- Шуки нет, – вмешался в разговор я. – А вот карпа поймем. Завтра же! Это я вам обещаю. Вот такого! – развел я руки.

- Ладно, хватит бахвалиться! – одёрнула супруга. – Принеси лучше рюмочки из серванта.

Она в считанные минуты поджарила мясо, подогрела гречневую кашу, нарезала на тарелку тоненькими ломтиками колбасу, подала солёные огурчики. Наполнили рюмки. Первые две выпили за встречу, за их нелёгкую службу. Я уже было поднялся произнести третий тост, но меня остановил Коля.

- Третий, дядя Коля, за мной, – сказал тихо и грустно. Так грустно, что у него, как показалось мне, увлажнились глаза. – Женя знает, о чём речь. У лётчиков есть такое правило – третью рюмку пить за тех, кого нет с нами.

Я вспомнил об отцах – своём и супруги, не вернувшихся с Великой Отечественной войны. Но тут же понял, что речь идёт о другом. Не просто о тех, кого нет с нами вообще, а о людях конкретной профессии. О лётчиках. Погибших в мирное время.

Однажды в Борисоглебске я случайно оказался на городском кладбище. Могилы одна к одной. Кресты, пирамиды. Фотографии людей, нашедших здесь свой последний приют. В гражданской одежде. Пожилых и молодых. Грустных и улы-

бающихся. И вдруг – целый ряд портретов, на которых были запечатлены люди в военной форме с голубыми петлицами. Под каждым – лаконичная подпись: «Погиб при исполнении служебных обязанностей».

Но провозглашённый Колей тост – это не просто дань моде, традиции. Значительные потери понёс и их выпуск.

Несколько лет назад мы с женой получили очередной отпуск. По обыкновению, в таких случаях мы сразу же отправлялись в гости к Жене. А тут решили немного задержаться: скопилось много дел у дочери, проживавшей в селе. О своём намерении сообщили Жене. Тот возражать не стал. Однако голос сына был очень уж грустный. По крайней мере, так показалось мне.

– Что случилось? – спросил я.

– Погиб Миша Горшков.

– Как?

– Очень просто. Летел с группой из Улан-Удэ. И не долетел.

Миша был одним из лучших друзей Жени по бутурлиновскому полку. Наверное, так же, как он, страстно стремился в небо. С первого захода поступил в училище. Как одного из лучших выпускников оставили в училище лётчиком-инструктором. Вместе с Женей и другими ребятами осваивали новую профессию в Бердянске. Педагогические азы. Учились управлять сверхзвуковым истребителем из задней кабины: передняя, с наиболее лучшим обзором, отныне принадлежала курсантам. Затем учили курсантов летать. И вот Миши не стало.

Лично я не был знаком с ним, о чём искренне сожалею поныне. Но мне почему-то сразу вспомнились двое весёлых, озорных ребят, заснятых Женей на киноплёнку в Бердянске во время отдыха на море. Он так и назвал этот фильм – «На рыбалке». Самой рыбалки, по существу, не получилось. Поймали одного судака. Граммов на двести-триста. Прицепили его к палке и, положив её концы на плечи, «согнувшись под тяжестью», несли. Потом варили уху, веселились. И вот, возможно, одного из этих парней не стало. Погиб при исполнении...

Переговорив с сыном по телефону, мы с женой тут же решили, не откладывая ни на один день, ехать к нему. Кто-кто,

а мы-то знали, что Женя хотя с виду суров, даже несколько порой грубоват, но душа у него мягкая, нараспашку, а потому особенно впечатлительна и ранима.

Когда прибыли в Бутурлиновку, с похоронами уже всё было кончено. Ребята собрали энное количество денег, чтобы с почестями, как и подобает воину, похоронить Мишу, а затем по столько же сложились на дорогу его жене с детьми.

– А что же государство? – спросил я у сына.

– Ровным счётом – ничего, – ответил Женя. – Ему мы, вероятно, нужны, пока сильны и здоровы, способны поднимать в воздух боевые машины.

По сути, трагедия с Мишей Горшковым не волновала никого, кроме родственников и боевых товарищей. Даже членов правительственной комиссии, прибывшей на место катастрофы. Их интересовал не сам летчик, а чёрный ящик. Заполучив его, они тут же вылетели в Москву. И лишь друзья-товарищи не покинули, ещё несколько дней копались в воронке, вокруг которой были разбросаны обугленные обломки самолёта, извлекали по крохе то, что ещё совсем недавно дышало, двигалось, любило и ненавидело, что называлось человеком.

Что же произошло в сибирском небе в тот роковой миг, ставший для Миши Горшкова последним? Прямого и ясного ответа на этот вопрос нет. Группа самолётов СУ-25, в которой находился капитан Горшков, преодолела уже несколько перегонов. Впереди был очередной. Всё складывалось, казалось бы, как нельзя лучше. Самолёты заправлены, лётчики отдохнули. Дано «добро» на вылет.

Шестёрка штурмовиков поднялась в воздух. Ничто не предвещало беды. И вдруг группа попала в сложнейшие метеусловия. Плотные слоёные облака, сильный боковой ветер. Видать, аэродромная метеослужба, давшая добро на вылет, допустила непростительную ошибку.

Вёл группу опытный лётчик майор Мисюра. Он связался по рации с пунктом управления полетами. Доложил обстановку, попросил разрешение перевести машины с горизонта в шесть тысяч метров на десять. Разумеется, он знал, что тем самым грубо нарушает одну из многочисленных инструкций: для класса подобных машин потолок был определён в семь

тысяч метров. Однако в сложившейся ситуации это был единственный выход. По крайней мере, так считал майор Мисюра.

Получив разрешение на манёвр, старший группы отдал приказ экипажам выполнить его.

Пять машин благополучно заняли новый горизонт. Шестого – Миши Горшкова – не оказалось в поле зрения. Мисюра почувствовал неладное.

– Миша, где ты? – с тревогой спросил по радию.

– Я здесь, командир! – ответил Горшков.

Это были его последние слова.

С высоты более чем в шесть тысяч метров его самолёт сорвался в штопор и, как снаряд, со страшной силой вонзился в землю. Как показали проведенные исследования, лётчик даже не пытался выровнять его, вывести из этого жуткого падения, не воспользовался катапультной, хотя та была в исправном состоянии.

Почему Миша вёл себя столь пассивно? На этот вопрос есть лишь один ответ – предположительный, но, пожалуй, наиболее вероятный: лётчик находился в бессознательном состоянии. По всей видимости, во время неистовой болтанки машины не заметил, как на лице сдвинулась кислородная маска.

Примерно в это же время произошла одна из многочисленных трагедий в афганском небе. Там погиб белгородский паренёк Боря Гордиенко.

Боря был земляком Коли Назарова – из деревни Щербаки, что в Алексеевском районе. После школы без колебаний поступил в Борисоглебское высшее военное училище лётчиков. Успешно его окончил. Сколько бы мог покорить заоблачных высот! Но, увы, на его долю выпал Афганистан.

В тот последний вылет он был ведущим. Приблизившись к цели, первым направил свой штурмовик к оцетинившейся выстрелами афганской земле. Следовавшие за ним ребята видели, как его «грач», содрогнувшись всем корпусом, выпустил ракеты по цели, затем открыл огонь из всего имевшегося на борту оружия.

А земля всё ближе и ближе. Грозная, неумолимая. Пора выводить машину из пике. Пора! Ещё секунда, две – и будет поздно.

– Боря-я-я!!! – не своим голосом закричал ведомый.

Но Боря уже ничего не слышал. А может, и слышал, да не захотел покидать поврежденную машину, попадать в лапы к душманам, творившим над русскими лётчиками страшные зверства.

Так и не выйдя из пике, штурмовик Бори Гордиенко врезался в скалу. А на его родине в селе Щербаки вырос скромный обелиск. Возле него почти никогда не увядают цветы. Могилу своего единственного сына часто навещает мать. Не забывают Борю и его боевые друзья, с которыми он учился, поднимал грозные машины в тревожное, но такое милое их молодым, горячим сердцам, небо.

3

Женя, как и многие его друзья, мечтал о небе с детства. Наверное, как увидел над головой, так и заболел им. Впрочем, эта «болезнь», можно сказать, семейственная. Вот только Жене одному, а точнее, пока одному удалось осуществить эту мечту, так как я убежден, что в нашем роду найдутся ещё мужчины, которые последуют его примеру и покорят не только заоблачные высоты, но доберутся до самых дальних звёзд!

Одной из любимых песен моего дедушки Михаила Давыдовича Мурашко была про небо. Он часто звал мою мать, просил:

– Спой, Галя, мою любимую.

И мать чистым, сочным голосом заводила:

Дывлюсь я на нэбо тай думку гадаю,

Чому ж я нэ сокил, чому ж нэ летаю...

Глядя затуманенным взором в окно, на голубеющий окоём неба, дедушка подхватывал густым басом:

Чому ж мэни Боже тай крылив не дав –

Я б зэмку покынув та й в нэбо злитав.

И столько во взгляде и голосе дедушки было неизбывной тоски, тоски по несбывшимся надеждам, что у меня даже сейчас, по прошествии многих лет, по существу целой вечности

по человеческому измерению жизни, при одном воспоминании об этом в жилах стынет кровь. Но, увы, дедушке так же не просто было подняться в небо, как нам, его внукам и правнукам, добраться до далёкой Галактики. Он был совершенно безграмотен: вместо школы с ранних лет пришлось заботиться о хлебе насущном.

Что касается отца, то мне неведомы его боль, какие мечты-грёзы обуревали его душу: он погиб студёным декабрьским днём, защищая столицу, когда мне было от роду всего несколько месяцев.

А вот за себя скажу, что не было у меня более жгучего желания, чем поднять в голубую высь стальную птицу. И не абы какую, а, непременно, самую быструю.

Но так уж получилось, что мне тоже не довелось своевременно получить соответствующее образование. В семнадцать лет с небольшим хвостиком стал забойщиком на одной из шахт Донбасса. Работать приходилось в сложнейших горногеологических условиях. Страна требовала уголь. Любой ценой. В буквальном смысле этого слова. Ценой травм горняков, а то и самой жизни. Не обошла эта участь и меня. К жестокой травме, полученной в детстве, добавилась шахтёрская. А потому не обольщался, прекрасно понимал, что по существу путь мне в небо закрыт. И всё же решил попытать счастья. Во время медосвидетельствования с блеском прошёл кабинеты терапевта, невропатолога, глазной и другие. Остался хирургический. Я уже было воссиял от счастья. Хирургический, посчитал, это мелочь. Голова на месте, руки-ноги целы, что ещё нужно? Но я глубоко ошибся: именно в этом кабинете, выражаясь образно, мне перекрыли кислород.

Поначалу всё шло нормально. Хирург – седой, сухой, как прошлогодний ковыль, старик, явно был доволен моим телосложением.

– Хорош. Очень хорош, – прошамкал ртом со вставленными челюстями. – Такому не то, что самолётами – ракетами можно управлять!

Я был на седьмом небе от счастья. Преодолён последний барьер на пути к мечте. Значит, не напрасно потрачены усилия на работу, учёбу. И всё же ни на секунду не забывал о

своём главном изъяне – шраме на левом боку, стараясь не поворачиваться им к врачу, который, водрузив на длинный, крючковатый нос очки с массивными стекляшками, внимательно разглядывал меня. И от его острого взгляда, вооружённого толстыми линзами, не ускользнуло то обстоятельство, что я стараюсь стоять в одной позе по отношению к нему.

– Молодой человек, что вы от меня прячете? – спросил недовольно.

Я молчал, не зная, что ответить.

– Повернитесь ко мне левым боком! – потребовал врач.

Я повиновался.

Хирург окинул взглядом шрам сверху вниз, потрогал пальцами жёсткие рубцы, словно пытаясь убедиться, что это не галлюцинация.

– Эк, вас угораздило! – произнёс сокрушённо.

Какое-то время помолчал. Оторвались от бумаг и военные, присутствовавшие на комиссии, занёсшие уже было мои инициалы в свой список.

– И после таких травм вы собираетесь поднимать в воздух истребитель? – покачал головой хирург-старик. – Нет, братец, дорога в авиацию для тебя заказана.

Это был приговор, не подлежащий обжалованию.

Говоря по чести, не очень-то верилось, что прорвётся в небо и Женя. В детстве не отличался особым здоровьем. Но затем усиленно занялся спортом. Даже оставил музыкальную школу, где тоже немало преуспевал. Занялся моделированием самолётов. Исключительно истребителей. Занимал призовые места на районных и областных соревнованиях. Его сверстники уже всю бегали на улицу к девчонкам, а он всё строгал, клеил свои самолёты. Помнится, однажды вполне серьёзно спросил у матери, можно ли, не женившись, получить квартиру?

– Конечно, – ответила та.

– Заставлю тогда её всю самолётами, – сказал убеждённо.

И он почти не изменил тому давнему своему решению. Нет, он, разумеется, женился, вместе с женой Олей растят двоих детей. Однако в квартире, куда ни погляди, самолёты, самолёты, самолёты. Наберётся на добрую «эскадрилью». Собрать их

модели, клеить так и осталось одним из самых любимых занятий.

Вообще, девчонками он долго не увлекался.

– Не понимаю, – сокрушалась часто супруга. – Взрослый парень, учёба в училище идёт к концу, скоро станет офицером, а девок обходит сотой дорогой. Может, он и вправду не станет жениться?

– Успеется с этим, – отвечал уклончиво я. Что касается такого поведения сына, то я был им премного доволен. Считал, что тот поступает правильно, основное внимание уделяя учёбе.

Мы, естественно, не знали ещё тогда, что плюс ко всему трое друзей – Коля, Саша и Женя – дали обет не жениться, все силы сосредоточить исключительно на учёбе. Условились, кто первым его нарушит – ставит два ящичка водки!

Первым не сдержал данное слово Коля.

***

Ребята получили первый в своей жизни отпуск. Разъехались, разлетелись во все концы страны. Опустела казарма. Остался в ней лишь один Коля.

– А ты почему никуда не отправляешься? – спросил его один из командиров.

– Некуда, – ответил тот.

– Как – некуда? У тебя же, насколько мне известно, есть девушка. Вот и поезжай к ней.

Познакомились они с Таней несколько месяцев назад. На танцы к ним в училище пригласили студентов местного пединститута. Там он и приметил миловидную, скромную девушку. Потом провёл с Танюшей ещё несколько коротких вечеров. Вот и всё. Сейчас Танюша на каникулах, гостит у родителей в Белоруссии, в далёком городе Гомеле. В нагрудном кармане, у самого сердца, лежит её адресок... А что, если действительно попробовать? Проведать её, познакомиться с родителями?

Танюша встретила хорошо. Как должное восприняла приезд молодого человека её мать, Тамара Ивановна. Тут же по телефону сообщила эту новость мужу, Василию Андреевичу, явно с одной определённой целью – несколько подготовить того к такому неожиданному обороту дела.

В общем, так или иначе, а вскоре у Коли с Танюшей состоялась свадьба. Посовещались Саша с Женей по поводу того, как быть с обетом троих. И пришли к мнению, что Коле столь опрометчивый шаг простить можно. Плакали их два ящика водки. Пришлось довольствоваться более чем скромной выпивкой и закуской.

Саша Кузнецов женился сразу же после окончания училища, блеснув на свадьбе новенькой иссиня-голубой формой и шитыми золотом лейтенантскими погонами. Был он плотен, коренаст, с белого, овального лица не сходила счастливая улыбка. Наверное, наблюдая за ним, не одна алексеевская девушка вздыхала тайком, сожалея, что упустила такого парня.

Не очень долго продержался и Женя. Во время выпускного вечера познакомил нас с супругой с одной девушкой, о которой до этого мы и слыхом не слыхивали. А спустя несколько месяцев по телефону из Бердянска попросил съездить в Борисоглебск и сосватать её.

– Без жениха?! – ахнула жена.

– Я присоединюсь по телефону, – сострил Женя.

Из разговора с ним мы поняли, что намерения его вполне серьёзные, а из этого вытекало лишь одно: нам надо собираться в дорогу.

4

Езды от станции Бирюч, что в шестнадцати километрах от нашего райцентра, до Борисоглебска – всего ничего. Каких-то шесть часов поездом до Поворино, а там до конечного пункта час ходу на электричке. Однако зима в тот год выдалась суровая, щедрая на сюрпризы. С одним из них как раз подгадала к нашему отъезду. После слякотной плюсовой погоды неожиданно ударил мороз. Всё вокруг – деревья, крыши домов, линии электропередач покрылись толстым слоем льда. Под его тяжестью были не только оборваны провода, но не устояли мачты высоковольтных линий. Движение поездов было прервано. Мы сидели в холодной, неотапливаемой квартире, без света, при свечах и думали: как там родители Оли? Ждут в гости, а мы застряли у себя дома и, видать, надолго.

Зазвонил телефон. На проводе был Борисоглебск.

– Как вы там? – с тревогой спросила Вера Михайловна, мама Оли, которую мы собирались ехать сватать для Жени. – Только что по телевизору показали Белгородскую область. Такое бедствие свалилось на вас...

Мы ответили, что живы-здоровы, вот только со сватовством вышла заминка.

– Ничего, с этим успеется, – успокоила Вера Михайловна. – У них (у Жени и Оли) вся жизнь ещё впереди.

Через пару недель мы отправились в путь. Из родственников никто не поехал. Желание поучаствовать в этом деле изъявили Гриша Тарасов, работавший в то время вместе со мной в редакции районной газеты «Знамя труда», и одна соседка по подъезду.

Переговоры в Борисоглебске «на высочайшем уровне» много времени не заняли. Быстро обговорили все вопросы, связанные со свадьбой, оформили соответствующий документ (обязательства сватов, естественно, в шуточной форме), скрепили его, как это было отмечено в нём, хорошей выпивкой и закуской. И тут, как и обещал, из Бердянска позвонил Женя.

– А меня засватали, – сообщила ему новость Оля.

– За кого? – поинтересовался Женя.

– За тебя.

– За меня?!

– Раздумал уже?

– Да вроде бы нет, – всё тем же игривым тоном отвечал Женя. – Но время подумать есть.

Не обошлась без сюрпризов и свадьба. Погода буйствовала всюю. Не успели оправиться от обледенения, как не на шутку разыгрались метели. Женя и Оля со свахой, Верой Михайловной, успели приехать к нам в райцентр до непогоды. А вот остальных родственников невесты она, что называется, накрыла в пути – в Поворино. Более двух суток они «загорали» на железнодорожном вокзале. Съели и выпили все припасы, что прихватили на свадьбу. Многие посчитали, что им там уже делать нечего – свою миссию выполнили, вернулись домой. Остались самые стойкие, самые близкие родственники, которые наперекор всему упорно добивались до цели.

В самый последний момент, прорвав все заслоны, к нашей всеобщей радости прибыл Коля Назаров (Танюша осталась

с дочкой, названной Женей – в честь своего лучшего друга). Из Дальнего Востока пришла поздравительная телеграмма от Саши Кузнецова. Его родители присутствовали на свадьбе. Прихватили с собой газету. В ней рассказывалось, как в сложнейших погодно-климатических условиях лейтенант Кузнецов успешно выполнил боевое задание и благополучно возвратился на аэродром, потонувший в белой пурге.

– Вот так. Знай наших! – коротко прокомментировал это сообщение Коля Назаров.

Что же касается Жени, то он, как всегда, скромно промолчал: не любил высокопарных слов. Правда, однажды не удержался от высоких эпитетов и он, заявив мне взволнованно по телефону, что один из его друзей совершил подвиг. Но то, действительно, был особый случай. О нём я расскажу несколько позже.

Родственники невесты опаздывали к началу свадьбы. Я поехал за ними на станцию в Алексеевку. Время неумолимо приближалось к назначенному часу регистрации, а нужного поезда всё не было. Задерживался. Когда въезжали в наш райцентр, все формальности с регистрацией молодожёнов были закончены. В столовой, мимо которой проезжали мы, уже гремела музыка.

– Что там происходит? – спросил Александр Михайлович, отец невесты.

– Свадьба, – ответил я.

– Чья?

– Наша. Жени и Оли.

– Свадьба? – потрогал Александр Михайлович густую щетину на лице, успевшую изрядно отрасти за то время, что они находились в пути. – Сбрить бы не мешало... А, да ладно! – решительно отворил дверцу «Жигулей». – В конце концов, не меня же женят. И так сойдёт!

***

Чудное это было действо, незабываемое. Гостей – полный зал. Все нарядные, весёлые. А в центре – жених и невеста. Несколько смущённые от всеобщего внимания, молодые, счастливые, самые красивые!

Жизнь, по сути, только начиналась. Позади училище. Осталось несколько месяцев учёбы в Бердянске – и лётная работа. Увлекательная, полная надежд, романтики. Впереди их ждало небо. Огромное, особое, совсем не такое, какое мы привыкли наблюдать с земли. Тревожное, зовущее, без которого они, выпускники высшего военного училища, не мыслили свою дальнейшую жизнь. Как птенцы, выпорхнувшие из гнезда.

И никто тогда даже предположить не мог, что их лётная судьба сложится совсем не так, как они её себе представляли. Тревожно. Очень тревожно. И виной тому будет не небо, испытывающее каждого лётчика на прочность. Трудности будут иного характера. Искусственные. Создадут их люди, сидящие далеко от ревущих турбин самолётов, в штабах, для которых чья-то мечта, конкретная судьба – капля в океане, пушинка в безбрежном воздушном пространстве, мечта – самая заветная! – пустой звук. Но об этом тоже позже.

Отгремела свадьба. Женя уехал в Бердянск. Заканчивать учёбу. Завершили её ребята довольно успешно. И вот на борт их берёт мощный ИЛ-76. Ребята возвращаются домой, в родную, как считали они тогда, Бутурлиновку.

Женя запечатлел этот момент на киноплёнку. В просторном салоне сидят его друзья-товарищи. Молодые, здоровые, жизнерадостные. Смеются, шутят, пьют пиво. Прямо из бутылок. И чем ни больше проходит времени от тех событий, тем пристальнее я всматриваюсь в лица ребят. Эти кадры напоминают старую кинохронику.

Кажется, с тех пор, как они были засняты, прошёл не один миллион лет, хотя к тому времени, когда пишутся эти строки, не минуло и десяти. А как за это время изменились их судьбы! Изменились и они сами. Одни продолжают службу в других частях и соединениях, другие, по выражению военных, отправлены на «гражданку», а третьих, увы, к великому сожалению, нет в живых. Не стало Миши Горшкова. Трагически оборвалась жизнь ещё одного однокурсника Жени. Окрались в несмываемую краску бело-стального цвета некогда смолянисто-чёрные кудри Андрюши Алексейкова, который почему-то особенно пришёлся по душе мне. Простое лицо, напоминающее больше лицо не мужественного лётчика (а что

это так, вы узнаете из моего повествования чуть позже), а деревенского пастуха. Глубокие складки расчертили переносицу Васи Мамаева, не предполагавшего тогда, какое суровое испытание выпадет на его долю, что вскоре он будет вынужден совершить такое, чего до этого не удавалось ещё никому, ни одному лётчику.

5

Случилось это тихой майской ночью. Вовсю щебетали птицы. Возле командного пункта особенно усердствовали кудесники-соловьи. Над аэродромом – огромный шатёр. Чистый, иссиня-чёрный, усыпанный миллиардами звёзд.

Небо было спокойное, как море в штиль. Божественную тишину первозданной ночи нарушали лишь истребители. Отработав над полигоном, они с приглушёнными двигателями заходили на посадку. Пробежав по бетонке, как сказочные птицы, замедляли ход, устало, не спеша, заворачивали на стоянку. И потревоженная было тишина становилась ещё глубже, чтобы через миг на её фоне звонче защebetали пернатые, замысловатее плели кружева из трелей соловьи.

***

Ослабевало напряжение и на КП. Ночные полёты близились к концу. В воздухе оставалась лишь машина старшего лейтенанта Мамаева.

Откинувшись на мягкую спинку кресла, майор Малыгин, руководитель полётов, устало расправил плечи. Достал из бокового кармана душистую пачку «стюардессы», не спеша извлёк из неё сигарету, щёлкнул зажигалкой. Глубоко затянувшись, не торопясь, не без удовольствия выдохнул струйку дыма. Да, полёты, по сути, завершены. Можно расслабиться. В воздухе находится лишь МиГ старшего лейтенанта Васи Мамаева. За него можно не волноваться. Лётчик опытный. Ещё в училище показал незаурядные способности. Одним из первых поднялся в воздух. Настолько блестяще выполнил самостоятельный полёт, что можно было подумать, что в кабине сверхзвукового истребителя находится не юный курсант, а воздушный ас. Обратило внимание на Мамаева и командование училища, оставив его в качестве лётчика-инструктора.

Правда, в Бутурлиновке, куда Мамаева направили после окончания учёбы в Бердянске, его почему-то невзлюбил командир эскадрильи подполковник Смирнов. Скорее, за талант, ясный ум, неординарность мышления. Про таких, как Мамаев, обычно говорят, что они лёгчики от Бога. Столь блестяще, как он, пожалуй, редко кто владел машиной. Разве что сам комэск. Вот, наверное, он и увидел в старшем лейтенанте Мамаеве достойного соперника. И невзлюбил. Даже к очередному званию не представил. Его однокурсники уже в чине капитанов, а на его погонах всё ещё красовались только три звёздочки.

Майор Малыгин, потягивая сигарету, спокойно наблюдал за перемещавшейся по экрану локатора светящейся точкой. Вот она круто забирает влево. Сейчас Вася отдаст ручку от себя, атакует цель и, выйдя из виража, доложит о выполнении задания, запросит курс на аэродром.

Светящаяся точка стремительно заскользила вниз. Достигнув чуть ли не крайней позиции, МиГ сделал крутой разворот, лёг на обратный курс. Однако сколько майор Малыгин ни напрягал слух, наушники шлемофонов молчали.

– Сто шестой, доложите обстановку! – потребовал руководитель полётов.

Мамаев не отвечал. В наушниках – лишь лёгкое потрескивание да далёкие, едва различимые чьи-то голоса.

Сомнений не оставалось: с истребителем что-то случилось. Связь оборвалась. Но если бы только отказала одна рация...

Наконец, МиГ-21 на большой высоте подходит к аэродрому. И вдруг, светящаяся точка заскользила стремительно вниз, дошла до критической отметки – и... исчезла, растворилась.

Майор Малыгин ощутил, как по телу пробежал лёгкий озноб, а лицо густо покрыл холодный пот. Во рту появился неприятный солоноватый привкус.

Всё! Неужели случилось самое худшее? Истребитель потерпел катастрофу? Кажется, что на этот счёт у руководителя полётов уже не было никаких сомнений. Его мучил лишь один вопрос, сверлил мозг, буравил, как огнём, – успел ли пилот покинуть машину? Зачем он тянул к аэродрому, а не катапультировался сразу, над полигоном, в наиболее безопасном месте?

– Сто шестой! Сто шестой! – не переставая, запрашивали с земли в тревожное чёрное небо. Оно молчит, не отвечает. И вдруг разразилось страшным, пронзительным грохотом. Чуть не зацепив будку командного пункта, истребитель пронёсся на предельно низкой высоте. Пролетел, как чёрный дракон. Ни сигнальных бортовых огней, ни единой светящейся точки. Прогрохотал, и вновь над аэродромом воцарилась жуткая тишина.

От сердца отлегло. Самолёт в воздухе. Лётчик жив. Но зачем он совершил этот смертельно опасный трюк над аэродромом? Что хотел сказать, о чём попросить? А что это так, майор Малыгин несколько не сомневался. Не зря он, рискуя жизнью, пролетел на столь недопустимо низкой высоте. Не зря. Значит, Мамаев решил всё же сберечь машину, произвести посадку, хотя в сложившейся ситуации следовало покинуть её – уж слишком высок был риск.

Малыгин, приказав включить над взлётно-посадочной полосой дополнительное освещение, привести в полную готовность все спасательные средства, снова запросил сто шестой, потребовал немедленно катапультироваться. Хотя, конечно, он прекрасно понимал, что его команда вряд ли будет услышана тем, кто сейчас находится там, в небе, среди множества мерцающих звёзд, неприветливом и опасном, как никогда.

О случившемся было доложено командиру полка полковнику Жданову.

– Кто в воздухе? – спросил он.

– Старший лейтенант Мамаев.

– Мамаев? – переспросил полковник. Он наверняка вспомнил, что это тот самый лётчик, о котором ему не раз докладывал подполковник Смирнов, говоря, что Мамаев тянет эскадрилью назад. Даже не подал рапорт к представлению очередного звания.

– Мамаев, – повторил командир полка, припоминая, наверное, как он чуть было не подписал рапорт на увольнение того в запас. Остановил лишь чистый, открытый взгляд пилота. Такого у плохих людей не бывает. И он задвинул документы в ящик стола, решив сам во всём разобраться. Да всё недосуг. И вот, как говорится, дождался.

– Какой по счёту у него ночной вылет? – спросил Жданов.

– На полигон, по сути, вылетел впервые.

Эх, угораздило же! Ну, случилось бы такое с более опытным пилотом, нет же – именно с ним, Мамаевым. Закон подлости!

Наверняка думал полковник и о том, как будет докладывать о случившемся наверх, особенно если с машиной произойдёт худшее. Да чёрт с ней, с машиной! Парня бы спасти – не то, что к очередному званию – к ордену бы представил!

– Не прекращайте передавать в эфир приказ катапультиться. Я сейчас буду.

Опережая несколько события, сообщу, что когда командир полка прибыл на аэродром, всё уже было кончено. Все страсти остались позади. Самолёт, как подбитая птица, распластав крылья, отдыхал на грунтовке, грея «брюхом» остывшую за ночь землю. Возле него стоял Вася – в шлеме, бледный, дрожащей рукой то и дело подносил ко рту дымящуюся сигарету, делая одну затяжку за другой. А может, лицо и вовсе не было бледным, а это краешки лучей мощных прожекторов, направленных на бетонку, бросали на него неяркий матовый свет. Запасную же грунтовую полосу, где произвёл посадку Вася Мамаев, осветить всё же не догадались. И немудрено: в полку уже вряд ли кто припомнит, когда в последний раз пользовались ею.

6

Что же произошло с истребителем в ночном небе?

Старший лейтенант Мамаев нанёс ракетно-бомбовый удар по едва заметной наземной цели, потянул ручку на себя, тут же ощутив приятную, всё возрастающую тяжесть, давившую на всё тело. Краем глаза заметил, как, запрокинувшись, будто отражаясь в воде, куда-то влево уплывают огни какого-то населённого пункта. Вскоре они исчезли совсем. Истребитель, задрав нос, набирал высоту. Теперь, куда бы летчик ни бросил взгляд, были видны другие огни, неземные, ровные и не столь отчётливые. Вася даже ощутил их ледяной холодок. Но он тут же удивился, что они были очень яркие – эти далёкие звёзды, до которых, казалось, можно дотянуться рукой. Обычно так бывает, когда глядишь на них из тёмного помещения.

Вася бросил взгляд на панель – и не обнаружил привычного мерцания множества приборов. Мёртвая тишина была и в наушниках шлемофонов, не ощущалось привычного потрескивая эфира. Отказало электрооборудование! А это значит, что самолёт, по сути, парализован. Бездействуют приборы, нет связи с землёй, не выпускаются шасси...

Что остаётся делать в таком случае? Катапультироваться! Однако, по признанию самого Васи Мамаева, у него даже мысли не возникло на этот счёт. Нет, он не выдавал себя за героя, который думает сначала о Родине, а потом уж о себе. Исправно работал двигатель. МиГ послушно исполнял команды лётчика. А коль так, то Вася думал лишь об одном – как вместе с ним вернуться на землю. Правда, когда на земле поинтересовались, почему он не катапультировался, ответил, что боялся. Но это была всего лишь шутка. Уместная и как нельзя соответствовавшая и моменту, и его характеру.

Вообще, как рассказывали мне сами авиаторы, есть лётчики, которые чуть что – тут же хватаются за ручки катапульты. Что движет ими? Страх перед неизвестностью в терпящем бедствие самолёте или, наоборот, бесстрашие перед выстрелом этого устройства? А должен сказать, что эта вещь не из приятных.

Да и лётчик нажатием планок катапульты обрекал самолёт на верную гибель – живое творение многих рук. И каждый такой случай, естественно, служит поводом для самого подробного анализа произошедшего. И если пилот прибег к катапульте, как к крайней мере, то на этом инциденте обычно ставится точка. А если поторопился? В Бутурлиновке после повторного такого случая один из лётчиков вынужден был навсегда распрощаться с небом.

В первый раз он покинул самолёт, будучи ещё курсантом (произошло это тоже в бутурлиновском небе). Отказал двигатель. С земли поступила категоричная команда: катапультироваться! И тот не растерялся, чётко исполнил её. Компетентная комиссия, разбиравшая данный случай, нашла действия руководителя полётов и курсанта абсолютно правильными. И тот, и другой были награждены именными часами.

Второй раз этот же пилот во время выполнения сложного пилотажа «затянул» на верхней точке. Истребитель начал заваливаться. Лётчику достаточно было отпустить ручку управления, и он бы выровнялся сам. Но пилот этого не сделал. Доложив о случившемся на землю и не дожидаясь команды, нажал на ручки катапульты. Прибывшая на место катастрофы самолёта комиссия констатировала: лётчик поторопился.

Но, как уже было сказано, у Васи Мамаева даже мысли не возникло воспользоваться катапультой. Естественно, о том, чтобы посадить МиГ-21 на бетонку без заднего шасси (переднюю стойку можно выдвинуть рукой) нечего было и думать. Грунтовая же полоса, находившаяся несколько в стороне от бетонной, обычно не освещалась. Вряд ли на КП догадаются направить лучи прожекторов на неё, если не подскажет он. И Мамаев, бросив самолёт вниз, на недопустимо низкой высоте пронёсся над аэродромом, чуть ли не на уровне командной будки, дергая, согнувшись в кабине, ручку передней стойки, показывая тем самым, что он будет производить посадку на неё и топливные баки. Но, увы, этого никто не разглядел. Разумеется, Вася тоже не обольщался излишней надеждой, прекрасно понимая, что в темноте да ещё на такой скорости, за тот миг, что истребитель находился над КП, оттуда вряд ли удастся что-либо разглядеть. Но всё же попробовать было нужно. А вдруг... Но никто даже предположить не мог всю серьёзность возникшей неисправности на истребителе и в сколь сложной ситуации оказался лётчик.

Набрав нужную высоту, Мамаев произвёл разворот. Внизу мерцали огни. Земля жила обычной жизнью. Родная, милая, ставшая для него, старшего лейтенанта Васи Мамаева, злой мачехой. Ибо ничто сейчас не представляло для него такой опасности, как эта земля, взрастившая его.

Да, лётчикам не зря, прежде всего, желают мягкой посадки. Сложная это штука, опасная. Как-то в один из визитов к сыну мне бросились в глаза некогда смолянистые кудри его друга Андрюши Алексейкова. Их густо посеребрила седина. И это в двадцать три года!

- Посадка, - коротко пояснил Женя.

... Андрей приближался к крайнему приводу аэродрома, выбросил шасси. Однако взлётно-посадочная полоса неожиданно растворилась в снежной позёмке.

– Ничего не вижу, – сообщил он в пункт управления.

Оттуда поступила команда – на второй круг. Но и со второго ничего не получилось, снежный заряд стал ещё гуще. Андрюша ушёл на третий. Заходит снова – та же картина. Земля не хочет принимать. Как быть? Делать разворот на четвёртый? Топливо на исходе. Хватит лишь для того, чтобы набрать нужную высоту и катапультироваться. Но какой же лётчик станет покидать кабину исправной машины!

Андрей, до рези в глазах вглядываясь в белое месиво, пошёл на сближение с землёй, что называется, на ощупь и вполне благополучно посадил МиГ. А когда снял шлем, то все увидели, во что обошлась ему посадка: его чёрные кудри стали под цвет бетонки, по которой тянулись снежные нити позёмки...

Ещё более невероятная история приключилась с другим пилотом. Истребителем управлял один из опытных лётчиков. За его плечами – сотни вылетов, в любую погоду, днём и ночью. Погода – лучше не бывает. Как выражаются авиаторы – видимость тысяча на тысячу. И вдруг во время посадки на аэродром будто кто набросил непроницаемую вуаль. Видать, под каким-то неожиданным ракурсом преломились лучи заходящего солнца, нырнувшего за тонкую, прозрачную тучу. Проступала лишь линия стоявших одна к одной серебристых машин. Лётчик принял её за взлётно-посадочную полосу. Довернул на неё МиГ-21, выбросил шасси.

– Что он делает?! Что делает?! – вскричал находившийся на КП командир полка. – Он что – пьян?!

В воздух взлетела красная предупредительная ракета. Увидев её перед носом истребителя, пилот рванул ручку на себя. Спустя какое-то время шедшая за ним вторая машина в точности повторила манёвр первой: находившийся в её кабине лётчик тоже не смог произвести посадку с первого захода.

Что касается Васи Мамаева, то он находился в особых – сложнейших условиях. «Стрелять» приходилось наверняка.

Любая промашка была недопустима, могла стоить жизни. Стоит сделать ошибку – топлива не хватит даже для того, чтобы набрать высоту для катапультирования. Как примет земля? Ласково, как добрая мать, или взорвётся, встанет на дыбы?

У каждого лётчика полка на памяти уже был такой случай. Произошёл он в Борисоглебске, ещё в то время, когда там действовало училище. На спарке один из последних предвыпускных ночных полётов выполняли курсант и опытный лётчик-инструктор. Всё шло по программе. Выполнив её, борт запросил разрешение на посадку. Получил её. Однако на аэродром МиГ-21 не вернулся. В нескольких километрах от него спасатели обнаружили дымящуюся воронку и разбросанные вокруг неё обломки самолёта.

Как потом выяснилось, в том месте, где потерпел катастрофу истребитель, недалеко от ближнего привода аэродрома одна из организаций приступила к сооружению какого-то объекта, осветив строительную площадку фонарями. Это освещение пилоты приняли за ближний привод, а полосу, идущую по курсу от одного из мощных прожекторов, за бетонку. И пошли на посадку...

***

Вася убрал обороты двигателя, пошёл на снижение. С досадой отметил, что на КП так и не догадались осветить грунтовую полосу. Спасибо, что её хоть как-то достают лучи, направленные на бетонку, и она всё же просматривается. Подлетая к ней, Мамаев определил, что скорость и высота истребителя несколько выше, чем это требовалось, выключил двигатель. И вот она, земля, совсем рядом, неумолимо надвигается, бежит навстречу. Касание! Самолёт трянуло. Какая-то неведомая сила потащила его в сторону. Неимоверным усилием Васе удалось удержать его на полосе. МиГ неуклюже прополз несколько десятков метров и замер. Не понадобились ни «скорая помощь», ни пожарные и другие аварийные машины. Когда подбежали к самолёту, Вася уже стоял на земле и жадно курил...

Утром после описанных событий на моём столе в редакции районной газеты зачастил телефон. На другом конце провода послышался голос сына. Обычно сдержанный, немногословный, Женя был несколько взволнован. После традиционного приветствия спросил, нет ли у меня знакомого журналиста в какой-либо центральной газете?

– Случилось что? – встревожился я.

Женя коротко поведал о событиях, произошедших минувшей ночью.

– Неплохо было бы рассказать об этом в газете. Ведь, по сути, человек совершил подвиг. Посадить ночью без навигационных приборов и с невыпущенными шасси боевой современный истребитель – подобного ещё не было в мировой практике.

– Командование, наверное, уже побеспокоилось, – предположил я, памятуя о том, с каким апломбом было поведено о подвиге лётчика-инструктора и курсанта из этого же полка несколько лет назад. При заходе на посадку в сверхзвуковом истребителе отказал двигатель. Как потом выяснилось, в его турбину угодила крупная птица. Случилось это, как сообщалось в корреспонденции, над городом. Рискуя жизнью, пилоты всё же сумели отвести безжизненную машину от жилых кварталов и катапультировались на высоте не более ста метров. Снимок этих героев с очерком о случившемся обошёл чуть ли не все центральные газеты. Однако, как я затем узнал из уст участников тех событий, ничего такого особенного в той истории не было. Да, действительно, двигатель в машине заглох при заходе на посадку на критической высоте. Судьбу пилотов решали не секунды, а тысячные, а может, миллионные доли их. И они не упустили свой шанс. Катапультировались вовремя. Действовали хладнокровно, расчётливо. Сначала, как это и предусмотрено инструкцией, истребитель покинул лётчик-инструктор, находившийся в задней полусфере кабины, а мгновение спустя – курсант из передней. И право, подобные действия заслуживали самой высокой похвалы. Только вот одного не было – отвода самолёта от жилых кварталов города. Этого и не могло быть. По той простой

причине, что самолёты на низкой высоте вообще над ним не летают. Аэродром находится в стороне от города, по сути состоящего из одной длинной улицы. Параллельно этой улице расположена бетонка: чтобы, значит, при взлёте и посадке её не могли пересекать самолёты.

Конечно, пилоты, вне всякого сомнения, показали высочайший образец лётного мастерства, выдержки, мужества. Не растерялись в критической ситуации, действовали грамотно, умело. Что же касается отвода истребителя от густонаселённого жилого массива – то это плод фантазии журналистов, слетевшихся со всех концов страны в полк. Видать, заинтересовано было в подобной трактовке и командование: кое-кто после происшедшего получил повышение в звании или должности.

– Наверное, о случившемся уже доложено, куда надо? – повторил я.

– Вряд ли, – ответил Женя. – Это не тот случай.

– Как же так? – воскликнул я. – Совершён подвиг – и не тот случай?!

– Ладно, – сдержанно произнёс сын. – У тебя отпуск на носу. Приезжай, узнаешь всё на месте.

***

Как ни торопились мы с женой, сына застать дома не смогли: летом очень рано отправляется на службу. А тут ещё задержался нужный автобус. Проходили минуты за минутами, а наша «двойка» всё не показывалась. Когда сажались в автобус, утреннюю тишину полусонного города разорвал мощный рёв тысячесильного двигателя, и через несколько мгновений, вспугнув на привокзальных деревьях зазевавшихся ворон, в чистое, омытое росой небо взлетела острокрылая продолговатая стальная птица.

Женя вернулся поздно вечером. Долго хлестался холодной водой в ванной, вероятно, стараясь смыть накопившуюся за день усталость. Вышел из неё несколько посвежевший, хотя смыть то, что накопилось за долгий напряжённый день, ему так и не удалось. Лицо заметно осунулось, под глазами залегли тёмные круги.

– Как делишки? – в полушутливой форме задал я традиционный вопрос.

– Нормально, – бросил привычно.

– Наверное, много сегодня было вылетов? Весь день двигатели сотрясали воздух.

– Несколько заправок, – ответил уклончиво Женя, не любивший распространяться по поводу своей службы.

Помнится, только однажды поведал восторженно о событии, связанном с ней. Это когда совершил первый прыжок с парашютом. Да и то больше рассказывал о ребятах, чем о себе. Как один из них за малым не угодил на высоковольтную линию, другой зацепился стропами за дерево, третий опустился на крышу частного одноэтажного дома, умудрившись при этом повывбить чуть ли не все окна в нём... О себе же – ни слова. Нормально – и всё тут. Не о чём, выходит, и говорить. А потому, зная эту давнюю привычку сына, я не стал донимать его ничего не значащими вопросами, перешёл сразу к делу, попросил рассказать о Васе Мамаеве.

– А знаешь, папа, – сказал Женя, – я всё-таки ошибся. Корреспондентов понаехало видимо-невидимо. Пишут, клацают затворами фотоаппаратов. Так что, думаю, поведают о подвиге Васи без твоей помощи.

Вася провёл немало томительных часов и дней в кругу корреспондентов, выпытывавших у него подробности ночного происшествия. Что он чувствовал? О чём думал в те тревожные минуты, что находился в ночном небе? Как это ему удалось столь блестяще посадить самолет? А сколько плёнки было загублено! Фотографировали и в фас, и в профиль. В лётном облачении и без него. Одного и с товарищами. И даже на пару с командиром эскадрильи подполковником Смирновым. С тем самым, что не удосужился написать рапорт к представлению старшего лейтенанта Мамаева к очередному званию, кто причинил ему немало незаслуженных обид. Хотели было запечатлеть виновника торжества и с руководителем полётов майором Малыгиным, в волосах которого в ту ночь существенно добавилось седины, но тот наотрез отказался, заявив, что у него для такого дела не подходит физиономия.

В тот раз, когда лётчик-инструктор и курсант катапультировались при заходе на посадку на небольшой высоте, за командным пунктом тоже находился майор Малыгин. Да, пилоты действовали чётко, умело. Но не растерялся и он. Как только те доложили о случившемся, смело взял всю ответственность на себя, отдал команду покинуть самолёт, не промедлив даже тысячную долю секунды, которая для находящихся в кабине терпящего бедствие истребителя вполне могла оказаться роковой. Так что, говоря по чести, он тоже вполне заслужил свою порцию похвалы.

Фотокорреспонденты запечатлели его вместе с лётчиком-инструктором и курсантом. Но, увы, на опубликованном в газетах снимке руководителя полётов не оказалось. Отрезали в редакции.

– Физиономия моя не понравилась, – пошутил майор.

В случае с Мамаевым лётчик действовал самостоятельно, как говорится, на свой страх и риск. Малыгин же даже не догадался отдать распоряжение осветить запасную грунтовую полосу. Не мог он предположить, что пилот в ночных условиях решится посадить самолёт без выпущенного шасси и при бездействующих в кабине приборах. Думал, раз тот не катапультировался, значит, на борту всё более или менее нормально. А оно вон, что вышло...

Что пережил столько тревожных минут – это не в счёт, так как на то она и служба. Ему с этим делом вообще везёт. Редко какие полёты проходят спокойно. Не раз доводилось слышать шутку на тот счёт, что если уж чему суждено случиться в полку, то это непременно произойдёт во время дежурства майора Малыгина.

Однажды во время полётов, когда полк занимался обучением курсантов, на аэродром приземлилась эскадрилья выведенных только что из Афганистана вертолётов. Поставив машины в конце взлётно-посадочной полосы, лётчики жадно дымили сигаретами, живо обсуждая перипетии трудного перелёта. И тут до их слуха донёсся прерывистый, своеобразный гул реактивного двигателя. Прямо над их головами, тяжело переваливаясь с крыла на крыло, чуть ли не отвесно снижался

истребитель. Вертолётчики сначала было решили, что это их вот таким образом приветствует какой-то местный ас. Кто-то даже успел выкрикнуть, мол, в Афган бы такого, вот бы наделал там шороху. Но через какое-то мгновение, цепenea от ужаса, поняли, что МиГ просто-напросто падает прямо на стоянку «горбатов». То ли в нём отказало управление, то ли пилот растерялся.

Ближе к истине было второе. Свой первый самостоятельный полёт на сверхзвуковом истребителе выполнял молоденький курсант. Взлетел ещё более-менее благополучно, а вот перед посадкой растерялся. Напрасно руководитель полётов и командир эскадрильи до хрипоты кричали в микрофон, отдавая команды. Курсант не реагировал на них, находился по существу в шоковом состоянии. МиГ упал на залитое ярким солнечным светом травянистое поле. Упал на редкость удачно, почти не получив повреждений. Жив оказался и курсант, отделался лишь испугом.

Пожалуй, позже других пришли в себя вертолётчики.

– Братцы! Да у них тут похлеще, чем в Афгане! – вскричало сразу несколько глоток. – Надо скорее уносить ноги!

Раздалась команда: «По машинам!»

Вертолётчики заняли места в кабинах. Воздух вздрогнул от множества зарокотавших двигателей. «Вертушки» одна за другой взмыли в воздух и, сделав крутой разворот, унеслись дальше.

– Что же ты так опростоволосился? – упрекнул Малыгина прибывший на КП полковник Жданов. – Гостей перепугал. Разнесут теперь повсюду, что у нас творится такое...

Не скрывал своего неудовольствия и командир эскадрильи. Долго по этому поводу над майором Малыгиным подшучивали товарищи.

А в чём была его вина? Да ни в чём. Вроде бы это он готовил курсанта к самостоятельному выходу в воздух, давал добро на вылет, а не те же комэск и командир полка.

Но такова, вероятно, судьба руководителя полётов. Если успех, удача, то это заслуги чьи-то, а не его, а уж коль какое происшествие, то вина в этом его и только его одного.

***

Однако видать, не понравилась кому-то физиономия и Васи Мамаева. Проходили дни за днями, а газеты молчали, хотя корреспонденты, нагрывшие в полк, утверждали, что материал о нём появится в ближайших номерах. О событиях, произошедших майской ночью в небе Бутурлиновки, не было опубликовано ни строчки. Лишь спустя много времени появилась статья в журнале «Авиация и космонавтика». Написал её один из спецов полка. Речь в ней шла не столько о событиях над Бутурлиновкой, как мужественно и грамотно в неординарных условиях действовал старший лейтенант Мамаев, а о том, как они, командиры и спецы, хорошо того учили мастерству, что он, по сути новичок в ночном небе, сумел совершить невозможное.

8

Да, Женя не ошибся, сказав, что это не тот случай. Сначала вроде всё шло нормально. Полковое начальство охотно рассказывало журналистской братии о произошедшем, давая самую лестную характеристику Васе Мамаеву. Не было недостатка и в желающих сфотографироваться с ним. Почему же тогда в газетах не появилось ни строки? Тема оказалась не та? Нет, она была злободневной. О таком материале можно только мечтать. Говорю это как профессиональный журналист. Выбили другие, более значимые материалы? Вряд ли. Не было в то время таковых. Завершились события в Афганистане. Покидали его последние подразделения. Ничего особенного, героического не происходило в других местах. И, казалось бы, за такой материал ухватятся в любой газете, дадут ему зелёную улицу.

Так в чём же тогда дело? Мне назвали две вероятные причины. Прошёл слух, что про этот случай прознал один из генералов, давнишний друг Жданова, занимавший в то время в Министерстве обороны весьма высокий пост. Связался с комполка по телефону.

– Что-то тут опять о твоих людях заговорили? – спросил недовольно.

– Случай у нас несколько необычный произошёл, – ответил полковник. – Пусть страна узнает своих героев.

- Героев, говоришь? - ещё более недовольно прогудел в трубку генерал. - А о себе ты подумал?

- Не понимаю?

- Понимать здесь нечего. Решил, что тебя снова похвалят? Как бы не так! Держи карман шире. Опят, скажут, у этого Жданова... Соображаешь?

- Да.

- Вот и хорошо. Надо промолчать. Я тут на этот счёт отдал кое-какие распоряжения. Так лучше будет. Без геройства, братец, оно куда спокойнее.

- Возможно. Жаль только парня.

- А чего его жалеть? Пусть себе летает.

- Насчёт награды как? Я представил его к Красной Звезде.

- Получит. Всё, что требуется в данном случае, получит. Не покусимся. Этого добра хватает. Насчёт же газеток голову больше не бей. У тебя намечается повышение. Как бы ты сам не испортил себе карьеру. Бережёного, говорят, Бог бережёт.

Пробовал было достучаться до одной из центральных газет я, где в то время работал заведующим отделом мой старый друг, но безрезультатно: из полка ему ответили, что ничего такого особенного, заслуживающего внимания газеты, не произошло.

По второй версии, немалую роль, как и предполагал Женя, говоря, что это не тот случай, сыграло то обстоятельство, что Мамаеву своевременно не повысили звание, зачислили, так сказать, в ранг отстающих, самых бесперспективных авиаторов. А он показал высочайший образец лётного мастерства. Просчитались, в общем, и по-крупному. А кому же охота признаваться в своих ошибках, да ещё во всеуслышание? Сначала сторяча забили во все колокола, мол, вот ведь мы какие, совершаем неслыханные подвиги. Пригласили корреспондентов. А затем одумались. Поняли, что допустили серьёзную промашку. И дали отбой. Сделать это было нетрудно. Достаточно набрать нужный номерок телефона и дать соответствующее указание...

***

Вообще в последнее время в нашей армии творится что-то неладное. Она предается забвению. Разрушается всё лучшее, чем мы так гордились.

Помню, с какой настойчивостью Женя стремился поступить в Борисоглебское училище.

– Поговаривают, там конкурс внушительный, – пробовал было предостеречь его от неудачи. – Ведь, считай, самое прославленное. Окончили Чкалов, Каманин, Коккинаки... В другое, может, легче прорваться?

– Вот потому и стремлюсь туда, что это не рядовое училище, – твёрдо отвечал сын. – Наверняка и лётчиков там готовят лучше.

Женя по-настоящему бредил небом, а не мечтал, как некоторые другие, о золотых погонах и красивой форме. К этим атрибутам относится более чем равнодушно. Давно уже в чине майора, но ни разу так и не появился на родине в форме. Да и в Бутурлиновке облачается в нее крайне редко, не любит щеголять. Его интересует лишь сама профессия. И не более.

На весенних каникулах перед выпуском из средней школы, подбив несколько ребят, отправился с ними в Борисоглебск, взглянуть на город, познакомиться с училищем. С трепетом подходил к нему. Остановились у КПП. Через него туда-сюда сновали офицеры. Стройные, подтянутые. Ребята впивались в них жадными глазами. Многие, очень многие из них хотели бы в тот момент походить на этих людей в красивой форме. Но тут со звоном и скрежетом, сотрясая всё вокруг оглушительным рёвом, низко, на крутом вираже, пронёсся истребитель. Стремительное продолговатое стальное тело показалось в поле зрения и миг исчезло за крышами ближайших строевых.

– И что, в нём сидит человек? – спросил растерянно кто-то из ребят.

– А как же, – ответили ему наиболее осведомлённые в этом вопросе.

– Может, это ракету запустили? – не уступал сомневающийся. – Видели, и крыльев почти нет...

Ему разъяснили, что это и есть настоящий современный истребитель.

– Тогда я пас, – заявил тот. – Пусть на нём летают дураки, кому жить надоело, а я лучше похожу по земле.

Желающих поступить в училище из той группы почти не оказалось. Лишь Женя ещё больше укрепился в своей вере, что он сделал правильный выбор.

Мне кажется, что и лётчиком-инструктором согласился продолжить службу исключительно из-за любви к училищу. Прельщала его слава, что и он наравне с другими будет готовить из вот таких, как он, робких, безусых мальчишек, бесстрашных соколов.

В первый же наш приезд в Борисоглебск Женя потащил нас с женой в комнату славы училища. Там мы подробно узнали о том, что история Борисоглебского училища лётчиков – это история ВВС страны. Здесь начали обучать курсантов ещё на самолётах, максимальная скорость которых не превышала 130-150 километров в час. А в то время, о котором идёт речь в повествовании, училище готовило высококвалифицированных специалистов – военных лётчиков-инженеров, способных решать сложнейшие боевые задачи на сверхзвуковых истребителях.

За свою более чем шестидесятилетнюю историю училище подготовило тысячи лётчиков. Многие из них стали выдающимися военачальниками. Неувядаемой славой покрыли себя выпускники Борисоглебского училища во время Великой Отечественной войны, 260 из них стали Героями Советского Союза, а 12 были удостоены этого звания дважды.

А сколько подвигов было совершено в мирное время! Отличились его выпускники и в небе Афганистана. Золотой Звездой отмечен подвиг Вадима Гончаренко. А некоторые из выпускников, как например, Боря Гордиенко, отдали свою жизнь.

И вот училища не стало. Закрыли. Решили сократить одно из высших лётных военных учебных заведений. Выбор сначала падал на другие училища. Но у тех оказались высокие покровители. У Борисоглебского же в то время таковых не нашлось. Поехал было в Москву, в высшие инстанции, сын Валерия Павловича Чкалова, чьим именем названо училище. А там сказали – не волнуйся де, имя твоего отца останется за

Борисоглебским полком. С училищем же вопрос решён и не подлежит обсуждению.

– И что же дальше? – спросил я у бутурлиновских авиаторов.

– Ничего, – ответили те. – Доучим вот последних курсантов, а там видно будет. Кадры-то, надемся, сохраняют. Не станут же губить такой опытный преподавательско-инструкторский потенциал.

Наивное заблуждение! Как показали дальнейшие события, никому он оказался не нужен, этот богатейший потенциал. Впрочем, не только он, но и вся армия – былая гордость и слава народа, в одночасье оказавшаяся в роли нелюбимой падчерицы. Особенно круто обошлись с молодыми лётными кадрами. Многим их мечту, что называется, подрубили на самом взлёте.

Будучи в отпуске, как-то заскочил к нам Саша Кузнецов. По такому случаю собрались друзья, соседи. Выпили малость. Попробовали было танцевать, но веселье что-то не клеилось. Тогда сосед, Владимир Михайлович Шурганов, принёс гитару и спел под неё шуточную песенку. Про жену, мужа, любовника жены, плов и кошку – невинную мурлыку, которую супруга обвинила в том, что якобы та сожрала плов, а не её сердеед. Однако и ему не удалось поднять настроение за столом. Саша, обычно общительный, весёлый, на этот раз был грустен и молчалив.

– Может, расскажешь нам что-нибудь о своей службе? – обратился к нему я. – Мы тут как-то читали в газете о тебе.

– Нет, – покрутил головой Саша. – Давайте я лучше спою.

Он взял гитару, тронул струны. Запел ровным, мягким голосом:

Не надо грустить, господа офицеры,
Что мы потеряли – уже не вернуть.
Пусть нету Отечества, нету уж веры
И кровью отмечен нелёгкий наш путь.

Песня в то время была многим незнакома. Все слушали её, затаив дыхание. А мне назойливо буравила мозг одна мысль,

Тревожное небо

впивалась занозой в сердце: что-то не так. Не зря из многих песен Саша выбрал именно эту. Что-то произошло. Этот крепыш отличался своей невозмутимостью, твёрдостью характера. От цели к цели шёл твердо, уверенно, как танк. Успешно усваивал программу в училище. Одним из первых выполнил самостоятельный полёт. Да так, что позавидовали бывалые лётчики. По окончании училища сам попросился на Дальний Восток, туда, где было всего труднее. Приезжал оттуда в отпуск жизнерадостный, довольный всем. На вопрос «Как служится?» отвечал бодро: «Нормально!» И вот что-то произошло. Что?

Уже уезжая, на автостанции, Саша признался, что и туда, на Дальний Восток, докатилась волна развала армии. Началось повальное сокращение офицерского состава. И, как правило, под эту жёсткую метлу попадали лучшие кадры, которым бы ещё летать и летать, верой и правдой служить Отечеству. А их безжалостно списывали на «гражданку». Под эту категорию попал и Саша Кузнецов – лётчик с незаурядными способностями, которому многие пророчили завидную военную карьеру.

– Я никакой работы не боюсь, не пропаду на «гражданке», – с горечью говорил Саша. – Но только я хочу летать. И не абы на чём, а на современных военных самолётах. Понимаете, старики, выслужившие уже все сроки, забывшие, с какой стороны забираются в кабину самолёта, остаются, а нас, молодых, здоровых, вашей выталкивают. А я увольняться не захотел.

– И что же?

– Поезжу по здешним полкам. Есть несколько адресков. Может быть, где найдётся местечко...

Однако ничего утешительного Саша Кузнецов не нашёл. Куда бы он ни сунулся, всюду военные люди сидели на чемоданах, озлобленные, не уверенные в завтрашнем дне. Один из командиров, взглянув на ладно скроенную фигуру капитана Кузнецова, поймав его упрямый чистый взгляд голубых глаз – под цвет майского неба, не выдержав, закричал:

– Куда я тебя возьму? Куда?! – Он рывком поднялся со стула, нервно раскрыл толстую папку в плотном коричневом переплётё. – Смотри, сколько их! – вскинул руку с какими-то зажатыми в кулаке бумажками. – Каждый день звонят, тре-

буют – освободи клетку. И для кого? Для сынков высокопоставленных особ. Приедет вот такой хлюст – и не то что на своих старших товарищей – на меня, командира полка, смотрит свысока... Проку-то от них... А я вынужден сокращать. Списывать лучших из лучших!

И полковник, не стыдясь капитана, годившегося ему в сыновья, перекрестил Бога таким благим матом, какого Саша Кузнецов не слыхивал отродясь. Он долго ещё, перемежая слова отборной бранью, говорил о том, что боеспособность полка падает день ото дня. Все плюют на армию. А ведь придёт то время, когда на верхах стрянутая, да будет поздно.

– Хотя чёрта с два! – вскипел снова полковник. – Им что? С них-то какой спрос? Им вынь да положь. Обеспечь боеготовность – и всё тут. А где её возьму, когда я лучших из лучших соколов выпроводил за ворота. С этими же, – кивнул он неопределённо на окно, – хорошо водку пить, а не самолёты поднимать в воздух!

Полковник, наверное, ещё бы очень долго костерил высшее начальство, требующее от него освободить клетку за клеткой, то есть место для вновь прибывающих, да Саша слушать не стал. Взяв под козырёк, он покинул кабинет не на шутку разбушевавшегося командира полка, у которого просьба капитана, по всему видно, задела самую болевую точку.

9

Подобная беда коснулась не отдельных полков, а, пожалуй, всей армии. Какие надежды питал с возвращением в Россию Коля Назаров...

– Теперь я от Жени никуда, – повторял то и дело. – Будем служить вместе, летать крыло к крылу.

Говоря откровенно, мы тоже так думали с женой. Благодарили судьбу, что она, наконец, улыбнулась ребятам. Ведь это так здорово, что Женя и Коля снова оказались вместе. Хотя, впрочем, Женя не особенно выказывал своё восхищение по этому поводу, всё помалкивал, горестно, обречённо вздыхал. Тихо, едва заметно.

– Что, не верится, что удастся послужить с Колей? – уловив момент, спросил я.

– Поживём – увидим, – уклончиво ответил Женя.

Настал момент, когда и он уже поверил в счастливую звезду. Вместо Жданова командиром Бутурлиновского полка назначили полковника Головина. Назначение это было не случайным. Полк неожиданно приблизился к южным рубежам Российского государства (или, вернее, те к нему), где всё напряжённее и горячее становилась обстановка. И во главе полка понадобился молодой, энергичный командир.

Коле, казалось, повезло вдвойне. С командиром полка они оказались земляки: Головин был родом из Белгорода. Под его началом Коля служил все эти годы, начиная от Белоруссии и кончая Азербайджаном, где они хватили особенно много лиха. На аэродром совершалось одно нападение за другим. Вёлся прицельный обстрел. Приказа же из Москвы открывать ответный огонь не поступало. Да если бы и был, как ты будешь стрелять в живых людей, не ведающих, что творят, во вчерашних, так называемых, братьев.

А они наглеют всё больше. Подкатили на нескольких грузовиках. Кузова до отказа забиты рослыми, крепко сбитыми парнями. Все хорошо вооружены, знают, чего хотят. Коля, дежуривший на вышке близ КПП (охрана разбежалась задолго до этого происшествия), привёл в боевую готовность оружие, приготовился к самому худшему.

Прибывшие, между тем, смело, не таясь, спрыгивали на землю, решительно двинулись на штурм. Хотя, пожалуй, это слишком сказано. Никакого штурма не было. Нападавшие были уверены, что им не будет оказано никакого сопротивления. Аэродром, что называется, можно было взять голыми руками, а с оружием – тем более. Ведь открывать огонь, как полагали они, никто не станет: нет на то приказа, о чём нападавшие были прекрасно осведомлены.

Налётчики всё ближе. Отчётливо видны смуглые, бородастые лица. Ну, точь-в-точь как в Афганистане! И, тем не менее, это был не Афган. Хоть и стала бывшая союзная республика чужим государством, всё же это как-то ещё не отложилось в сознании. Ещё вчера вот с такими же парнями занимались в училище, за одним столом хлебали щи, делились последней сигаретой, стартовали в небо с одного аэродрома. И вот теперь он вынужден открывать по ним огонь. На поражение.

- Почему не стреляешь? - подскочил к Назарову дежурный по полку подполковник Васильев.

- Так свои же...

- Какие свои?! - вскипел подполковник. - Ты что, не видишь, что это за люди? Ждёшь, когда они из тебя кишки вымотают? Огонь!

Коля поправил ручной пулемёт, приник к нему. Однако ловить в прицел нападавших не стал. Дал заградительную очередь. Пули подняли фонтанчики пыли в нескольких шагах от них. Те остановились в нерешительности.

- Огонь по машинам! - приказал Васильев.

Капитан Назаров, приподняв хоботок пулемёта, нажал на спусковой крючок. Пули хлётко ударили по кузову ближнего автомобиля, дробя, кромсая в щепки доски, звонко цокнули о металл. Это был как освежающий холодный душ. Нападающие поняли: на этот раз шутить с ними не станут. Ещё шаг, малейшее движение вперёд - и на мушку будут взяты живые мишени. Они дружно отхлынули назад, укатили туда, откуда приехали.

Однако такое положение вещей не понравилось руководству суверенной республики. Командира полка пригласили для объяснений на самый верх, где предложили поскорее убираться подобру-поздорову домой, в Россию.

- Хорошо, - сдержанно ответил Головин. - Отправим оставшиеся семьи, имущество авиаполка и покинем вашу очень гостеприимную республику.

- Нет, - возразили Головину, - всё оставите здесь. Имущество, самолёты. Всё! Кстати, - добавили не без усмешки, - ваш командирский «УАЗик» мы уже национализировали.

- Быстро же это у вас получается, - усмехнулся командир полка.

- Стараемся, - с явной издевкой заявили ему.

- Зря старались. Придётся машину вернуть.

- И не подумаем.

Однако Головин предусмотрел и такое развитие событий. Он взглянул на часы, заявил, что через несколько минут над городом начнутся демонстрационные полёты штурмовиков, а затем, если он не отменит свой приказ, - прицельное бомбометание.

– И поверьте мне на слово, – заметил комполка, – мои соколы умеют делать это прекрасно!

И в подтверждение его слов прямо над центром города появилась пара «сушек», которая с рёвом прошла на предельно низкой высоте. За ней – вторая, с боевыми подвесками. И противная сторона дрогнула. Головина попросили «во избежание межгосударственного конфликта немедленно отменить свой приказ на демонстрационные полёты штурмовиков над городом».

– Без проблем, – ответил комполка. – Но только из своей машины и по своей рации.

Психологическая атака возымела эффект, машину вернули.

Однако и руководство южной республики не отказалось от мысли национализировать всё имущество полка, тем более, что такие прецеденты уже были. В следующий раз бывшие «братья» выкатили на прямую наводку пару установок «Град», заявив, что если русские авиаторы не покинут аэродром, то они разнесут всё в щепки. Головин без малейшего колебания отдал приказ поднять в воздух звено штурмовиков. Не открывая огня, грозные боевые машины спикировали на них, и у нарушителей спокойствия не выдержали нервы, они быстро ретировались. Но на этом вылазки не закончились. Пребывание полка на азербайджанской земле проходило в постоянной тревоге до последнего дня, вплоть до того момента, когда штурмовики были подняты в здешнее небо в последний раз и взяли курс на Россию.

***

После передислокации в Бутурлиновку боевая часть полка была расформирована, знамя и документы сданы в Подольский архив Минобороны, авиатехника и вооружение переданы местному лётному полку. Личный состав до решения персональной судьбы каждого на неопределённое время оказался в подвешенном состоянии: стремительно деградировавшая страна в своих защитниках больше не нуждалась.

Разумеется, Коля имел все основания на то, что его оставят в Бутурлиновке. Но, видать, совершенно иное мнение на этот счёт было у командования. Сначала его вместе с другими хо-

тели было отправить на год-другой снова в Германию. Но тут из Министерства обороны прозвучала команда «отбой»: желающих поехать туда было больше, чем надо. Хорошая зарплата, к тому же в иностранной валюте, а при выводе заманчивая перспектива получить в России шикарную квартиру. Нет, теперь путь туда для таких, как Коля Назаров, был закрыт. Нашлись поухватистее, за спинами которых стояли солидные дяди с «волосатыми руками».

С тех пор, как полк вывели из Азербайджана, прошло немало времени, а Коля всё еще находился в Бутурлиновке. На птичьих правах. В штат не зачислен. Никуда не отправлен. Ходит ежедневно на службу. Отмечаться. Попробовал было настоять на том, чтобы его куда-нибудь определили – хоть на край света. Кадровики полка подняли его послужное дело, полистали бумаги, что-то посчитали и заявили: куда ты, мол, парень, рвёшься? Тебе служить осталось – всего ничего. Через пару месяцев можешь отправляться на пенсию.

– Так мне же нет и тридцати! – взмолился капитан Назаров.

– Вот и хорошо, – парировали те. – Ещё можешь хорошо устроиться на гражданке, пожить в своё удовольствие.

Коля хотел сказать о том, что не тихой, спокойной жизни ищет. Что он профессиональный лётчик, что в совершенстве владеет многими боевыми машинами. Что он хочет и дальше служить, хочет летать, а не почивать на пуховиках на так называемой гражданке. Но посмотрел на толстые, самодовольные лица штабных офицеров и понял, что разговаривать с ними на эту тему бесполезно. Не поймут.

Вот так и продолжает служить боевой лётчик Коля Назаров, страстно рвавшийся в небо.

Не так-то просто ему было преодолеть дорогу туда. Пожалуй, труднее многих. Учился без родительской поддержки. А тут перед самыми выпускными экзаменами в училище подсел на мотоцикл к одному лихачу и попал в тяжелейшую аварию, серьёзно повредил руку. Раны зажили, а рука висит плетью, не слушается. Что же, мечте конец? Так думали многие, но только не Коля. Упорно тренировался. Бывало, после отбоя ребята в постель, а он – на тренажёр. И в руке запульсировала жизнь. Но когда садился в кабину МиГа, чтобы совершить эк-

заменационный полёт, действовала ещё не в полной мере. Тем не менее, курсант Назаров блестяще выполнил всё, что требовалось по программе, и заслужил за свои действия самую высокую оценку.

Нигде не пасовал перед трудностями. Не сломался и здесь. Его жизнелюбию, оптимизму можно только позавидовать. Приходилось подолгу сидеть без копейки: не выдавали зарплату. Распродал чуть ли не все вещи, приобретённые во время пребывания в Германии.

– Ничего, Танюша, – успокаивал жену. – Руки, ноги есть – ещё заработаем.

Во время отпуска сел за руль грузового автомобиля. Тесть с тёщей – ни в какую. Посиди-де, отдохни. Служба ведь тяжёлая.

– Наша служба и опасна, и трудна, – бодро-весело отвечал Коля. – А потому хочу разрядиться на гражданке, малость поколесить по земле – надоело в небе порхать.

А ночью жена корила. За то, что не жалеет себя.

– Это родителям можешь петь серенады насчёт своей службы, – урезонивала Танюша мужа. – Я-то знаю, каково там порхать. Семь потов сойдёт, пока возвратишься на землю. Проживём как-нибудь без этой побочной зарплаты.

– Негоже как-нибудь жить при здоровом муже, – стоял на своём Коля. – Да и катаюсь я на автомобиле в своё удовольствие.

Хотя, конечно, удовольствия в этом было мало. Лучше, гораздо лучше было бы полежать на песочке у водички или посидеть с удочками на берегу водоёма. Но и без копейки не обойтись. Семью надо кормить, одевать. Какой же настоящий мужчина станет в такой обстановке отдыхать!

Зато многим другим авиаторам сейчас в Бутурлиновке не до отдыха. На карте бывшего Союза появилось немало горячих точек. Горячий ветерок различных вооружённых конфликтов долетел и до неё, коснулся самым непосредственным образом. Лётчики не дают наносить удары по российским наземным частям, принимают участие в охране вертолётов, доставляющих для мирного населения в труднодоступные рай-

оны продукты, медика-менты и вывозящих оттуда больных, женщин, стариков и детей, которым угрожает смертельная опасность.

Разумеется, подвергаются не меньшей опасности, если не большей, и сами авиаторы. Однажды за малым не был сбит штурмовик СУ-25, который пилотировал командир звена Миша Климов – один из лучших лётчиков полка.

С Климовым мне довелось познакомиться прошлым летом. Получив очередной отпуск, мы с женой управлялись по дому, решали неотложные дела, чтобы потом с «чистой совестью» отправиться в гости к сыну. И тут к нашему подъезду подкатили жёлтые «Жигули». Из них вылез Коля Назаров (успел обзавестись автомобилем во время службы в Германии). После объятий, рукопожатий поинтересовались, куда это он держит путь?

– Как – куда? – опешил, широко улыбаясь, Коля. – Ясное дело, – за вами.

– За нами?! – удивился я, учитывая то обстоятельство, что от Бутурлиновки до нашего райцентра путь не близкий, требуется до десяти часов ходу.

– Дядя Коля! – тряхнул тёмно-русскими кудряшками гость. – Вы что мне обещали? Забыли?

– Хоть убей – не помню, – после некоторого замешательства сознался я.

– А карпа поймать. Во-от та-ко-ого! – развел широко руки Коля.

– О, за карпом – пожалуйста. Готов хоть сейчас ехать на пруд.

– Нет, – возразил Коля. – Сейчас мы отправимся не на пруд, а в Бутурлиновку.

– В Бутурлиновку?!

– Женя уже заждался...

– Так он же в Туркменистане.

– Вчера вечером прилетел.

Опережая события, сообщу, что он вместе с некоторыми своими товарищами отправлялся туда за самолётами расформированного полка. Прибыл оттуда загоревшим и порядочно уставшим.

– Перелёт тяжёлый был? – спросил я.

- Нормальный, - как всегда, сдержанно ответил он.
- Жара, наверное, донимала? - допытывался я.
- Было малость. Особенно с водичкой были проблемы. Но ничего, преодолели и эти трудности.

Добиться от него рассказа о тех или иных событиях практически невозможно. Несколько лет назад он с группой товарищей летал в Румынию. Отгоняли туда истребители МиГ-21. Перелёт был не из близких и весьма сложный, особенно если учесть машины данной марки. Для дозаправки топливом пришлось делать несколько промежуточных посадок. Однако на все вопросы по поводу перелёта Женя отвечал односложно: «Нормально», «Ничего особенного». И далее - в том же духе.

Между тем, перелёт проходил не столь уж безоблачно, как это могло показаться из беседы с ним. Возникло немало непредвиденных обстоятельств. Не хотел принимать аэродром близ Одессы - последний перед конечным пунктом - румынским городом Канстанция. Долго, чисто по-русски, судили-рядили, каким курсом отправлять. Решили кратчайшим, через море. Экипировали экипажи необходимыми плавательными спасательными средствами. Однако в последний момент, когда уже взревели турбины истребителей, поступил приказ: выбросить их (наверное, пожалели - а вдруг не вернут), полетите, мол, сушей. А когда вырулили на старт, дали команду лететь морем. Но уже без спасательных средств.

Подробно, не без юмора, Женя рассказывал лишь о том, как их кормили в Румынии. Старались там из последних сил, но никак не могли насытить десятерых русских парней, уж больно охочих до еды. Доведённые до отчаяния румынские офицеры, приставленные к ним, приказали вытряхнуть на стол чуть ли не всё содержимое полковой кухни. Наши ребята всё подобрали.

- Ну как, наелись? - спросили румынские авиаторы, надеясь услышать от русских коллег, что теперь их душеньки довольны, желудки набиты под завязку. Но прозвучало совсем иное.

- Да так, малость закусили, - без видимого энтузиазма пробасил старший лейтенант Иванов, рослый, широкоплечий дедина, отличавшийся в группе отменным аппетитом.

Такой ответ вконец подрубил румынских товарищей, и они быстренько выпроводили своих гостей на родину, домой.

С удовольствием поведал Женя о приключениях в Центре выживания. Были в то время такие. В них учили лётчиков действиям в экстремальных ситуациях.

Однажды их группу в двадцать человек выбросили в горы за несколько десятков километров от лагеря. Без пищи и воды. На руках лишь карта да компас. Добирайтесь назад, как хотите.

– Счастливого пути, ребята! – помахал им ручкой сопровождавший их до выброски старший лейтенант Семёнов. – Надеюсь, обратно дорогу найдёте?

– Найдём! – хором ответили те, не предполагая, какие трудности ждут их впереди.

Сначала двигались все вместе. Карабкались по скалам. Брали крутые подъёмы с дикими зарослями, спускались в глубокие ущелья. Ни дорог, ни троп. Будто их выбросили на необитаемую планету.

Постепенно группа стала таять. Одни выбрали иной маршрут, другие, заявив, что они не дураки, чтобы мучить себя такими переходами, решили дожидаться, когда за ними придут те, кто их забросил сюда, мол, куда они денутся. Не оставят же на погибель.

С Женей осталось трое ребят. Надёжных, самых выносливых.

– Подтянись! – подбадривал их балагур и весельчак, всеобщий любимец Юра Черных. – Впереди ждут наваристые щи!

Щи... Тут хотя бы глоток воды. Солнце печёт – спасу нет. Всю влагу из тела выжарило.

И когда казалось, что силы уже на исходе, деревья вдруг расступились. В низине лежала какая-то узкая дорожка, а возле неё приютился небольшой павильончик. Ба! Да это же магазин!

– Братцы, прикройте! Атакую! – радостно вскричал Юра. И со всех ног – где только силы взялись! – бросился к нему.

Через какое-то время он вышел из магазина с кислой физиономией.

– Ничего нет? – хором спросили друзья, поняв, какая большая неудача постигла их здесь.

- Хоть шаром покати, - сказал Юра. - Но мы всё же спасены! - И он поднял высоко над головой две бутылки с вином.

Утолив жажду, двинулись дальше. Не заметили, как вышли к злополучному Центру выживания. Правда, с противоположной стороны той, откуда их ждали. Но это уже, как говорится, детали.

- Дошли?! - не поверил своим глазам старший лейтенант Семёнов.

- Как видите!

- Так вы же герои, братцы!.. А мы уже было собрались посылать за вами оказию...

- Обижаете, товарищ старший лейтенант!

- Извините, - произнёс тот виновато. - Но вы первые, кто к нам добрался своим ходом...

***

Дорога в Бутурлиновку оказалась не из легких. То и дело обрушивался дождь. Иногда он был такой силы, что казалось, машина идёт не по дороге, а плывёт по реке.

- Может, переждём? - не раз обращался к Коле я, боясь оказаться в заполненном водой кювете.

- Женечка уже весь истомился, ожидая нас, - отвечал тот и ещё сильнее нажимал на газ.

Где-то под Павловском Воронежской области мы услышали первое характерное постукивание в районе заднего моста. Притормозив, Коля выскочил из салона, склонился над колесом. Попросил принести нож. Его, как на грех, ни у него, ни у меня не оказалось. Отыскали лезвие от ножниц. Коля, бросив несколько нелицеприятных слов по адресу наших южных «братьев», у которых он приобрёл за немалые деньги новенький баллон резины, не без труда отрезал от него несколько отслоившихся кусков протектора. Потом эту операцию мы повторили ещё не раз. Однако шум под задним сиденьем автомобиля не уменьшался, а, наоборот, с каждым пройденным километром возрастал. Когда въезжали в Бутурлиновку, то оттуда уже доносился сплошной скрежет, словно в подшипник или шестерёнку всунули кусок железа.

Вечером вышли освежиться на балкон квартиры сына. Над Бутурлиновкой догорал тихий, задумчивый вечер, обещая хорошее утро.

– Добрая бы получилась рыбалка, – вздохнул Коля. – Жаль только, моя «ласточка» расклеилась, не на чём ехать на пруд.

– Починим, – успокоил Женя. – Клим поможет.

Так в полку все звали командира звена Мишу Климова.

Миша оказался плотным, коренастым парнем. Без лишних слов показал, где следует искать неисправность. Как он и предполагал, на одной из полуосей заднего колеса рассыпался подшипник. Мы с Колей долго возились с ним, но снять так и не смогли. Тогда к нам решительно подошёл Климов, занимавшийся в соседнем гараже другим автомобилем. Несколькими сильными, уверенными ударами сбил его. Затем поставил новенький подшипник, набросил на ось разогретую докрасна на бензолампе втулочку и столь же чётко и быстро посадил её на место.

Позже я ещё не раз слышал фамилию Миши. И каждый раз это было связано с чем-то хорошим, характеризующим его как доброго человека, верного товарища, прекрасного лётчика. Был он смел, решителен, находчив.

Об этих незаурядных качествах Климова знали не только в полку, но и далеко за его пределами, в том числе и в далёкой, однако, в одночасье ставшей близкой нам одной из южных республик. Когда там возникла напряжённость, оттуда командование запросило из Бутурлиновки несколько штурмовиков. И в числе других лётчиков в обязательном порядке попросили направить к ним Мишу Климова.

***

В тот день он в паре с Алексеем Коршуновым поднялся в воздух для сопровождения группы вертолётов, доставлявших продовольствие и медикаменты в осаждённый шахтёрский город. Полёт проходил нормально. Впереди, чуть ниже на равном удалении друг от друга, деловито шли «вертушки», рассекая мощными винтами прозрачный горный воздух. Сбросив до предела обороты двигателей, лишь бы только не свалиться в штопор, за ними на определённой высоте следовали штурмовики.

Внизу, насколько хватало глаз, простиралась чудная картина. Справа плескалось голубовато-зелёное море, будто со-

шедшее с картины Айвазовского, ещё в детстве поражавшее воображение Миши. А слева в голубовато-розовой дымке млели горы. Вспомнилось чьё-то изречение, что прекрасней гор могут быть только горы. Действительно, с высоты в три с половиной тысячи метров они казались необыкновенными, сказочными. И казалось, какие счастливые люди живут среди этих гор... А там шла необъявленная война, лилась кровь. Где-то в осаждённом, оторванном от всего мира городе с голоду умирали старики, дети...

Размышления Миши прервали резкие, характерные хлопки. По курсу «горбатого» сиреневый горный воздух разорвала огненно-дымная трасса. А миг спустя, чуть не задев штурмовик Климова, с диким рёвом пронёсся СУ-25.

– Кто пролетел? – спросил Миша у ведомого Алексея Коршунова, ещё не осознав до конца, что же произошло в южном небе.

– Он! – коротко доложил тот (то есть незнакомый, неизвестно откуда взявшийся противник). И тут же предупредил: – Берегись, Клим! Сзади заходит второй!

– Вот сволочи! – зло выругался Климов. И тут же последовала команда: – Прикрой, атакую!

В Бутурлиновке слава о Мише Климове шла не только как об одном из лучших лётчиков полка, но и как об уравновешенном, спокойном человеке. Русоволосого, жизнерадостного медведя практически невозможно было вывести из себя. Случалось такое крайне редко. Но если это кому-то удавалось сделать – горе было такому человеку. В такой миг Миша мог пойти на любой, самый решительный поступок. Нечто подобное с ним произошло и здесь. Дерзкое нападение на российские штурмовики, сопровождавшие вертолёты с самым мирным грузом на борту, вывело его из привычного состояния.

Климов до отказа увеличил обороты турбин, бросил СУ-25 в крутой вираж. Впереди четко вырисовались два штурмовика без опознавательных знаков: второй, вознамерившийся было атаковать самолёт Миши, не открывая огня, резко изменил курс, спешно последовал за первым.

Климов для атаки выбрал первый штурмовик неизвестного противника, того, кто так неумело произвёл по нему огонь

из бортового оружия. В считанные секунды сблизился с ним. Осталось только нажать кнопку пуска ракет.

Нападавшие, между тем, в панике сбросив подвесные топливные баки, резво уходили в сторону моря.

– Почему не стрелял? – после приземления спросил Коршунов.

Климов стянул шлем со вспотевшей головы, поправил жёсткие русые волосы. Не глядя на товарища, ответил тихо, нехотя:

– Не получилось. Видать, произошла разбалансировка комплексов.

Не мог же он сказать о том, как не просто нажимать кнопку, особенно когда перед тобой всё-таки не враг в прямом смысле этого слова, а скорее зарвавшиеся пацаны, хулиганье.

– Между прочим, они тебя узнали, – заметил Алексей.

– Кто? – не понял Климов.

– Те двое, – кивнул Коршунов в сторону моря. – Ты, вероятно, слишком увлёкся атакой и не слышал, как они зачастили на своём языке.

– С каких это пор ты стал понимать его? – усмехнулся Миша.

– Зря язвись, – рассердился Алексей Коршунов. – Языка их, конечно, я не знаю, но хорошо слышал, как они в испуге несколько раз произнесли твоё имя – Клим.

Миша, согнав с разгорячённого, усталого лица улыбку, в задумчивости почесал затылок.

– А что, вполне может стать, что это наши с тобой знакомцы. Бывшие слушатели наших курсов, чёрт бы их побрал! Научили на свою голову...

Здесь я должен сделать небольшое отступление и пояснить, о каких курсах идёт речь. После закрытия Борисоглебского училища Бутурлиновский полк поначалу был преобразован в пункт переучивания на самолёты СУ-25. Слушатели тогда приезжали со всего Союза. Это, пожалуй, был один из самых напряжённых периодов. Бутурлиновцы продолжали летать на истребителях МиГ-21, на ходу переучивались управлять штурмовиками СУ-25 и учили летать на них других. Возможно, и этих двоих, что встретил Климов со своим напарником в небе южной республики.

Вечером нам всё же удалось выехать на рыбалку на один из многочисленных прудов, сооружённый ещё в прошлом веке в Каменной степи под руководством учёного Докучаева. Клёв был неважный, чему виной стала разыгравшаяся непогода. То и дело срывался, гоня крутую волну, свежий ветер. Над южным горизонтом громоздились чёрные в коричневом обрамлении тучи, сверкали молнии, из конца в конец перекачивался гром. На крючок лишь изредка цеплялись карасики да небольшие, с ладошку, лини.

- Видать, придётся возвращаться нам домой сегодня без карпа, - заметил я.

- Для нас главное не улов, а сам процесс, - тут же откликнулся Коля Назаров. - Поймаем в следующий раз!

Однако следующего раза не получилось. Как назло зачастили дожди. Мощные, проливные, каких, как утверждали старожилы Бутурлиновки, в здешних краях не было никогда. Порой казалось, что в природе всё перемешалось, встало с ног на голову, что вместо неба над городом и его окрестностями распростёрся безбрежный океан. Вот он и обрушивается на пропитанную донельзя водой землю всё новые и новые потоки. Я буквально изнывал от безделья.

Спасибо, хоть душу убаюкивал, ласкал неумолчный грохот за околицей. Признаюсь, я очень люблю проводить отпуск у сына. Нравится мне тамошняя обстановка. Какая-то особая, необычная. Этот шум реактивных двигателей. Кажется, что где-то за корпусами многоэтажных домов живёт какой-то огромный диковинный зверь, ворочается, будоражит всё вокруг устрашающим рёвом.

Выйдя за кварталы многоэтажек, можно наблюдать, как в небо то и дело одна за другой взмывают стальные птицы, сотрясая всё вокруг грохотом, свистом. Зрелище, скажу по чести, не для слабонервных, впечатляющее. Затрагивает самые чувствительные человеческие струнки. А потому мне особенно понятна тоска ребят по небу, по полётам, Бывает, клянут они на чём свет стоит и небо, и самолёты. Но это так, для разрядки души. А как нет полётов - сами не свои. Ходят замкнутые, злые, будто у каждого не иначе стряслась большая беда.

Дни обычно во время отпуска пролетают незаметно. Пора собираться в обратную дорогу, в свой тихий, заштатный населённый пункт, приютившийся на берегу небольшой речушки с удивительным названием Тихая Сосна. Простились с Колей Назаровым.

– Крепись, – обняли мы его с женой. – Всё ещё образуется.

– Я не сомневаюсь в этом, – сказал Коля. – Ещё повоюем!

Да, он так и сказал – повоюем, а не полетаем. Что он имел в виду? Возможно, это было сказано им случайно. Но, по крайней мере, как поняли мы, просто так сдаваться он не собирался. А это главное. Значит, мечта о небе ещё не загублена, не погасла, живёт в его сердце.

У Жени же, наоборот, были совершенно иные заботы.

– Надо же случиться такому совпадению, – сокрушался он.

– Как раз в этот вечер, что вы уезжаете, у меня запланированы ночные полёты.

Он поглядел на предвечернее небо. У дальнего горизонта скапливались тучи, погромыхивал гром.

– Возможно, отменят полеты, – произнёс с надеждой. – Так хочется проводить вас...

Взяв свой «сверхскоростной» велосипед, на котором, по словам Веры Михайловны, его тётки, ездит быстрее, нежели летает «на своём самолёте», пообещал, если что, подскочить к поезду.

Мы с женой ждали до последнего момента, даже не вошли в вагон, когда начал накрапывать дождь. Гремела гроза, одна за другой тёмное небо вспарывали молнии. Но мы знали, что «если что», сын не усидит на аэродроме, обязательно прыскачит сюда. Увы, дорога к вокзалу была пустынной. И когда мы поднимались в вагон, небо взорвалось мощным рёвом реактивного двигателя. Оставляя за собой кинжальный шлейф огня, невидимая машина уходила в ночное небо. Навстречу крошечному мраку, грозе.

Жена задержала шаг. Лицо её побледнело. А может, это лёг на него неяркий свет привокзального фонаря.

Однажды в Борисоглебске сват, Александр Михайлович, повёз нас с Катей к аэродрому, посмотреть, как взлетают и садятся самолёты, на которых, по его выражению, упражняется

Женя. Остановились. Как на ладони – узкая, несколько уходящая вверх полоска блестящей на солнце бетонки. У ограждения, под нашими ногами, густой, нетронутый ковёр травы. Рядом – колосится не успевшая подернуться желтизной пшеница. Неумолчно звенят жаворонки, славят красоту здешнего края. Наши взоры обращены к аэродрому, туда, где стройной шеренгой застыли длинноносые серебристые птицы. Когда же? Когда? Ни я, ни жена ни разу не видели, как взлетают они. Наконец один из истребителей отчалил от стоянки, медленно, неуклюже направился к взлётной полосе. Вырулил на самый её край, на вершину, и на какое-то время застыл, будто собираясь с духом перед стартом. И вот позади хвостового оперения взметнулось тёмно-сизое облачко. Истребитель, напоминавший хищную доисторическую птицу, вздрогнул, просел, начал свой стремительный разбег. Мы даже не заметили, как он оторвался от полосы. Увидели уже летящим, стремительно приближающимся к нам. На какое-то мгновение он завис над нами, распластав тонкое, длинное тело с небольшими, чётко обтекаемыми крыльями. Но это лишь на какой-то миг показалось, что истребитель завис, как бы остановился в своём стремительном полёте. На самом деле это было не так. Он уже развил огромную скорость. Не успев подняться в воздух, МиГ-21 уже намного опередил звук.

Катя стояла, легонько опершись о капот «Жигулей». Страх, поначалу читавшийся в её глазах, когда самолёт неумолимо приближался к тому месту, где находились мы, прошёл. Истребитель завис над нами. Снизу он чем-то напоминал акулу, которую доводилось наблюдать на экране телевизора. Незаметно проскочил точку над нами. Из его огромного сопла рвался наружу, будто под действием какой-то неестественной, неземной силы, длинный сноп концентрированного огня. Неожиданно для всех нас (хотя мы ожидали этот момент) на наши головы обрушился треск, грохот такой силы, будто раскололось небо. Лицо жены стало бледнее свежешавшего снега. Она повалилась на землю, в густую траву, закрыв голову руками. Не скоро пришла в себя. И потом каждый старт очередного самолёта супруга встречала сидя на траве. А когда МиГ ровнялся с нами, низко кланялась земле, закрывала голову руками, чтобы не слышать этого дикого грохота.

Нечто подобное, по всей видимости, супруга испытала и сейчас, наблюдая за стартовавшим в тёмное, неприветливое небо самолётом. Только, разумеется, сейчас она испытывала несколько иное чувство – тревогу за сына, избравшего столь опасную и многотрудную профессию военного лётчика.

Когда мы занимали место в купе у окна, обращённого в сторону невидимого аэродрома, где сейчас кипела напряжённая жизнь, вновь всё вокруг содрогнулось от громоподобного грохота. Это следующий истребитель уходил в небо, тёмное, липкое, как сама дождливая ночь. Не успел грохот стихнуть, как на аэродроме врубил форсаж очередной МиГ. Будто из-под земли вырвался длинный пучок яркого, разящего огня и, набрав высоту, растворился. И казалось, что это вовсе не самолёты уходят на задание, на полигон, отрабатывать боевые приёмы, а к дальним планетам Галактики стартуют чудо-корабли.

– Зачем они так рвутся в небо? – со вздохом обронила жена.

Это, скорее, был не вопрос, а высказаны мысли вслух. Боль материнского сердца. Матери, естественно, куда было бы спокойнее, если бы её сынок ходил по твёрдой земле, не подвергал свою жизнь смертельной опасности. А они, наши сыновья, вопреки всему, даже, казалось бы, здравому смыслу, рвутся в небо. Поднимают в воздух свои страшные, грохочущие машины.

Что их так влечёт туда?

Думаю, на этот вопрос вряд ли кто даст ответ, даже человек, сидящий сейчас в тесной кабине сверхзвукового истребителя, вспарывающего чернильную темноту грозовой июльской ночи.

Значит, есть такая потребность у людей. У особых людей. Орлиного племени. Есть такая мечта. Голубая. Как васильковое поле, которое никогда не забудешь – стоит увидеть хоть раз. И эта мечта появилась не сейчас. Она жила в сердцах землян и сотню, и тысячу лет назад. Появилась в тот миг, когда первый человек на земле увидел над собой опрокинутый голубой шатёр. И будет жить вечно. Пока жив на ней человек.

Счастья вам, ребята. Большого человеческого счастья. Да сбудутся ваши мечты. Право, вы того заслуживаете.

СОДЕРЖАНИЕ

ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ

Сергей Галиченко. Правильная литература.....	3
---	----------

ПОЭТИЧЕСКИЙ МАРАФОН

Михаил Лермонтов. Родина	10
Сергей Есенин. Гой ты, Русь, моя родная	11
Александр Блок. Скифы	12
Зоя Буцаева. Белогорье	15
Светояр – Анатолий Овсянников. Родная земляца.....	18
Не колышется травинка.....	19
Виталий Валитар. Когда душа поёт не по науке.....	20
Надежда Ковалёва. В горнице.....	21
Старый Оскол.....	22
Замкнутый круг.....	22
Русь.....	23
Марианна Володина. Путь к Богу.....	24
Галина Щербинина. Зайчик, светлый лучик лета.....	26
Невестке.....	26
Ещё один год.....	27
Вернёмся к Богу.....	27
Ольга Филиппова. Горячечным бредом.....	28
Печальная осень.....	29
Сергей Леонтьев. Черновик.....	30
В саду.....	30
Человек, сложившийся из молний.....	31

Людмила Дринова-Воронина. Гуляет Осень по лесам.....	32
Малая Родина.....	33
Валентина Казанова. Потеряй меня.....	34
Мы с тобой вдвоём.....	34
Владимир Тюльпин. На охоте.....	35
Надежда Сычева. Мамаев курган.....	36
Алексей Витаков. Донецку.....	37
Юрий Хохлов. Кто знает.....	38
Марина Голосова. Отрежь мои крылья, неспешно.....	41
Мне сердце не затем дано.....	42
Пустой перрон в закатном свете.....	42
Ольга Лофицкая. Я вошла в твой сонный сад.....	43
Если мы сегодня не встретились.....	43
Большая Ордынка.....	44
Сергей Овчинников. Как нам желанна интернет-семья!	45
Да, я араб и чернокожий.....	45
Есть место, где душа находит дом.....	46
Я крысолов, бросаю вечно вызов.....	46
Эл Озо. Этот день ты будешь помнить всегда.....	47
Алексей Медялко. В разнос.....	48
Злоба.....	49
Вера Котенёва. Васильки.....	50
Давай поговорим.....	51
Нелли Амунова. Давай попробуем проснуться.....	52
Послевкусие встречи какое?	52
Пророк, бунтарь, мыслитель и философ.....	53

Ирина Иванова. Город.....	54
Если.....	55
Ольга Слободкина. Перемены Земли.....	56
Дачные зарисовки.....	57
Диана Шальнева. Застывшее сердце не плачет.....	58
Бьёт о берег моря чёрного волна.....	58
Наталья Стрельникова. Запах яблок и петунии.....	59
Всё тот же дом стоит, как прежде.....	60
Легкою сеточкой птичьих следов.....	60

СТИХИ УЧАСТНИКОВ КЛУБА
 БАРДОВСКОЙ ПЕСНИ «БАРРЭ»

Дарья Зубкова. Азбука.....	62
Джен Блэк. Принцесса и менестрель.....	63
Ксения Часовских. После сна.....	66

ПОБЕДИТЕЛИ 1-ГО ЭТАПА «ПОЭТИЧЕСКОГО МАРАФОНА»
 В ГРУППЕ РОСА «ВКОНТАТКЕ»

Олег Дзикун. Снова осень, всё стало немного другим.....	68
Александра Карпенко. Она приходит - наступает осень.....	69
Мария Урманова. Дождь превращается в осень.....	70
Дмитрий Кузнецов. Осенние мотивы.....	71
Алишер Темучин. Позови меня вслух!.....	72

МОСКОВСКАЯ ГОРОДСКАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ
 СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ РОССИИ

Ирина Маркова. Былое с былым.....	75
Господний листопад.....	76
Случайные встречи.....	77
Андрей Галамага. Мы успели родиться.....	78
Пейзаж.....	79

Александр Чистяков. Дорога без конца и без начала.....	81
Мой дом был слишком мал для вашей пьесы.....	82
Бабушке.....	83

Евгений Белозёров. На столе бутылка. За окном пороша.....	84
Средь вас, прилизанных и сонных.....	84
Фу-ты, ну-ты! Тары-бары!	85
Мне мысль покоя не даёт.....	86
С веками разум человека.....	86

С ПЕСНЕЙ ПО ЖИЗНИ

Татьяна Марюха. Осенняя мелодия.....	88
Новогоднее пожелание тем, кто сейчас в разлуке.....	89
Сирень и весна.....	90

МИНИАТЮРЫ С НАТУРЫ

Владимир Жалнин. В общей клетке.....	92
---	----

РАССКАЗЫ

Виктор Верин. Люди и лебеди.....	96
Любовь Шевцова. Моя тётушка.....	99
Надежда Лан. В поисках любви.....	114
Борис Новичихин. Обман любви.....	127

СКАЗКИ

Андрей Чувилин. Как Машенька чудеса искала.....	148
Мария Сергеева. Принцесса Неждана.....	151
Тамара Дронова. Дети Матушки Недели.....	159
Константин Стригуновский. Сказка о страннике.....	162

ПОВЕСТИ

Юрий Чекусов. Ледяная быль Ермака.....	168
Николай Цыкаленко. Тревожное небо.....	213

РОСА СЕГОДНЯ

- Литературно-публицистическая газета
«Правда жизни»
- Фестиваль «Русская ярмарка талантов»
- Литературно-художественный альманах «Клад»
- Издательство (выпущено более 250 наименований)
  - Книжная серия «Сигнальный экземпляр»
  - Книжная серия «Это было на самом деле»
    - Творческая гостиная «Лад»
    - Литературная мастерская
  - Детская литературная редакция «Росинка»
  - Театральное объединение «Галактика рос»
    - Круглый стол
- «Общественные объединения: сверка позиций»
  - Научно-практическая конференция
«Современная народная культура
как основа развития общества»,
  - Литературно-музыкальное объединение
«Созвучие рос»
- Постоянно действующий координационный центр
по вопросам культуры и художественного творчества
  - Сайт art-rosa.ru,
аккаунты в социальных сетях

Литературно-художественный альманах

КЛАД Выпуск 16

Главный редактор Сергей Галиченко

Над выпуском альманаха работали Зоя Буцаева, Ольга Филиппова,
Юрий Градинаров, Надежда Ковалёва, Людмила Дринова-Воронина.

Корректор Нелли Кладова

Дизайн, компьютерная вёрстка – Пётр Гасев

Фото на обложке Сергея Скеронова

Издательство РОСА

Российское общество современных авторов

e-mail: 885533@mail.ru   <http://art-rosa.ru>

Формат 60x84 ¹/₁₆. Печать офсетная. Бумага офсетная.

Гарнитура Book Antiqua. Усл. печ. л. 14,65.

Тираж 3000 экз. 1-й завод (представительский тираж) – 300 экз.

Подписано в печать 13. 11. 2015 г. Заказ № 217

Отпечатано в типографии «Квадрат».

309504, Белгородская обл., г. Старый Оскол, пр-т Комсомольский, 73